МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XX В.: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ФОРМЫ, ФАКТОРЫ, СПЕЦИФИКА, ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Монография

НИЖНЕВАРТОВСК
НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

2020

УДК 9(571)
ББК 63.3(253.3)-37+86.372.24-3
Р89

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор кафедры
социально-гуманитарного образования
БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет»
Е.И. Гололобов;

канд. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского отдела истории и этнологии
БУ ХМАО-Югры «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок»
М.Ф. Ершов

Авторы:

В.В. Цысь, Я.Г. Солодкин, О.П. Цысь, А.В. Спичак

Р89 **Русская православная церковь на севере Западной Сибири в конце XVI – начале XX в.: институциональное влияние на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы (формы, факторы, специфика, историческая роль):** монография / В.В. Цысь, Я.Г. Солодкин, О.П. Цысь, А.В. Спичак; под общ. ред. В.В. Цыся. – Нижневартовск: НВГУ; Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. – 223 с.

В монографии рассмотрены вопросы, касающиеся влияния Русской православной церкви на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы на севере Западной Сибири (в современных административных границах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Ямало-Ненецкого автономного округа) с начала вхождения края в состав Российского государства до событий революции 1917 г.

Книга предназначена для всех, кто интересуется прошлым и настоящим Русской православной церкви, историей Сибири.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 18-49-860002

ISBN 978–5–00047–540–9
ISBN 978–5–7692–1669–5

© Цысь В.В., введение, заключение, 2020
© Солодкин Я.Г., разд. I, 2020
© Цысь В.В., Цысь О.П., разд. II, гл. 1–4, 2020
© Спичак А.В., разд. II, гл. 5, 2020
© НВГУ, 2020
© Оформление. Издательство СО РАН, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ 4

ВВЕДЕНИЕ 6

Раздел I. ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ НА РАННЕМ ЭТАПЕ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ (КОНЕЦ XVI–XVII В.) 15

Глава I. Были ли особые церковнослужители в «дружине» Ермака? ..... –

Глава II. Строительство православных храмов и начало вхождения Сибири в состав Российского государства 19

Глава III. Первые новокрещены Югорской земли 31

Глава IV. Кому в церковном отношении подчинялась «русская» Сибирь до образования Тобольской епархии? 44

Глава V. К истории взаимоотношений церковных и светских властей в Азиатской России первой половины XVII в. 49

Раздел II. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (XVIII – НАЧАЛО XX В.) 60

Глава I. Проблемы взаимоотношений и взаимодействия приходского духовенства и светской власти на Тобольском Севере в синодальный период ..... –

Глава II. Роль храмового строительства в освоении Тобольского Севера в XVIII – начале XX в. 95

Глава III. Хозяйственная и финансовая деятельность православного приходского духовенства Тобольского Севера и ее влияние на социально-экономическое развитие региона в XVIII – начале XX в. 112

Глава IV. Влияние Русской православной церкви на медицину, культуру и просвещение 145

Глава V. Государственные институты, социальные процессы и делопроизводство Русской православной церкви 185

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 199

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 201

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогие отцы, братья и сестры, мы рады представить вашему вниманию совместный труд наших коллег, ученых – историков Нижневартовского государственного университета – монографию “Русская православная церковь на севере Западной Сибири в конце XVI – начале XX в.: институциональное влияние на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы (формы, факторы, специфика, историческая роль)”.

Летописная традиция, сохранившая отголоски истории распространения православной веры, упоминает о начале христианской проповеди на севере Западной Сибири: «И от казаков поставишася грады и святыя Божия церкви воздвигошася и благочестие просияша... требища идольская вся разорися и сокрушися и боговидение всадися...». Следовательно, деяния дружины Ермака необходимо воспринимать не только как подвиг воинский, но и духовный, нравственный, а православная церковь сыграла огромную, если не главнейшую роль в становлении Сибири как части государства российского.

Авторы монографии стремятся показать историю распространения православия в Западной Сибири, осветить проблемы взаимоотношений и взаимодействия приходского духовенства и светской власти, роль храмового строительства в освоении Тобольского Севера, хозяйственную и финансовую деятельность православного приходского духовенства и ее влияние на социально-экономическое развитие региона, влияние Русской Православной Церкви на медицину, культуру и просвещение, своеобразие духовного управления, а также впервые рассмотрены особенности делопроизводства религиозных учреждений.

Как отмечают авторы, на севере Тобольской епархии сложились не только особые условия, в которых священно- и церковнослужители выполняли свои основные обязанности, вели проповедническо-миссионерскую деятельность и искали источники

существования. Здесь у духовных лиц имелась возможность применять многовариантные методы и формы воздействия на происходившие в региональном социуме процессы. Духовенство было опорой, проводником курса правительства, помогая основной массе населения Северо-Западной Сибири – коренным жителям – освободиться «от пут невежества» через принятие православной веры. Социально-просветительское служение давало возможность укоренить на «инородческом севере» черты новой, европейской цивилизации.

Все материальные и технические трудности, связанные с огромными расстояниями, укоренившимися языческими воззрениями коренного населения, не смогли затмить силу и горение духа поколений православных миссионеров, священнослужителей и мирян, проповедовавших на Тобольском Севере Евангелие, не только устами, но и своей поистине подвижнической жизнью, в суровых северных условиях. Последовавшие в начале XX в. социальные и политические потрясения, крушение Российской империи и разгром Православной Церкви, учинённый атеистическим государством, надолго оторвали северные народы от православия, сведя на нет все титанические усилия православных миссионеров. Все храмы и часовни, с таким трудом и заботой выстроенные в прежние времена, были разрушены и сожжены. Однако засеянное семя веры, несмотря на все потрясения, все же взросло в душах людей. Сегодня открыты православные храмы, часовни и монастыри, возродились воскресные школы и на Югорской земле, обретшей новые церкви, вновь затеплился огонь православной веры и благочестия.

Митрополит
Ханты-Мансийский и Сургутский
ПАВЕЛ

ВВЕДЕНИЕ

Русская православная церковь играла исключительно важную роль в процессах освоения и дальнейшего развития Сибири. Храм не только формировал вокруг себя особое сакральное пространство, но и становился центром общественной жизни. Через него происходило приобщение коренного населения к ценностям православной (шире, русской) культуры. Религиозные учреждения, духовенство выполняли просветительские, а также административные функции, оказывали влияние на политические, экономические, социокультурные институты. Формы, каналы и результаты этого воздействия следует признать важной научной проблемой, позволяющей понять как особенности освоения отдаленных от центра периферийных регионов, так и проходившие в XVII – начале XX в. трансформационные процессы.

Кроме того, изучение данной проблемы даст возможность использовать позитивный потенциал традиционных конфессий для решения стоящих сегодня перед государством и обществом задач, способствовать объединению граждан страны на базе единых, основанных на многовековых традициях ценностях, сгладить неизбежно возникающие в мультикультурном обществе противоречия, опираясь, в том числе, на исторический опыт досоветского периода. Возрождение православия на рубеже XX–XXI в. потребовало поиска новых форм взаимоотношений Русской православной церкви, государства и общества в существенно изменившихся исторических условиях.

Основы изучения темы были заложены в дореволюционный период церковными историками. Преимущественное внимание они уделяли христианизации, проведенной «апостолом» Сибири митрополитом Филофеем (Лещинским), а также деятельности миссий XIX в.[1] Преобладали положительные оценки влияния Русской православной церкви на местное население. Проблемы взаимодействия церковных и светских институтов, однако, не становились предметом исследования.

Советская историческая наука крайне тенденциозно подходила к решению многих вопросов, связанных с историей православия, в том числе и к изучению роли православного духовенства в ходе освоении Сибири. При рассмотрении христианизации

[1] См., напр.: Абрамов Н.А. О введении христианства у березовских остяков // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. № 12. С. 1–22; Сулоцкий А.И. Миссионерства Березовского края – Обдорское, Кондинское и в особенности Сургутское // Сочинения: В 3 т. Тюмень, 2000. Т. 2. С. 789–801; и др.

коренного населения прежние выводы сменились на прямо противоположные. В частности, А.Г. Базанов в качестве основного метода обращения в новую веру признает насилие[2]. В то же время И.И. Огрызко подчеркивает, что «христианизация крепила связи между народами Тобольского Севера и централизованным многонациональным русским государством», способствовала борьбе с такими явлениями, как калым и многоженство[3]. Особое место в раскрытии темы занимают работы Н.А. Миненко, сумевшей показать двойственность, противоречивость политики государства и Русской православной церкви в процессе христианизации коренного населения региона[4].

В современной историографии заметно возросло количество исследований, посвященных истории взаимодействия духовенства, государства и приходской общины, влияния Русской православной церкви на происходившие в стране в целом и на севере Западной Сибири в частности процессы. Так, Т.Г. Леонтьева подчеркивает «неуклонную бюрократизацию внутрицерковной жизни», где «государство определяло и конкретизировало статусные характеристики духовенства». Автор видит в последнем неиспользованный государством в достаточной степени инструмент духовной и социальной модернизации российского общества, с помощью которого можно было бы «вывести крестьянство на дорогу прогресса»[5].

Перегруженность православных пастырей обязанностями, их «чиновничий» характер, взаимозависимость власти церковной иерархии и светских бюрократов – вопросы, которые нашли отражение в работах М.И. Одинцова, А.Л. Беглова, А.В. Васильевой[6].

---

[2] Базанов А.Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере. Л., 1936. С. 17.

[3] Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941. С. 141.

[4] Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 230–282.

[5] Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002. С. 25, 243.

[6] Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002; Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской православной церкви. 2014. Вып. 2(57). С. 56–81; Васильева А.В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015.

Участие клириков в повседневной жизни крестьян, выполнении административных задач раскрывается в монографии М.В. Пулькина. Исследователь отмечает, что при решении «мирских дел» священник далеко не всегда оставался на второстепенных ролях, приводит примеры его влияния на жизнь сельской общины в подготовке челобитных, выборах должностных лиц, законности решения вопроса о «взятии» рекрута и т. п.[7]

Историю архивов Русской православной церкви в Тобольской епархии осветил А.И. Костанов – автор первого комплексного труда, посвященного изучению основных этапов формирования, хранения и использования документов Сибири и Дальнего Востока в конце XVI – первой четверти XX в.[8]

Некоторые публикации посвящены взаимоотношениям причта и прихожан внутри общины[9]. В частности, А.В. Мангилева приходит к выводу о том, что общественная активность клириков в пореформенный период была связана с мерами правительства, Св. Синода и архиереев, способствовала повышению статуса духовенства в глазах прихожан, а также уровня их самооценки[10]. Анализируется также участие духовенства в становлении системы начального образования[11]. В трудах Е.М. Главацкой предпринята

---

[7] Пулькин М.В. Православный приход и власть в середине XVIII – начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск, 2009. С. 248–249.

[8] Костанов А.И. Архивы Русской православной церкви на Дальнем Востоке (XVII – начало XX веков) // История государственности и церкви на Сахалине: Сб. статей. Южно-Сахалинск, 2001. С.48–68; Костанов А.И. К вопросу о периодизации истории архивного дела на Дальнем Востоке России в дореволюционную эпоху (XVII – начало XX вв.) // Дальневосточные архивы: прошлое – будущему. Владивосток, 2003. С. 23–31.

[9] Бабушкина О.Ю. Взаимоотношения причта и мира в сибирской деревне // Религия, человек, общество: Тезисы международного научного религиоведческого конгресса. Курган, 1998. Ч. 2. С. 6–7; Мухортова Н.Н. Городская приходская община в Западной Сибири во второй половине XVIII – 60-х гг. XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000; Караваева Е.В. Нормативные акты – основа для участия православного клира Томской губернии в благоустройстве сельских кладбищ (вторая половина XIX – XX в.) // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 63–67.

[10] Мангилева А.В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2015. С. 6–7, 246, 398.

[11] См., напр.: Гизей Ю.Ю. Церковно-приходская школа Томской епархии (1884–1917). Кемерово, 2004; Цысь В.В., Цысь О.П. Образова-

попытка систематизировать данные о формах и результатах миссионерской работы среди хантов на протяжении XVII–XX в., изменения, произошедшие в культуре и верованиях коренного населения благодаря христианизации[12]. Истории одной из миссий – Обдорской – посвящена монография Г.Ш. Мавлютовой[13].

Следует также отметить подготовленные и изданные в 2002–2007 гг. учеными Тюменского государственного университета сборники документальных материалов по истории православных храмов севера Западной Сибири, извлеченные из фонда Тобольской духовной консистории ГУТО ГА в г. Тобольске[14]. Сборники, являющиеся ценным подспорьем для занимающегося изучением православия на территории края, снабжены научными комментариями и предисловиями, имеющими характер научных статей.

Отдельные аспекты церковно-государственных отношений в «русской» Сибири конца XVI – XVII в. нашли отражение, хотя и с ограниченным кругом источников и подчас не без фактических ошибок, главным образом в работах Б.В. Мельникова, А.Т. Шашкова, И.Л. Маньковой, В.Ю. Софронова[15].

ние и просвещение на севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Нижневартовск, 2011.

[12] Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX в. Екатеринбург; Салехард, 2005; Она же. Христианское освоение Обдорского края // Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Екатеринбург, 2005. С. 150–186.

[13] См., напр.: Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень, 2001.

[14] Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу / Под ред. Л.В. Степановой, С.В. Турова. Екатеринбург, 2007; Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX в.: источники / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2006; Церкви Обдорска: летопись в документах / Ред.-сост. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2007. Вып. 2: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. 1; и др.

[15] Мельников Б.В. Некоторые аспекты церковной политики Российского государства в Сибири (XVII век) // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: Межвуз. регион. науч. конф.: Тез. докл. и сообщ. Омск, 2000. С. 79–88; Манькова И.Л. Сибирский архиепископ Симеон и тобольские воеводы: опыт эмпирического исследования в свете теории конфликта // Уральский исторический вестник. 2012. № 3(36). С. 14–23; Шашков А.Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / Сост. С.А. Белобородов, Н.А. Мудрова, А.В. Полетаев, Е.А. Полетаева, И.В. Починская,

Часть исследователей в большей степени акцентирует внимание на отрицательных сторонах выполнения духовенством навязанных государством «посторонних» обязанностей, другие указывают на положительные результаты деятельности священно- и церковнослужителей на благо своей паствы. Можно при этом говорить как о влиянии духовенства на светскую власть и общество, так и об обратном воздействии, определявшем социальный статус, занятия, повседневную жизнь и быт, материальное благополучие служителей церкви.

В целом же, на наш взгляд, вклад священно- и церковнослужителей в решение стоявших перед обществом задач по модернизации страны, тем более в таком отдаленном и слабозаселенном регионе, как север Западной Сибири, оценен недостаточно. Как правило, исследователей привлекали внимание сюжеты, касающиеся выполнения священно- и церковнослужителями своих непосредственных обязанностей: распространение христианского вероучения среди новообращенных, храмовое строительство, борьба с языческими пережитками и др. До настоящего времени комплексного исследования, посвященного проблеме институционального влияния Русской православной церкви на Тобольском Севере, не создано.

Цель исследования – изучение институционального влияния Русской православной церкви на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы на севере Западной Сибири в конце XVI – начале XX в.

Достижение данной цели предполагает выполнение следующих **задач**:

– проанализировать эволюцию отношений между институтами Русской православной церкви и государственными структурами, определить этапы этих отношений и факторы их трансформации;

– выявить формы, факторы, результаты влияния церковных учреждений на экономическое, общественно-политическое и социокультурное развитие края.

Территориальные рамки включают Тобольский Север (север Западной Сибири), в современных границах – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

А.Т. Шашков. Екатеринбург, 2003. С. 5–62; Софронов В.Ю. Сибирская симфония: государство и церковь как союзники в процессе освоения Сибири // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики: Докл. и сообщ. всерос. науч.-практ. конф., посвященной 300-летию образования Сибирской губернии (20–21 ноября 2008 г., г. Тюмень). Тюмень, 2009.

Хронологические рамки охватывают период от вхождения Тобольского Севера в состав Российского государства до начала XX в., когда в результате произошедших в стране революционных событий не только коренным образом изменилась роль и место Русской православной церкви в системе общественно-политических, экономических и культурных связей, но и было поставлено под угрозу само ее существование.

Предмет исследования – деятельность православного духовенства, церковных институтов, оказавшая влияние на политические, социальные, экономические и этнокультурные процессы на Тобольском Севере.

Объект исследования – взаимодействие православного духовенства, представителей органов государственной власти, общества в рассматриваемых территориальных и хронологических рамках.

Основой работы служат **принципы** историзма, целостности, объективности, всесторонности. Авторы следуют модернизационному подходу, позволяющему проследить изменения в сфере управления, экономики, культуры и быта, повседневной жизни на территории Тобольского Севера в XVII – начале XX в.

Используются как общенаучные, так и традиционные для любого исторического исследования **методы**: системный, историко-сравнительный, синхронный, проблемно-исторический. Междисциплинарность представлена в исследовании сочетанием исторического и религиоведческого подходов, что создает условия для более конкретного изучения темы. Первый дает возможность многоаспектно проследить обусловленность каждого направления деятельности православного духовенства, второй же помогает понять внутренние мотивы людей, способствует более точному анализу взаимодействия Русской православной церкви с другими социально-политическими институтами, прежде всего, с государственной властью.

Обзор источников. Источники по теме исследования можно разделить на несколько основных групп. Самой большой и важной из них являются *документальные материалы*, сосредоточенные в государственных архивах (прежде всего, в Государственном бюджетном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Казенном учреждении «Государственный архив Югры» (КУ ГАЮ)).

Использованные документы появились в процессе делопроизводства ряда церковных учреждений: Св. Синода, духовных консисторий и правлений, благочиний. В частности, следует выде-

лить материалы, сосредоточенные в фонде Тобольской духовной консистории (Ф. И-156) ГУТО ГА: переписка ТДК с канцелярией губернатора и подведомственными учреждениями (Березовским духовным правлением, благочиниями), а также журналы заседаний Совета главного управления Западной Сибири. Здесь же хранятся следственные дела и другие документы, важные для понимания того, как менялась политика светских и церковных властей по отношению к пережиткам язычества и укреплению новокрещеных в христианской вере. В переписке между Св. Синодом и Тобольской духовной консисторией (Ф. 796 – Св. Синод, РГИА) отражен спектр разнообразных вопросов, касающихся материального обеспечения северного духовенства, его участия в просвещении коренного населения.

Важное значение имело привлечение документов, поступавших от церковных институтов в светские, хранящихся в ГУТО ГА в фондах Тобольской казенной палаты (Ф. И-154), Березовского уездного полицейского управления (Ф. И-171), Сургутского отделения Тобольского окружного суда (Ф. И-378) и ряда других.

Интерес представляют подробные полугодовые ведомости или рапорты благочинных «О благосостоянии церквей и приходов», поступавшие на имя епархиального архиерея и отложившиеся в фонде Тобольской духовной консистории (Ф. И-156), Сургутского благочиния (Ф. И-191) ГУТО ГА. Документ данного вида состоит, как правило, из нескольких частей. Первая посвящена характеристике приходских церквей. Следующий раздел содержит сведения о приходском духовенстве, третий – о пастве, ее численности, религиозно-нравственном состоянии; здесь же упоминаются крупные пожертвования, сделанные прихожанами на нужды церкви. Несомненный интерес представляют рапорты приходских священников. Они составлялись на имя благочинных каждые полгода примерно по такой же форме, по какой сами благочинные отчитывались перед епархиальным архиереем. Священник обязательно сообщал обо всех своих поездках по приходу в течение отчетного периода, о происходивших во время этих поездок встречах с прихожанами, об их религиозно-нравственном состоянии, необычных событиях и т. п. Эти документы свидетельствуют о формах и методах работы духовенства среди крестьян и новообращенных аборигенов.

В «Церковном фонде» КУ «ГАЮ» и фонде Тобольской духовной консистории (Ф. И-156) ГУТО ГА хранятся клировые ведомости, включающие обобщающую информацию о приходах Тобольского Севера. Они составлялись ежегодно священниками и должны были отсылаться благочинному не позднее 15 января

следующего года. Клировые ведомости состояли из трех отдельных частей – о церкви, о причте, о прихожанах. Единая стандартная форма документа, его ежегодное заполнение делают его ценным источником по истории приходского духовенства.

В документах фонда Сургутского благочиния (Ф. И-191) ГУТО ГА проанализирована переписка приходов, благочинных с уездными, волостными присутственными местами и инородными управами. Ее анализ позволяет, с одной стороны, понять роль церковных институтов в решении повседневных запросов как русского, так и аборигенного общества, с другой стороны, выяснить, насколько политика центра корректировалась в сельской «глубинке», какие она приобретала особенности под влиянием местных условий. Мы постарались проанализировать весь массив переписки Сургутского благочиния за отдельные годы второй половины XIX – начала XX в., а также ряда приходских церквей (Ларьякской, Сургутской, Сосьвинской и др.).

Не менее важную роль в раскрытии темы играет текущее делопроизводство приходских церквей (Ф. И-704 – Обдорская Петро-Павловская церковь, с. Обдорское Обдорской волости Березовского уезда Тобольской губернии (1823–1928 гг.); Ф. И-706 – Ларьякская Знаменская церковь, с. Ларьяк Березовского уезда Тобольской губернии (1781–1923 гг.) и др.). Как и благочинному, настоятелю храма приходилось отвечать на запросы светских учреждений (волостных, окружных, губернских) и частных лиц. Адресатами являлись пешая казачья команда, помощник окружного исправника, окружное полицейское управление, мещанский староста, городская больница, врачебная управа, волостные правления, инородные управы, тобольские жандармское управление, казначейство, пароходная фирма «Товарищество Курбатова и Игнатова», отделения Государственного банка и др.

Еще одну группу источников составляют законодательные акты, регулировавшие деятельность Русской православной церкви, социальный статус духовенства, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи» и ряде специальных сборников по церковному законодательству[16].

Использованы также материалы периодической печати, преимущественно «Тобольских епархиальных ведомостей», в не-

[16] См., напр.: Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). 1-е. Т. VI. № 3718; ПСЗРИ-1. Т. 24. № 18273. С. 322; ПСЗРИ-2. Т. III. № 1952; № 1953; Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т. Барсов. СПб., 1885. Т. 1.

официальной части которых публиковались отчеты, корреспонденции, заметки, дающие возможность выяснить, в каких экономических, социальных условиях разворачивалась деятельность духовенства.

Определенное значение имеют различные справочные издания, где приводятся статистические сведения о православных приходах Тобольского Севера[17].

Привлекались материалы личного происхождения, к числу которых следует отнести путевые заметки, оставленные учеными, чиновниками, предпринимателями, где отразились непосредственные впечатления от знакомства с регионом светских лиц[18].

Среди источников по ранней истории Русской православной церкви в Сибири выделяются такие разновидности документов, как царские грамоты, памяти воеводам, их отписки, «скаски» служилых людей, и нарративные памятники, возникшие в Тобольске в 1620-х гг. и последующих десятилетиях: синодик «ермаковым казакам», Основная и вторичные редакции Есиповской летописи, «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее...», Ремезовская летопись[19].

Использование и анализ источников всех перечисленных групп позволяют решить поставленные в настоящем исследовании задачи.

---

[17] См., напр.: Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. Тобольск, 1913. 46, 227, 89, 8, 66 с.

[18] См.: Миллер Г.Ф. Путешествие от Сургута вниз по реке Оби до Березова. 1740 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/text14.phtml?id=10293 (дата обращения: 17.02.2019); Голодников К. От Тобольска до Обдорска летом и зимою // Тобольские губернские ведомости. 1881. № 1. 3 янв.; Поездка на Северный Урал летом 1892 года: Составил по дневникам гг. Сыромятникова и Андреева Н. Подревский. Тюмень, 2004; Носилов К. Кондинская женская община // Православный благовестник. 1900. Т. 3. № 31. С. 214–217; Носилов К. Школа у остяков // Родник. 1900. № 7. С. 87–90; и др.

[19] См., напр.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. Вып. I–II; Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36; Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994 (История Сибири: Первоисточники. Вып. IV); Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999–2000. Т. I–II; Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008.

Раздел I
ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ НА РАННЕМ ЭТАПЕ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ (КОНЕЦ XVI–XVII В.)

Глава I
БЫЛИ ЛИ ОСОБЫЕ ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛИ В «ДРУЖИНЕ» ЕРМАКА?

Нередко утверждалось, что казачий отряд, «взявший» «за саблею» «Кучумово царство», располагал походной часовней и иконами[20], среди ермаковцев находились попы (либо священники и монахи)[21], три попа (присоединившиеся к казакам во владениях Строгановых, «агентами» которых якобы сделались[22]), четыре священника, в том числе иеромонах[23], или три священ-

---

[20] Мануйлова И.А., Ярков А.П. О традициях иконописи в регионе // Тобольск – врата Сибири: Актуальные вопросы истории города и региона XVII–XX в. Тобольск, 2012. С. 122; Гоголев Д.А., Ярков А.П. Утилитарное – сакральное – музейное (Об истоках формирования музейных коллекций) // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях (далее – ЗСАМИ): Мат-лы III науч.-практ. конф. (г. Сургут, 26–29 ноября 2013 г.). Сургут, 2013. Ч. I. С. 112.

[21] История казачества Азиатской России: В 3 т. Екатеринбург, 1995. Т. 1: Конец XVI – первая половина XIX в. С. 261; Голомянов А.И. Народные представления о Ермаке и казаках-«чалдонах» // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: Мат-лы регион. науч. конф. (г. Новосибирск, 21 декабря 2008 г.). Новосибирск, 2009. С. 222; Ярков А.П. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки (далее – ЗС). Нижневартовск; Омск, 2011. Вып. X. С. 26.

Утверждение, будто «православное духовенство» из отряда Ермака иногда заставляло «местное население креститься или шертовать (присягать верности) перед крестом» (Ярков А.П. Духовенство Западной Сибири в панораме веков // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Мат-лы I Междунар. науч. конф. (г. Нижневартовск, 17–18 декабря 2003 г.). Нижневартовск, 2003. С. 146), – очевидный домысел. См., напр.: Зуев А., Слугина В. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // Российская история. 2015. № 3. С. 34, 39–41, 43, 44.

[22] Введенский А. Библиотека и архив у Строгановых в XVI–XVII в. // Север. 1923. Кн. 3-4. С. 100.

[23] Зольникова Н.Д., Покровский Н.Н. Русская православная церковь // Историческая энциклопедия Сибири (далее – ИЭС). Новосибирск, 2009. Т. К–Р. С. 788.

ника и один беглый монах[24], который порой выдается за расстригу[25]; Н.С. Харина подобно Н.М. Карамзину в данной связи писала о десяти священниках, имея в виду сообщение (в достоверности которого сомневался еще Г.Ф. Миллер) Н. Витзена о царском предписании вологодскому епископу отправить в Сибирь попов с семьями[26]. Эти указания отчасти восходят к известию КЛ о том, что в «дружине» Ермака были «три попа, до старец бродяга, (который. – *Я. С.*) ходил без черных риз, а правило правил и каши варил, и припасы знал, и круг церковный справно знал»[27], и свидетельству «Описания Новыя земли, си-

---

[24] Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. I. С. 233–234. Н.М. Карамзин, пересказывая свидетельства Кунгурского летописца (далее – КЛ), не без скептицизма отмечал, что «Ермак, имея трех попов и беглого монаха, ежедневно слушал Божественную службу» (Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. IX. Примеч. 670).

[25] Кадырбаев А.Ш. Ермак и «взятие» Сибири: тюркский контекст // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири (далее – ИЭК): Мат-лы междунар. конф. (г. Курган, 22–23 апреля 2011 г.). Курган, 2011. С. 85; Зайцев Г.С. Православие и казачество в истории присоединения Сибири к России: прошлое и настоящее // Православное наследие в культуре России: история, актуальность диалога: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 2012. С. 106 (Десятый славянский научный собор «Урал: Православие: Культура»).

[26] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 233–234; Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. III. Т. IX. Стлб. 235; Харина Н.С. Присоединение сибирских территорий и строительство первых церквей в Западной Сибири // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. Сургут, 2008. С. 19.

[27] Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР): XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 577. Ср.: С. 704. В том же летописце, фрагменты которого уцелели в составе Ремезовской летописи (далее – РЛ), сказано о том, что казаки на Ермаковом городище, т. е. в канун похода против «кучумлян», построили часовню, а пятидесятник Богдан Брязга, достигший со своим «товарством» Белогорья, «молебъствоваша» и «моляся Богу» (Там же. С. 575, 579–580). О таких молитвах и «явлениях» «рускому полку» часто говорится в «Истории Сибирской» (Там же. С. 555–559, 561, 562, 569–570. Ср.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1987. Т. 36. С. 53, 55–56, 92, 110, 122, 131, 132), и мнение, будто ее автор «не останавливает нашего внимания на благочестии Ермака и «единодушных» казаков» (Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Житие Ермаково, как Сибирь взял...» (Одна из трансформаций жанра воинских житий в XVII в.) // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–

речь Сибирскаго царства, и Московскаго государства» (лишь повторенному Н. Витзеном) о посланном вологодскому епископу приказе Ивана Грозного направить за Урал десять попов[28] с женами и детьми[29].

Стало быть, интересующие нас сведения содержатся лишь в поздних источниках, запечатлевших фольклорную традицию[30]. Примечательно, что в Погодинском летописце (большинство оригинальных показаний которого вслед за А.Т. Шашковым можно предпочесть другим летописным сообщениям) все 540 участников «Сибирского взятия»[31] считаются волжскими казаками, а о 90 из них, переживших своего «наставника» и вернувшихся на «Русь», говорится как о «ермаковых казаках»[32]; о казаках, подчас и атаманах, при этом сказано еще в нескольких летописях[33].

Указанные обстоятельства склоняют к мысли, что в «дружине» Ермака не было особых церковнослужителей, а окормление

XX в. (далее – ОМТ). Новосибирск, 2005. С. 147. Ср.: С. 142–143), должно считаться ошибочным. Также следует оценить и вывод о том, что в Есиповской летописи говорится о распространении ими христианства в Сибири, что приводило к утверждению там царской власти (Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 16).

[28] А.П. Ярков без всяких оснований писал в этой связи о распоряжении «московской патриархии» (образованной, напомним, в январе 1589 г.), а потомками одного из упомянутых священников назвал Поповых – Абрамовых, внесших «значительный вклад в исследование края» (Ярков А.П. Духовенство Западной Сибири ... С. 146).

[29] Илюшечкина Т.Н. Голландская версия Описания Сибири: к литературной истории памятника // II Ремезовские чтения 2005: Провинция в русской культуре. Новосибирск, 2008. С. 412–413 (Сер. «Книга и литература»), и др. Согласно Н. Витзену, эти попы должны были отправиться в Сибирь вместе с возвращавшимся туда из Москвы соратником Ермака Иваном Грозой. Г.Ф. Миллер же и Н.М. Карамзин, следуя РЛ, считали, что в «царствующий град» ездил другой атаман – Иван Кольцо (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 230, 231; Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. III. Т. IX. Стлб. 234, 235), и данная версия до конца прошлого века преобладала в историографии. Однако поездку сеунчиков Ермака в Москву следует причислить к «вымышленным событиям» (по классификации Е.К. Ромодановской) зауральской эпопеи 1582–1585 гг.

[30] Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 96, 97, 99–102.

[31] О них говорится еще в Есиповской летописи Основной редакции (1636 г.).

[32] ПСРЛ. Т. 36. С. 130, 133–135. Ср.: С. 50.

[33] Там же. С. 32, 38, 109, 120, 185, 231, 233, 250, 301, 302, 311, 345, 364.

«православных воев» осуществлялось отдельными из них, не исключено, и беглым иноком (вспомним про сообщение КЛ). (Говорить, однако, о расстриге и тем более иеромонахе нет должных оснований)[34]. Благодаря переписной книге Софийского собора за 1625 г. известно, что там находились «две иконы пядницы (т. е. образа, высота которых колебалась от 18–19 до 40 с небольшим см[35]. – *Я. С.*)», ранее принадлежавшие тобольской Троицкой церкви, «поставленье ... от взятья с начала Сибири Ермака с товарыщи»[36]. По мнению И.Л. Маньковой, эти иконы были вложены в древнейшую среди церквей будущей сибирской столицы кем-то из первостроителей Тобольского острога[37]. Скорее всего, речь должна идти об уцелевших сподвижниках «ратоборного» атамана[38], большинство которых, вполне возможно, осело в гарнизоне «первоимянитого града» самого восточного

---

[34] Указание на приезд иноков в 1586 г. из Сибири в Чудов монастырь (Соболева Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // ОМТ. С. 307. Ср.: Она же. Художественная концептуализация похода Ермака в летописных и богослужебных текстах конца XVI – начала XVII в. // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII в. Екатеринбург, 2006. С. 98) – явное недоразумение, в действительности тогда в кремлевскую обитель сделали вклады «ермаковы казаки», вернувшиеся на «Русь» после гибели своего предводителя. См., напр.: Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 97; Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000. С. 30. Ср.: С. 88.

[35] См. о таких образах: Мельник А.Г. Пядничные иконы русских святых XVI – начала XVII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 3(37). С. 74–75; Она же. Описи церквей и монастырей как источник по истории почитания русских святых в XVI–XVII в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Мат-лы XXIV Междунар. науч. конф. (г. Москва, 2–3 февраля 2012 г.). М., 2012. С. 401.

[36] /Найденов Н.А./ Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 13; Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская (далее – ТАД). Новосибирск, 1994. С. 41–42 (История Сибири: Первоисточники. Вып. IV).

[37] Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска XVII – первой половины XVIII вв.: приходские церкви // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: Сб. науч. статей всерос. конф. с междунар. участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган, 2015. С. 237.

[38] Солодкин Я. Начало православия в Западной Сибири // Югра. 2000. № 7–8. С. 102–103.

«царства» московских государей[39]. Предположительно, в походной часовне (переносном иконостасе, точнее, деисусном чине) «Ермаковой дружины»[40] насчитывалось от 10 до 30 иконок. Две из них со временем и могли очутиться в «первоначальной» церкви Тобольска[41].

Глава II
СТРОИТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ И НАЧАЛО ВХОЖДЕНИЯ СИБИРИ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Как правило, при основании в Западной Сибири первых русских городов, как и на юге России, одновременно со стенами и башнями строили также храмы[42]. (Это подчеркивалось уже в посольской документации рубежа XVI–XVII в., а позднее в

---

[39] Никитин Н.И. О «старой» ермаковской сотне (к истории одного мифа) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. М., 2012. С. 227; и др.

[40] С.В. Туров находил «малопродуктивной» попытку Н.Г. Велижаниной, используя две старейшие березовские иконы, «реконструировать гипотетическую походную часовню Ермака и на основе этой реконструкции уточнить место выхода ермаковых казаков» (Туров С.В. Святыни града Березова // Историческая наука в Тюменском государственном университете: Мат-лы регион. науч. конф., посвященной 75-летию вуза и 60-летию исторического факультета. Тюмень, 2005. С. 56). Как представлялось М.В. Смирнову, в переносном иконостасе Ермака имелся образ Димитрия Солунского, и недаром в день этого святого (25 октября) казаки одержали решающую победу над войском Кучума (Смирнов М.В. Иконостас Ермака Тимофеевича // II Емельяновские чтения: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Курган, 11–12 мая 2007 г.). Курган, 2007. С. 52). Куда больше оснований считать, что ханские отряды были разгромлены «под Чювашею» двумя днями прежде (Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск, 2015. С. 10. Ср.: С. 39), да и память Димитрия «Мироточца» приходилась на 26 октября.

[41] История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 261. Бытующая в историографии версия об иконах Ермака, хранившихся в Березове еще в конце XIX в., должна считаться легендарной. См., напр.: Солодкин Я.Г. О некоторых спорных вопросах основания Березова (К ранней истории казачества первого русского города в Нижнем Приобье) // Очерки феодальной России (далее – ОФР). М.; СПб., 2017. Вып. 20. С. 57–58.

[42] Буцинский П.Н. Соч.: В 2 т. / Под ред. С.Г. Пархимовича; сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 170; Т. 2. С. 97.

летописях)[43]. В частности, в 1593 г. князю П.И. Горчакову, посланному для закладки крепости в «Тоборах», названной Пелымом, надлежало включить в свой отряд попа «углецкого» из Перми (т. е. сосланного туда за участие в волнениях, сопровождавших гибель царевича Дмитрия), дьякона, жившего в Ростове (по выбору местного владыки), и взять с собой «образы и книги и все церковное строение». В 1597/98 г. при основании Верхотурья туда из Перми направили белого попа Леонтия, который стал служить в Троицком храме. Согласно царской грамоте от 12 октября 1600 г. письменному голове Ф.О. Янову, под началом которого был заложен Туринский (Епанчин) острог, в ответ на челобитную служилых и «пашенных» людей о возведении храма во имя святых Бориса и Глеба и отправке туда попа, ибо без него первым жителям этого острога «нужа великая», из Москвы направили два антиминса на освящение храма (с черным попом Авраамием) и «церковное строение»; дьякона, дабы освятить храм, и только, следовало послать из Перми, а попа для новой церкви с определением ему места под двор, денежного и хлебного жалованья – взять с Верхотурья. Того же дьякона для освящения Вознесенской церкви затем отправили в Тобольск[44]. В ноябре 1596 г. из Москвы направили «церковное строение» (деисус, двери царские, книги, сосуды, кадило, звезду, копье, воск, ладан, темьян, вино церковное) в Лозьву, Тобольск, Тюмень, Тару, Березов, Пелым. В самом конце XVI – начале XVII в. через Верхотурье, считавшееся воротами в Сибирь, туда не раз (подобно южнорусским уездам) привозили ризы, колокола, утварь, иконы и богослужебные книги из Москвы. В 1601 г. оттуда «церковное строение» было прислано «на Верхотурье», в Тобольск и

---

[43] См.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 51–52; ПСРЛ. Т. 36. С. 69. Ср.: С. 42, 51, 70, 380; Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская) (далее – СЛ). Рязань, 2008. С. 44; Солодкин Я.Г. О формировании ранней официальной версии «взятия» и начала освоения Сибири // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окруж. науч.-практ. конф., посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея (г. Сургут, 24–27 ноября 2003 г.). (далее – ЗСАМИ). Сургут, 2003. С. 29.

[44] Кстати, в Валуйки и Царев-Борисов при их основании в 1599 г. священнослужителей посылали из столицы. См., напр.: Фоминов А.В. Нерешенные вопросы истории «польских» городов Московского государства: основание Валуек и гибель Царева-Борисова // ОФР. М.; СПб., 2013. Вып. 16. С. 218–220.

(колокол) в Пелым. Через два года разнообразную утварь для первого мангазейского храма Живоначальной Троицы из столицы доставили в Тобольск; приехавшему в Березов с семьей священнику надлежало служить в этом храме. В 1608 г. попа в Сибирь отправили из Вологды. Тремя годами прежде экземпляры Триоди Цветной послали в Тобольск, Тюмень и Туринский острог[45]. (Еще в послесловии Триоди Цветной 1591 г. говорилось о ее предназначенности «всем человеком», «паче же в новопросвещенных землях ... во граде Казани и Астрохани и Сибири»[46]. Вероятно, экземпляры этой Триоди попали в Тюмень и Тобольск, которые в то время представляли собой остроги).

В 1601 г. из Москвы в Тобольск отправили попа (его сопровождал голова служилых татар Иван или Черкас Александров). Тогда же в опале в Сибирь поневоле выехали поп села Варганова Можайского уезда Устин с женой и тремя детьми, а также протопоп Василий «Городцкой». В 1604 г. на восточную «украйну» России сослали (по допущению В.И. Ульяновского, за распространение вестей, неблагоприятных для царя Бориса) старцев Псково-Печерского монастыря Евфимия Вязмитина и Сергия Дубинина, черного попа Червя, крылошанина Епсихия, который на Каме бежал[47]. Возможно, эти ссыльные пополнили ряды крайне немногочисленного сибирского духовенства. Поп из

---

[45] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – АИ). СПб., 1841. Т. II. С. 34, 110–111, 412; Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1875. Т. II. Стлб. 135–137, 381–382; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 301, 342, 379–380, 396; Там же. М., 2000. Т. II. С. 24, 27, 204; Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. М., 1900. Ч. 3. С. 84, 85, 118–119, 137, 229, 230; Там же. М., 1901. Ч. 4. С. 139–141; Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3(21). С. 114; Алферова Г.В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI–XVII веках // Вопросы истории (далее – ВИ). 1977. № 7. С. 64; Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. (далее – ВГ). М., 1982. Вып. I. С. 19, 37, 101; Там же. М., 1982. Вып. II. С. 191; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 170; ТАД. С. 40, 46, 156; Попова И.А. География распространения книг в Сибири XVII века // ЗС. Тюмень, 2004. Вып. VI. С. 41–42, 44–46; Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска ... С. 237–239; и др.

[46] Новосадский И.В. Возникновение печатной книги в России в XVI в. // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 46; и др.

[47] ВГ. Вып. I. С. 99, 109, 110, 115, 148, 149.

Березова, кроме того, посылался в Коду, куда было отправлено «церковное строение», включая поповские ризы и колокола, для Троицкого храма в вотчине князей Алачевых. Оно, в том числе антиминс на освящение нового храма, следом поступило из Москвы в Тюмень одновременно с появлением там попа и дьячка[48].

В представлении И.Л. Маньковой, в подавляющем большинстве первых сибирских городов вначале воздвигали Троицкие церкви, что едва ли «объясняется лишь связью с православным календарем (освящением церквей в праздник Троицы, который приходился на время между 10 мая и 13 июня. – *Я. С.*) ... Троицкие церкви выполняли роль своеобразных маркеров территории, подчиненной Московскому государству, Троица символизировала государственное единство и включение Сибири в это единство», и «через почитание» Святой Троицы «московская власть стремилась ... укоренить новую веру, новый образ жизни»[49]. Однако, по наблюдению М.С. Черкасовой, усиление почитания образа Троицы «среди всех слоев населения России» приходится еще на середину XVI в.[50] Кроме того, «сакральную защиту занятого (русскими первопоселенцами. – *Я. С.*) пространства»[51] обеспечивали не только церкви, освященные во имя Святой Троицы. (В число последних следует включить и сооруженную в Коде[52]). Известно, что в Тюмени «начальным» был храм Рожде-

---

[48] РИБ. Т. II. Стлб. 152–153; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 181, 182, 311, 312, 647. Ср.: С. 310, 317, 344; Шашков А.Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова // Альманах Тобольск и вся Сибирь. Тобольск, 2013. Т. XXII: Березов. С. 130; и др.

[49] Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска ... С. 234, 237.

[50] Черкасова М.С. Мордовские поземельные акты первой половины XVII в. из архива Троице-Сергиева монастыря // Мининские чтения (далее – МЧ): Труды участников международной научной конференции: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород, 2010. С. 434.

[51] Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска ... С. 232, 244–246.

[52] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 181; /Шашков А.Т./ Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / Сост. С.А. Белобородов, Н.А. Мудрова, А.В. Полетаев, Е.А. Полетаева, И.В. Починская, А.Т. Шашков. Екатеринбург, 2003. С. 12; Симачкова Н. Становление воеводской системы

ства Богородицы; «ставленный» «обыдень», он вскоре сделался соборным[53]; затем там появилась и церковь Феодора Стратилата (в 1616 г. ее расширили)[54]. Согласно А.Т. Шашкову и И.С. Кирдяшовой, тюменцы вслед за храмом Рождества Богородицы «поставили» и Николаевский с приделом во имя великомученика Феодора Стратилата[55]. (А.М. Панченко вслед за В. Корсаковой почему-то считал, что первая в Сибири православная церковь была сооружена в Тобольске[56]). Следуя Ремезовской летописи, некоторые историки утверждали, будто в Тюмени вначале заложили Спасскую церковь[57]. Известие тобольского «изографа» петровской эпохи, однако, неверно, хотя две Спасские церкви существовали в Тюмени в 1687 г. (В 1624 г. там насчитывались три церкви в остроге и две в городе[58]). Кстати, в Лихачевской редакции Есиповской летописи упоминается о церкви Преображения Господня как первой в Тюмени[59], что противоречит сведениям других, более ранних источников. Церковь Феодора Стратилата наряду с Троицкой помимо Тюмени существовала и в Верхотурье в 1601 г.[60] – через несколько лет после основания этого города, который называли воротами в Сибирь. В Тобольске в

управления в Сибири (конец XVI – начало XVII вв.). Тюмень, 2006. С. 51; Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 93, 94; и др.

[53] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 16, 182. Ср.: С. 174; Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 386; Буцинский П.Н. Соч. Т. 1. С. 89; Кружинов В.М. Тюмень: вехи истории. Екатеринбург, 1997. С. 7; /Шашков А.Т./ Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири ... С. 7; Кирдяшова И.С. Градостроительная эволюция г. Тюмени с основания до начала XX века // ЗС. Вып. VI. С. 50, 51; Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири ... С. 45; и др.

[54] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 16, 17.

[55] /Шашков А.Т./ Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири ... С. 7; Кирдяшова И.С. Градостроительная эволюция г. Тюмени ... С. 51. Ср.: С. 55.

[56] ПЛДР: Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 561.

[57] Харина Н.С. Присоединение сибирских территорий ... С. 20; Зольникова Н.Д., Покровский Н.Н. Русская православная церковь // ИЭС. Новосибирск, 2009. Т. К–Р. С. 788.

[58] Сергеев В.И. Первые сибирские города ... С. 121; Кирдяшова И.С. Градостроительная эволюция г. Тюмени ... С. 55.

[59] ПСРЛ. Т. 36. С. 126, 177; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 566.

[60] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 396. Ср.: Там же. Т. II. С. 228.

конце XVI в. помимо Троицкой церкви (думать, что она была «срублена» «из леса лодок, на которых ... приплыли сюда» казаки письменного головы Д.Д. Чулкова, не стоит), имелась, о чем писали многие ученые, и Спасская[61]. Говоря о ней как одной из двух первых в Тобольске, С.У. Ремезов, с точки зрения И.Л. Маньковой, очевидно, «пользовался устными преданиями о начальной истории города, которые бытовали» там спустя целое столетие. В представлении уральской исследовательницы Спасская церковь, в 1624 г. находившаяся в остроге, существовала уже вскоре после основания Тобольска, когда к ней (расположенной на торгу) якобы в 1593 г. сослали колокол из мятежного Углича[62]. Но версия об этом колоколе, поневоле попавшем в Сибирь, скорее всего, запечатлела местное предание[63]. Думается, сообщая о том, что в звоннице тобольской Спасской церкви, затем Софийского собора, очутился «углецкой» колокол, вместе с остальными расплавившийся в страшном пожаре 29 мая 1677 г.[64], летописец XVII в. следовал молве.

Кроме Троицкой церкви, в Тобольске не позднее 1596 г. существовал и храм Николы Чудотворца, а в 1620-х гг. в сибирской столице имелась и церковь «Преображенья Спасова» на посаде[65]. (Считается, что казаки, участвовавшие в основании Березова, принесли туда иконы Николая Чудотворца и архангела Михаила[66]). Известие ряда летописцев, будто первая тобольская

---

[61] См.: Вилков О.Н. Некоторые аспекты административной и строительной культуры Тобольска конца XVI – начала XVIII в.: Препринт. Новосибирск, 1999. С. 13; Сухорукова Н.В. Православие в Сибири // ЗСАМИ. С. 44; Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири ... С. 48; Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска ... С. 240. Р.Г. Буканова заблуждалась, полагая, что первые сведения о храмах Тобольска, основанного якобы в 1586 г., относятся к 1588 г. (Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII в. Уфа, 2010. С. 70). Напомним, что Тобольск, о чем писала и эта уфимская исследовательница, возник как острог в 1587 г.

[62] Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска ... С. 239, 240.

[63] Солодкин Я. Был ли угличский колокол в сибирской ссылке? (о происхождении одного мифа) // Мир Севера. 2015. № 1. С. 70–73.

[64] ПСРЛ. Т. 36. С. 139, 212.

[65] РИБ. Т. II. Стлб. 136; Там же. СПб., 1884. Т. VIII. Стлб. 396.

[66] См.: Березово ... С. 152; Мануйлова И.А., Ярков А.П. О традициях иконописи в регионе // Тобольск – врата Сибири: Актуальные вопросы истории города и региона XVII–XX в. Тобольск, 2012. С. 122.

церковь была освящена во имя Вознесения Господня[67], – несомненная ошибка. «Невеликую» церковь «во имя Вознесения Господа нашего Исуса Христа» «поставили» в «царствующем граде» «русской» Сибири лишь в годы воеводства окольничего С.Ф. Сабурова (1599–1600)[68].

На взгляд Н.Д. Зольниковой и Н.Н. Покровского, в Тобольском остроге при его появлении выстроили Знаменскую церковь[69]. Ею, надо думать, видные сибиреведы считали церковь в Знаменском монастыре. Но «первоначалной» там была церковь «во имя Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев»[70], да и эта обитель, возникшая около 1596 г., на первых порах называлась не Знаменской, а Зосимо-Савватиевской, Успенской или Никольской[71].

В Березове при его сооружении «срубили» храм Рождества Богородицы (к 1605 г. относятся сведения о разместившейся за острогом березовской церкви во имя Воскресения Христова[72], а не самой первой[73], упомянутой, по наблюдению А.Т. Шашкова, в 1607 г.; она, по всей видимости, была сооружена в ходе «поставления» этого города в 1593 г.[74]). В пору основания Пелыма там выстроили церковь Рождества Христова, Тары – Успения Богородицы (этот храм сделался соборным), Туринского острога – во имя святых Бориса и Глеба; в

---

[67] ПСРЛ. Т. 36. С. 259, 315, 345. Ср.: С. 252, 312; Тыжнов И. Заметки о городских летописях Сибири. СПб., 1898. Ч. 1: Летописи города Тобольска. С. 13, 69, 188.

[68] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 24, 25; ТАД. С. 156.

[69] Зольникова Н.Д., Покровский Н. Н. Русская православная церковь. С. 788.

[70] ПСРЛ. Т. 36. С. 147.

[71] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 83, 316, 330, 687; Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках (развитие феодальных отношений и их особенности). Красноярск, 1973. С. 19; и др.

[72] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 230; Шашков А.Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова. С. 129.

[73] Темплинг В.Я. А была ли церковь? ... (О строительстве первой церкви в Обдорске) // Сибирский исторический журнал. 2006/07. Тюмень, 2006. С. 130. Примеч. 20.

[74] См.: Березово ... С. 90, 91; Цысь О.П. Четыреста лет сибирского православия // Преподавание истории в школе. 2013. № 2. С. 17; Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. Екатеринбург, 2018. С. 103, 106.

Нарымском остроге в 1608 и 1611 гг. собирались возвести Покровскую церковь[75]. Первыми церквами Енисейского и Красноярского острогов стали Введенская и Преображенская соответственно[76].

Таким образом, подобно «крымской украйне» России[77], храмоименование в Сибири первых лет ее русской колонизации являлось весьма разнообразным.

В Чердыни и Соликамске в начале XVII в., кстати, Троицких церквей не было вообще[78].

Старейшей церковью в Обдорском (Носовом) остроге зачастую объявлялась Васильевская, но, скорее всего, ее в первые годы XVII столетия не существовало[79].

---

[75] См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 296, 342, 380, 427, 429; Т. II. С. 332. Ср.: С. 193, 213, 214; РИБ. Т. VIII. Стлб. 462. Ср.: Стлб. 585; Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 97; Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ... Ч. 4. С. 140; Очерки истории Югры (далее – ОИЮ). Екатеринбург, 2000. С. 126; Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири ... С. 63; Шашков А.Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова ... С. 129, 133; Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири ... С. 113, 142.

[76] Бродников А.А. К вопросу о времени строительства первых православных храмов в Енисейском остроге // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI в. Новосибирск, 2015. С. 33–35, 40. Примечательно, что в 1654 г. Алексей Михайлович предписал в одном из трех острожков Тарского уезда (Ишимском, Побединском или Каурдацком) «устроити церковь теплую неболшую ... которой храм во имя укажет Симеон, архиепископ Сибирский и Тобольский» (Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К. Ромодановская и О.Д. Журавель (далее – ЛП). Новосибирск, 2001. С. 411 (История Сибири: Первоисточники. Вып. X)).

[77] См.: Папков А.И. Складывание церковной структуры в южных уездах Российского царства в XVI – начале XVII в. // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: Сб. ст. памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 774–777.

[78] Бординских Г.А. Названия церквей городов Чердыни и Соликамска как исторический источник // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. («Строгановские чтения»): 17–19 сентября 2004, г. Березники, 2004. С. 78–79.

[79] Темплинг В.Я. А была ли церковь ? ... С. 125–127; Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири ... С. 39, 120. Ср.: С. 83.

Обратим внимание на то, что среди первых православных храмов Сибири не было ни одного, посвященного святому Димитрию Солунскому. Данное обстоятельство, между прочим, опровергает представление, будто в народе великомученик, память которого отмечалась 26 октября (тобольские летописцы к этому дню приурочивали «взятие» «дружиной» Ермака «Кучумова царства»[80]), почитался в народе как патрон, «покровитель» Сибири или «сибирского воинства»[81]. (Заметим, что лишь в Абрамовской редакции Есиповской летописи отмечено, что Сибирское «царство взяша (Ермак “с товарыщи”. – *Я. С.*) помощию всесилнаго (Бога. – *Я. С.*) и угодником его Димитрием» Мироточцем[82]). Приделы во имя Димитрия Солунского появились в церквах раскинувшегося к востоку от Урала обширного края начиная с 1608 г., да и было их всего лишь несколько[83]. Заметим, что храм во имя чудотворца Димитрия Солунского появился в Березове не в начале XVIII в.[84], а накануне[85].

Подчас церкви, «ставившиеся» в Сибири вскоре после ее «взятия» «дружиной» Ермака, назывались по инициативе жителей городов и острогов. Так, в царской грамоте воеводе и письменному голове Верхотурья от 30 марта 1607 г. сказано: «которой храм во имя воздвигнут (служилые и посадские люди. – *Я. С.*), и вы б о том отписали к нам на Москву»[86].

---

[80] ПСРЛ. Т. 36. С. 56, 72, 79, 84, 93; и др.

[81] Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска ... С. 244; Шашков А.Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова ... С. 142. Ср.: Цысь О.П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Нижневартовск, 2008. С. 63.

[82] ПСРЛ. Т. 36. С. 93. Ср.: С. 79.

[83] Там же. С. 215; Пуль Е.В. Основные этапы истории верхотурского Свято-Николаевского мужского монастыря // Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С. 76; Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска ... С. 235, 241, 244, 245.

[84] Шашков А.Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова. С. 142. Ср.: С. 144.

[85] См.: Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 2004. Вып. 6: Томск: Нарым: Березов. С. 65.

[86] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 228. Ср.: С. 193, 554.

Часто утверждалось, что Ермака с 1636 г.[87], конца того же десятилетия[88] или к 1641 г.[89] поминали в церквах Сибири, а то и во всей России. Приведенные хронологические определения лишены весомых оснований, хотя версия о таком поминовении, восходящая к ряду летописных сочинений[90], может считаться достоверной, по меньшей мере относительно восточных уездов Московского государства.

В оценке Л.С. Соболевой, судя по синодику «ермаковым казакам» (далее – С), одна из граней подвига их предводителя – это основание на очищенной от язычества земле новых христианских поселений[91]. Г.С. Зайцев же находил, что сподвижники «ратоборного» атамана «по мере продвижения в Сибирь ... закладывали церкви, часовни», к примеру, во имя святого Николая[92]. Но о сооружении «православными воями» часовни в бассейне Сылвы (на городище, прослывшем Ермаковым) говорится

---

[87] Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири ... С. 132, 138; Преображенский А.А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М.В. Нечкиной. М., 1976. С. 379; Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 86; Он же. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 22, 33. Ср.: С. 287. Примеч. 84; Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 7, 198; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 79; Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 98; Ромодановская Е. Есиповская летопись: К 370-летию первой летописи Сибири // Сибирские огни. 2006. № 8. С. 168; Крамор Г. Загадка ветхой книжечки // Югра. 2007. № 1–2. С. 85; и др.

[88] Ремнев А.В. Ермак в исторической памяти, имперских и национальных сценариях и нарративах // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии (далее – КРАИ). Омск, 2011. С. 153.

[89] Миненко Н.А. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб., 2004. С. 29.

[90] Дворецкая Н.А., Медведев П.А. Новый список сибирской летописи Абрамовского вида // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 81; ПСРЛ. Т. 36. С. 98; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 568.

[91] Соболева Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич ... С. 306; Она же. Художественная концептуализация похода Ермака ... С. 97.

[92] Зайцев Г.С. Православие и казачество в истории присоединения Сибири к России ... С. 106.

лишь в КЛ[93], который может считаться памятником казачьего фольклора едва ли не конца XVII в. В этом летописце есть немало фантастических сведений[94]. К их числу относится сообщение о том, что казаки, двинувшись в Сибирь, заблудились («обмишенились»), свернув с Чусовой в ее левый приток Сылву[95]. В более ранних источниках, нежели КЛ, об упомянутой часовне умалчивается, как и о закладке церквей прославленным атаманом и его «товарством»; хотя они, что подчеркивается во многих нарративных сочинениях, начиная с С, были посланы в Сибирь Богом «очистити место святыни ... и разорити ... нечестивые капища», русские города и церкви возникли там позднее[96]. Только в Лихачевской редакции Есиповской летописи мы читаем: «И от казаков поставишася грады и святыя Божия церкви воздвигошася». Однако это указание появилось в результате правки свидетельства Саввы Есипова, которое открывается выражением «И от сих», т. е. с этого времени (недаром следом архиерейский дьяк писал: «Аще древле Сибирская земля идоложертвием помрачися, ныне же благочестием сияя»). Об этом прямо сказано в главе «Благодарение Богу» есиповской повести о «взятии» «бесерменского царства» «русским полком»[97].

Многие историки следуют известию (часто приурочивая его к 1585 г.) «Описания Новыя земли, сиречь Сибирскаго царства и Московскаго государства» о том, что с соратником Ермака атаманом Иваном Грозой, возвращавшимся из Москвы за Урал, царь приказал вологодскому епископу послать десять попов с женами и детьми[98]. (Порой неоправданно утверждалось, что десять священников прибыли в Сибирь с другим атаманом «Ермаковой дружины» – Иваном Кольцом[99]). Об этом на основании «Северной и Восточной Тартарии» Н. Витзена, не зная о ее рус-

---

[93] ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 575, 704.

[94] См.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 65, 205, 241; и др.

[95] Там же. С. 207; Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Ермак и Строгановы: к проблеме подготовки и начала экспедиции в Сибирь // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья ... С. 24.

[96] ПСРЛ. Т. 36. С. 50, 51, 70, 82–83, 180, 181, 380. Ср.: ЛП. С. 87.

[97] ПСРЛ. Т. 36. С. 69. Ср.: С. 70. Примеч. 24, 89, 91, 97, 133, 137, 163, 178, 187, 255, 313, 366.

[98] Илюшечкина Т.Н. Голландская версия Описания Сибири ... С. 412–413; и др.

[99] Харина Н.С. Присоединение сибирских территорий ... С. 19.

ском источнике – «Описании...», упоминали еще Г.Ф. Миллер и Н.М. Карамзин, которые отнесли царское распоряжение о посылке священников в Сибирь к 1582 г.[100] Данное известие, однако, едва ли достоверно. Версия о сеунче, с которым из Сибири в «царствующий град» были отправлены казаки, представляется «вымышленным обстоятельством» в описании перипетий «Ермаковой эпопеи». В 1585 г. на новой «украйне» Московского государства еще не было православных храмов, где священники могли бы вести службы. Тогда, в конце весны или начале лета, уцелевшие ермаковцы под предводительством стрелецкого головы И.В. Глухова (а с точки зрения А.Т. Шашкова, и атамана С. Болдыри[101]) покинули Сибирь, отряд же воеводы И.А. Мансурова лишь появился (осенью), заложив Обский городок (и Тюмень, и Тобольск русские служилые люди «срубили» без малого через один – два года соответственно). Иван Гроза (Гроза Иванов) вместе со стрелецким головой И.С. Киреевым в последние месяцы 1584 г., если также не в первые недели следующего[102], сопровождал в Москву плененного ермаковцами царевича Маметкула, но когда именно атаман, умерший спустя полвека, вернулся в Сибирь – в следующем году в отряде Мансурова или же в 1586 г. под началом воевод В.Б. Сукина и И.Н. Мясного, мы пока не знаем. В.И. Сергеев предупреждал о том, что «нельзя абсолютизировать все и конкретные, и общие сведения», имеющиеся в «Описании...», составленном (по А.И. Андрееву) подьячим Посольского приказа Н.Д. Венюковым в 1685–1686 гг., в этом произведении налицо «путаница в общих представлениях» о событиях более поздних, нежели отправка в Москву ясака с Иваном Грозой. В оценке А.В. Матвеева содержащиеся в «Описании...» сведения о гибели Ермака и распоряжении Кучума найти тело «разорителя» Сибирского юрта носят «гротескный характер»[103]. В частности, свидетельство автора «исторической части» «Описания...», которую Т.Н. Илюшечкина без должных

---

[100] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 233–234; Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. III. Т. IX. Стлб. 235; Примеч. 703.

[101] Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 38.

[102] ОИЮ. С. 119; Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири. С. 37–39; и др.

[103] Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 43; Матвеев А.В. В поисках места гибели атамана Ермака // КРАИ. С. 129.

оснований сближала с летописями, об избрании Грозы главным атаманом со смертью Ермака[104] не находит параллелей в других источниках и маловероятно, поскольку следом Иван, дослужившийся в Тобольске до чина головы конных казаков, отправился в Москву. (Явно сомнительным кажется и утверждение, будто уцелевшие соратники прославленного «ратоборца» избрали «великим атаманом Сибири» Матвея Мещеряка[105]).

По мнению Н.В. Сухоруковой, в Сибири «первый городской храм, строившийся вместе с острогом, создавался вовсе не для нужд церковного прихода, которого еще не было, а прежде всего как символ божественного покровительства городу и памятник его основания»[106]. Но прихожанами храмов, выраставших вместе с крепостями на новой восточной окраине России, становились местные воеводы и головы, дети боярские, казаки, стрельцы, пушкари. Их духовное окормление являлось главной обязанностью церковнослужителей. «Весь уклад русской семейной жизни был невозможен без требоисполнения»; по словам В.Н. Глазьева, «крещение, венчание, отпевание умерших, советы и наставления духовных отцов – без всего этого люди не мыслили своей жизни», церковь и оказывалась необходимой, «чтобы прочно устроиться на новом месте»[107]. Поэтому, вероятно, со служилыми людьми, заложившими в конце XVI в. Тюменский и Тобольский остроги, Березов, Сургут, Тару и другие сибирские города, направлялись церковнослужители, о чем, повторим, давно известно относительно крепости, «поставленной» в «Тоборах», т. е. Пелыма.

Глава III
ПЕРВЫЕ НОВОКРЕЩЕНЫ ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛИ

Уже в конце XVI в., в процессе вхождения Северо-Западной Сибири в состав Московского государства, отдельные представители знати «остяцкой страны» начали принимать христианство, что «имело существенное политико-правовое значение», ибо

---

[104] Илюшечкина Т.Н. Голландская версия Описания Сибири ... С. 395, 397.

[105] Дубман Э. Князь Григорий Засекин (Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов). Самара, 1995. С. 55.

[106] Сухорукова Н.В. Православие в Сибири. С. 44.

[107] Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 164. Ср.: С. 166; Глазьев В.Н. Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 2001. Вып. 2. С. 47.

превращало «туземных вождей» в полноценных подданных[108]. Так, в 1590-х гг. крестились родной брат кодского князя Алача (Алачея)[109], получив имя Георгия (Юрия), вдова Алача, ставшая Анастасией, с внуком, нареченным Петром, а вскоре – жена следующего властителя Коды Игичея Алачева (отныне Анна), урожденная Пуртиева, а также их сыновья, известные по документам как Иван, Михаил и Григорий. Не исключено, что, оставив «басурманскую веру», в православие перешел и сам Игичей (крестильное имя которого, однако, остается неизвестным), выстроивший в своей главной резиденции храм святых Зосимы и Савватия[110]. Новокрещеном в одной из царских грамот 1601 г. называется Степан Пуртиев, очевидно, родственник Анны (жа-

---

[108] Конев А.Ю. Неизвестный источник о крещении Лобана (Онжина) Алачева: к истории кодских князей и их потомков (XVII – начало XIX вв.) // Вестн. Нижневарт. гос. ун-та. 2018. № 4. С. 19. Ср.: Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство (конец XVI – начало XVIII в.). Новосибирск, 2017. С. 395–396.

[109] Иногда предполагалось, что сам Алач крестился под именем Николая (Балуева Н.М. Православные храмы Октябрьского района // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII – XIX веков / Отв. ред. Е.И. Дергачева-Скоп и В.Н. Алексеев. Тобольск, 2005. С. 403 (Сер. «Книга и литература»)). Это всего лишь догадка.

Выдавать Алача за главного наместника «Москвы в Приобье» (Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 103. Ср.: Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 36), кстати, нет должных оснований.

[110] Подчас о крещении Игичея в Москве говорилось в утвердительной форме (Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 54. Примеч.; Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 114; Балуева Н.М. Православные храмы ... 403; Туров С.В. Храмы на речных островах // Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу. Екатеринбург, 2007. С. 27). Б.В. Мельников писал о принятии христианства этим кодским князем со ссылкой на адресованную в Березов грамоту воеводе И.Г. Волынскому и письменному голове И.П. Биркину от 19 февраля 1600 г. (Мельников Б.В. Некоторые аспекты церковной политики Российского государства в Сибири (XVII век) // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: Тез. докл. и сообщ. межвуз. регион. науч. конф. Омск, 2000. С. 84). Но эта грамота появилась вслед за челобитной Игичея, «чтоб ... его пожаловати, велети его отпустить ... к Москве, и креститца бы ему, и быть с матерью своею и с сыном в одной вере», ехать на Вымь, дабы побывать в своем поместье, направляясь в «царствующий град» (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 181–182.

ловавшийся Лугуеву на бегство к куноватско-ляпинскому князю Шатрову трех «жонок полоненок купленных»). Христианство принял и ее брат Гаврила[111]. С точки зрения А.Т. Шашкова, помимо кодских князей, православными по настоянию хозяев сделалось, видимо, и несколько их холопов[112].

На рубеже XVI–XVII в. в христианство перешли ляпинский князь Петр Куланов, казымский князь Богдан Сенгепов (Цынгопов), сыновья куноватского князя Артинзея Лугуева Даниил и Яков[113]. Как писала А.Е. Ульянова, «немало новокрещенов зачислили на службу после похода сургутских служилых людей на Пегую Орду в 1597 г., в ходе которого было взято в плен много инородцев»[114]. Согласно относящейся к следующему году грамо-

---

Ср.: С. 203; Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII в. Екатеринбург, 2018. С. 377).

Взгляд, будто «правящей кодской династии Алачевых были пожалованы княжеский титул и многие земли» за то, что «Кода первая поддержала православное христианство в Западной Сибири» (Кузьмина А.С. Культовое зодчество Кодского княжества Западной Сибири // Культурологические исследования в Сибири. 2002. № 1(7). С. 163. Ср.: Белобородов С.А. Столица северного края: Очерки истории Самарова – Остяко-Вогульска – Ханты-Мансийска. М., 1996. С. 42), должен считаться недоразумением.

[111] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 386–387; Т. II. С. 181, 248; Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2. С. 118, 125; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 117, 118; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 13; Перевалова Е.В. Северные ханты ... С. 62, 63; Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов: XVII–XX в. Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 306; Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 93, 94; Вершинин Е.В. Русская колонизация ... С. 376, 426; и др.

С. Пуртиев мог креститься не ко времени, когда в 1595 г. от него бежали три «жонки полонянки купленные» (Вершинин Е.В. Русская колонизация ... С. 84), а позднее.

[112] /Шашков А.Т./ Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири ... С. 11; Он же. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова. С. 130; и др.

[113] Перевалова Е.В. Северные ханты ... С. 64. Об этих князьях см., напр.: Шашков А.Т. Югорские князья в XV–XVIII в. // Северный регион: Наука: Образование: Культура. 2001. № 1(3). С. 177. Ср.: С. 174.

[114] Ульянова А.Е. Сургутское казачество в конце XVI – XVII в.: численность, состав, материальное обеспечение // Актуальные проблемы истории Западной Сибири. Сургут, 2006. С. 12. В этом походе, за-

те «святоцаря» Федора Ивановича в Сургут, его воеводе князю С.М. Лобанову-Ростовскому надлежало отобрать «погромный ясырь», захваченный участниками этой экспедиции, и вернуть его в юрты, кроме тех, кого служилые успели крестить[115], прев-

---

метим, принимали участие не только сургутяне. См., напр.: Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 88; Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 102; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков ... С. 17, 18; Ульянова А.Е. Функции сургутских казаков в конце XVI – XVII в. // Проблемы истории Сибири XVI–XX в. Нижневартовск, 2005. Вып. 1. С. 48; Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы (далее – РСНЮ). М., 2007. С. 316, 317.

[115] Вряд ли можно согласиться с мнением, что служилые при этом «действовали путем насилия» (Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов ... С. 220), и только ведь при этом они должны были прибегать к помощи священников. См.: Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 118, 272–273; Мельников Б.В. Некоторые аспекты церковной политики ... С. 86.

По убеждению Е.М. Главацкой, крестившихся хантов, манси, татар, не допуская исключений, переселяли в русские города и изолировали «от общения с соплеменниками, не принявшими христианство». С точки зрения С.Н. Зинченко и Е.В. Вершинина, новокрещенов в обязательном порядке верстали в службу (Главацкая Е.М. «Потому что от мечетев церквам Божиим бывает перешкода ...»: Из истории этнорелигиозных контактов в Северо-Западной Сибири в XVII – начале XVIII вв. // Тюркские народы: Мат-лы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 158; Она же. Религиозные традиции хантов ... С. 222; Зинченко С.Н. Особенности социального и национального состава сибирских казаков конца XVI – XVII в. // Присоединение Сибири к России: новые данные: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Тюмень, 9–10 декабря 2014 г.). Тюмень, 2014. С. 97; Вершинин Е.В. Русская колонизация ... С. 38. Ср.: Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 112, 115, 204; Зуев А.С. Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // ИЭС. Новосибирск, 2009. Т. А–И. С. 10; Зуев А.С., Игнаткин П.С. Слугина В.А. Под сень двуглавого орла ... С. 337, 338. Примеч. 126; С. 390, 420). Так, однако, даже если мы забудем про многих кодских князей, бывало не всегда (Буцинский П.Н. Соч. Т. 1. С. 287, 295; Мельников Б.В. Некоторые аспекты церковной политики ... С. 81; Харина Н.С. Формирование и развитие церковно-корпоративного землевладения Тобольского архиерейского дома в XVII в. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная моногр. Нижневартовск, 2013. Ч. 8. С. 44; Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла ... С. 323. Примеч. 90; С. 339, 340, 396). Царская грамота от 28 октября 1607 г. в Березов воеводе князю П.А. Черкасскому и письменному голове И.И. Зубову склоняет к выводу о том, что новокрещены Петр Куланов и Левка, будучи «лутчими

ратив в своих холопов; последних предписывалось зачислить в ряды гарнизона[116]. В царской же грамоте от 5 февраля 1602 г. о возвращении ясыря участвовавшим в походе в Пегую Орду березовским атаманам И. Пешему, И. Аргунову, казаку С. Прохорову «с товарыщи» о следом крестившихся не упоминалось[117]. По указанию А.Т. Шашкова и А.Е. Ульяновой, в конце XVI в. в Сургуте нес службу новокрещен Н. Осипов, благодаря доносу которого сургутский воевода князь Я.П. Барятинский подавил бунт нарымских остяков[118] (десять его «руководителей» во главе с Басаргой якобы были повешены). Зачисленный тогда в казаки, Осипов, будучи на «годовой» в Кетском остроге, сумел и там раскрыть заговор «иноземцев»[119]; позднее (не ранее 1618 г.) Ни-

---

людьми», как и прежде, проживали в юртах, а не являлись казаками (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 236–237; Солодкин Я.Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: очерки ранней истории. Нижневартовск, 2018. С. 22).

[116] Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 88–89, 204, 269; Древний город ... С. 103; Мельников Б.В. Некоторые аспекты церковной политики ... С. 82; Солодкин Я.Г. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002. С. 31. Ср.: Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов ... С. 220, 223.

[117] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 400–401; Скульмовский Д.О. К истории формирования сибирских гарнизонов (конец XVI – начало XVII в.) // ЗС. Тюмень, 2007. Вып. IX. С. 41–42. Хотя еще в 1598 г. появился указ о запрещении русским служилым людям держать ясырь из коренного населения, это предписание не соблюдалось на протяжении многих десятилетий. См.: Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 103–105, 223, 250, 251; и др.

О том, что в конце XVI в., помимо Тобольска и Пелыма, новокрещены встречались и в Березове (Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 203), мы вправе говорить лишь предположительно.

[118] Вопреки мнению Н.Н. Симачковой, Осипов не был новокрещеном в ту пору, когда сообщил сургутскому воеводе об «измене» нарымских остяков. То обстоятельство, что «Микитка», «уведав ... измену» нарымских «иноземцев», с «изветом» «побежал в Сургут» к воеводам этого города, между прочим, заставляет отклонить и вывод Н.Н. Симачковой, будто в Нарыме, видимо, тогда находился «сургутский голова или казачий атаман» (Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири ... С. 58).

[119] В отписке томскому письменному голове Г.И. Писемскому от 3 июля 1605 г. управлявший Кетским острогом П.А. Бельский сообщал про намерение «лутчих и молотчих людей» нескольких волостей «промышлять» над этим острогом, «как бы им Кецкой острог взяти, и служивых людей побивати, куды которого пошлют», ссылаясь на показа-

кита выступал в качестве толмача[120]. Из челобитной Осипова (за 1634/35 г., когда этого новокрещена «из списка служивых людей выписал вон» нарымский воевода И.А. Загоскин) следует, что он крестился и был поверстан в казаки после того, как в

ния Киноту – жены «Могулина мужика Майгина» (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 406). Стало быть, «про ... умышление и шатость» «иноземцев» окрестных волостей Бельский узнал, по крайней мере вначале, отнюдь не благодаря Н. Осипову.

В 1630/31 г. в Кетском остроге служил один новокрещен (Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее – КР). СПб., 1855. Т. II. Стлб. 366). В относящейся к 1629 г. приходной книге таможенных сборов этого острога (ставшего со времени «поставления» в самом начале XVII в. центром уезда, территория которого ранее была подведомственна сургутским администраторам), как заметили Н.Н. Оглоблин и Д.Я. Резун, упоминается много новокрещенов из числа остяков и самоедов (Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ... М., 1895. Ч. 1. С. 121. Ср.: С. 93; Там же. М., б. г. Ч. 2. С. 21; Резун Д.Я. Предисловие // Первое столетие сибирских городов: XVII век (далее – ПССГ). Новосибирск, 1996. С. 23 (История Сибири: Первоисточники. Вып. VII); ПССГ. С. 60, 61). Точнее, в бассейне Кети обитали остяко-самоеды, т. е. селькупы. См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 92 (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LV); Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999. С. 73.

[120] Древний город ... С. 120; Солодкин Я.Г. Служилые люди Сургута ... С. 28; Ульянова А.Е. Сургутское казачество ... С. 13, и др. Говоря о восстании, которое готовили Басарга (приходившийся братом князю Нижнего Нарыма Кичею) и его сторонники, А.Е. Ульянова допустила явное преувеличение. К тому же, вопреки утверждению Осипова, Басарга был жив еще летом 1603 г. См.: Вершинин Е.В. Русская колонизация ... С. 89.

Судя по челобитной Н. Осипова, после перехода в православие он был зачислен в ряды казаков Сургута, откуда посылался на «годовую» в Кетский острог, а затем нес в Нарыме не временную (Внукова О.В. Складывание основных категорий служилого населения Западной Сибири на раннем этапе ее русской колонизации (конец XVI – начало XVII вв.) // Мат-лы регион. науч. конф., посвященной памяти профессора Ю.П. Прибыльского: 19 апреля 2013 г. Тобольск, 2013. С. 51), как ранее многие сургутяне, а постоянную службу, скорее всего, со времени образования там (по допущению Е.В. Вершинина, на протяжении 1611–1613 гг.) гарнизона из местных казаков и стрельцов. В течение 1624/25, 1627/28–1630/31 гг. в Нарыме числились 5, 6, 9 новокрещенов. См.: КР. СПб., 1853. Т. I. Стлб. 1151, 1366; Т. II. Стлб. 99, 207, 300, 366; Вершинин Е.В. Русская колонизация ... С. 311. Ср.: ПССГ. С. 55.

1597/98 г.[121] подал извет князю Я. Барятинскому на князцов, есаулов и ясачных людей Нарымского уезда, и антирусское выступление сорвалось[122]. В действительности этот захудалый князь воеводствовал в Сургуте на протяжении 1601–1603 гг. (бунт нарымских «иноземцев» принято относить к 1602 г.[123]).

И.В. Щеглов, включивший Осипова в число заговорщиков (подобно Г.Ф. Миллеру), писал о наказании кнутом части из них, как и десяти кетских остяков в 1605 г.[124]. Судя по челобитной этого новокрещена, такому наказанию подверглись не нарымские князцы, есаулы и ясачные, хотя преждевременно утверждать, что десять, а кетские «лутчие люди», когда тот был годовальщиком.

Считалось, что «несение службы новокрещеными остяками являлось для Сургута большой редкостью»[125]. В середине 1620-х гг. в гарнизоне этого города, насчитывавшего 202 служилых человека, однако, значились и новокрещены; согласно окладной книге

---

[121] По-видимому, Осипов отсчитывал срок своей 37-летней службы московским государям с 106 г., т. к. тогда, вероятно, осенью, был основан Нарымский острог. Возможно, «Микитка» (челобитная которого поступила в являвшийся разрядным центром Томск) узнал о времени «поставления» Нарыма в местной приказной избе.

[122] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 449–450. Нарымских остяков, к числу которых, по всей видимости, принадлежал Осипов (Там же. С. 296), в течение без малого века ученые называют селькупами. См.: Чиндина Л.А. Пегая Орда – Большого Лося сильный народ // Вестник Томск. гос. ун-та. 2013. № 3(23). С. 92.

Я.В. Пилипчук, отнесший бунт в Нарымском уезде к 1598 г., почему-то принял Осипова за одного из селькупских князей этого края (Пилипчук Я.В. «Пегая Орда». К вопросу о средневековой истории селькупов // Культура: Наука: Образование: Проблемы и перспективы: Мат-лы V Междунар. научно-практ. конф. (г. Нижневартовск, 09–10 февраля 2016 г.). Нижневартовск, 2016. Ч. II. С. 239).

[123] Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 92; Шатилов М.Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки) / Под ред. С. Пархимовича. Тюмень, 2000. С. 37; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков ... С. 22, 23; Ульянова А.Е. Функции сургутских казаков ... С. 49, 60; и др. Нарымский уезд был образован в 1610 г. (Солодкин Я.Г. Тобольская администрация в Смутное время: состав, хронология деятельности, сословная принадлежность // Теория и практика государственного и муниципального управления. Тюмень, 2011. Вып. 5. С. 86. Примеч. 25, и др.), так что в челобитной Н. Осипова допущена не одна ошибка.

[124] Щеглов И.В. Хронологический перечень ... С. 50, 55.

[125] Древний город ... С. 120; Внукова О.В. Складывание основных категорий служилого населения ... С. 51.

1625/26 г., их было семь: И. Харпицкий[126], Ю. Момот, К. Аманатка, А. Торокан, А. Чаус, Ф. Паруня, П. Парабельский[127] (последний происходил из семьи парабельских князей[128]; в 1619 г. Иван Парабельский с сургутским подьячим И. Афанасьевым посылался против изменивших русским «Бардаковых сыновей» Кинемы и Суеты, дабы как толмач вести переговоры со смутьянами)[129]. В 1609 и 1613 гг. за ясаком в Кетский уезд, «в Тунгусы» и «Тюлькину землицу» посылался толмач «Карпик» Аманатка[130], служивший в Сургуте в 1625/26 г. Толмачом являлся и новокрещен Семен Тумач, в 1609–1610 и 1620 гг. собиравший ясак на реках

---

[126] Он, не исключено, являлся ссыльным поляком, подобно служившим тогда в Сургуте Я. Плешевскому и Я. Шпаковскому. См. о них: Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ... Ч. 1. С. 120; Ульянова А.Е. Сургутское казачество ... С. 11; РСНЮ. С.147, 366, 375; Солодкин Я.Г. Казачество Северо-Западной Сибири ... С. 33, 77, 120, и др.

[127] В 1625 г. в Сургуте числился только один остяк-новокрещен. См.: Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 83; Древний город ... С. 120–121; и др.

По «сургуцкому городовому списку (1627/28 г. – *Я. С.*) служивых (числилось. – *Я. С.*) 2 человека атаманов казачьих, 200 человек литвы и казаков» (ПССГ. С. 55). Составители этого документа, вероятно, отнесли к казакам и новокрещенов.

[128] В XVII в. в Нарымском уезде числились пять Парабельских волостей. См., напр.: (Долгих Б.О. Родовой и племенной состав ... С. 88, 89).

[129] КР. Т. I. Стлб. 1151, 1257, 1365; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 493; Т. II. С. 244; Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ... Ч. 3. С. 219; Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2. С. 141–142; Ульянова А.Е. Сургутское казачество ... С. 13; РСНЮ. С. 367–369; Вершинин Е.В. Русская колонизация ... С. 306; и др.

В начале 1620-х гг. И. Парабельский служил толмачом в Сургуте, но вскоре был заменен на казака Л. Тупола (Тутыля), поскольку, как утверждали ясачные люди, «он, Ивашко, нужи их и росказать не умеет» (Вершинин Е.В. Челобитные аборигенного населения Сургутского уезда (XVII в.) // Западная Сибирь ... С. 54; Он же. Русская колонизация ... С. 306; Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов ... С. 68; Ишмулкин С.К. Вспомогательный аппарат местного управления Тобольского разряда в XVII веке // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. Новосибирск, 2013. С. 65, 66; см. также: РСНЮ. С. 377, 378).

[130] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 252, 264–266. Считать этого новокрещена литвином (Там же. С. 740) нет оснований. Скорее всего, Карп, вероятно, побывавший в аманатах (в русской лексике слово «аманат (оманат)» стало широко использоваться с начала XVII в., см.: Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла ... С. 315), принадлежал к коренному населению Сибири.

Кас, Енисей, Сым и возивший отписку из осажденного тунгусами Маковского («Намацкого») острога в Кетск. «Московскую грамоту» от 27 января 1611 г. доставил в Кетский острог в конце того же года новокрещен «Урнучко Онтонов». За 1610 г. известен и сургутский новокрещен «Олешка» Апатаков[131]. В 1618 г. первый воевода Нарыма М.Т. Хлопов посылал местного новокрещена «Олешку» Сулбучеева (Санбычеева) с отпиской в Тобольск. В следующем году «Олешка» и сургутский литвин Я. Сергунов были направлены из Маковского острога в сибирскую столицу «с службою и с иными делами». По указаниям С.В. Бахрушина, в 1620–30-х гг. в нарымском гарнизоне служил брат Вангая Кичеева (из Нижнего Нарыма) Григорий[132]; крестились и стали нести службу также его двоюродные братья Иван Боярко и Олоша Олонтайко Санбычеевы, затем сын Григория Кичеева «Олешка»[133]. Во время розыска о подготовке мятежа в Березовском уезде в 1607 г.[134] повесили новокрещенов Петра Куланова (с

---

[131] Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собр. и редакт. А.М. Гневушев. М., 1914. С. 79; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 253, 254, 260, 297. П.Н. Буцинский же полагал, что среди сургутских «инородцев» новокрещенов не было (Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 95).

[132] Я.В. Пилипчук ошибочно утверждал, будто под именем Григория крестился сам Вангай Кичеев, оставшись во главе жителей Верхненарымской волости (Пилипчук Я. В. «Пегая Орда» ... С. 240).

В 1625 г. в Нарыме жили три остяка-новокрещена. См: Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 100.

[133] Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ... Ч. 1. С. 205, 209; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 432, 493; Т. II. С. 290; Солодкин Я. Начало православия в Западной Сибири // Югра. 2000. № 7–8. С. 102; Он же. Казачество Северо-Западной Сибири ... С. 63, 120. Санбычей, как и Басарга, приходился братом нижненарымскому князю Кичею. См.: Шашков А.Т. Строительство русских острогов в Сургутском уезде (конец XVI – начало XVII в.) // ЗСАМИ. Сургут, 2003. С. 32, и др.

Возможно, новокрещеном был ясатчик Иван Ясырь, посылавшийся в 1595 г. из Сургута к правителю Пегой орды князю Воне, а в 1613 г. находившийся в Кетском остроге, где обычно «годовали» сургутяне. Вскоре после основания Тары и Томска там служили Григорий Ясырь и Дружина «Есырь». См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 288, 289, 358, 417; Т. II. С. 264; Ульянова А.Е. Функции сургутских казаков ... С. 48; РСНЮ. С. 51, 315.

[134] Березов отнюдь не осаждался в 1607 г., тем более пелымскими вогулами и сургутскими остяками (Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла ... С. 59, 106. Примеч. 120; С. 324. Примеч. 91), тогда восстание «иноземцев» лишь назревало, но было

сыном Антоном)[135] и Левку, принадлежавшего к числу «лутчих людей» Подгородной волости, тоже с сыном[136]. Одновременно по доносу сына, ставшего с переходом в православие Григорием[137] и затем поверстанного в казаки, был казнен еще один из «лутчих людей» этой волости Ваюсь[138]. (В отписке березовского воеводы князя П.А. Черкасского, содержание которой передается в ответной царской грамоте от 28 октября 1607 г., хотя подчеркнуто, что «подгородный остяк Ваюско ... в расспросе в измене повинился»[139], о сыне Ваюся не упоминается, так как, возможно, его показания в приказной избе Березова о намерениях «иноземцев» осадить русский город и перебить его администраторов и служилых людей лишь подтвердили разоблачения Осдони и свидетельства аресто-

---

предотвращено. См.: Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сб. док. (далее – ОКМ). Екатеринбург, 2004. С. 161–162; Солодкин Я.Г. К оценке волнений «иноземцев» Березовского уезда в 1607 году: «шатость» или мятеж? // Меншиковские чтения 2011: Мат-лы чтений. СПб., 2012. Вып. 8: Березово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра): 12–13 ноября 2011 г. С. 114–116; Вершинин Е.В. Русская колонизация ... С. 38, 39, 98–99, 121, 419, 422–424.

[135] Тогда казнили и жену князца Петра, обвиненную в «волшебстве».

[136] Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков ... С. 24–25; Перевалова Е.В. Северные ханты ... С. 42. Быть может, П. Куланову и Левке принадлежит свидетельство о решении остяков и «самоеди» собраться («в обской протоке, в Изяпали, выше Березова города 15 верст») «за неделю до Петрова дня».

[137] Березовские новокрещены документально известны и за 1610 г. (РИБ. Т. II. Стлб. 213).

Кстати, принявшие христианство «самоедины» обитали в 1626/27 г. в Мангазейском уезде. См.: Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ... Ч. 2. С. 43.

[138] Заметим, что вопреки представлению Н.А. Балюк и А.В. Матвеева (Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 158), сообщившая русским властям о «воровстве» остяков Березовского уезда Осдоня из «подгородных юрт ... от Ваюска» являлась его «служащей женкой нарымского полону» (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 38–39, 236; Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков ... С. 25), а не женой. Е.В. Вершинин назвал ее пленной селькупкой (ОКМ. С. 189; Вершинин Е.В. Русская колонизация ... С. 419, 422, ср. 84). По-видимому, Ваюсь купил Осдоню у кого-то из березовских казаков – участников похода 1597 г. к Верхнему («Вышнему») Нарыму, бывшему резиденцией правителя Пегой Орды князя Вони.

[139] Она заключалась в том, что «остяки к ему приезжали и измену (московскому государю. – *Я. С.*) с ним думали».

ванных заговорщиков). В «книгах имянных березовским служилым людем и ружников и оброчником з денежными оклады» 1620-х гг. Григорий не значится (впрочем, одна из них, за 1627/28 г., сохранилась со значительными лакунами), возможно, потому, что получал только хлебное и соляное жалованье. Как писал Е.В. Вершинин, нормы православного быта запрещали крещеному «иноземцу» проживать вместе со своими сородичами-язычниками, и Ваюсеву следовало находиться в Березове; лишившийся с отставкой в 1628/29 г. казенного содержания, Григорий стал заниматься поблизости рыболовством и разведением на продажу лисиц[140]. Не исключено, что это позволялось ему делать и раньше. Как мы узнаем из челобитной Григория (1657 г.), повер-станный «в казачю службу», он нес ее более 20 лет, до отставки «за старость» воеводой Березова князем М. Белосельским[141].

В березовской окладной книге за 1622/23 г. – первой из сохранившихся[142] – среди казаков, получавших 6 рублей с четью, назван новокрещен «Ивашко» Денисов[143].

По указанию Е.М. Главацкой, в 1630 г. в Березове насчитывалось 30 новокрещенов во главе с атаманом Корнилом Петровым[144]. Такой атаман в известных нам разнообразных источниках

---

[140] ОИЮ. С. 189; Вершинин Е.В. Русская колонизация ... С. 258.

[141] Акишин М.О. Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям. XVII – XVIII в. // Уральский исторический вестник (далее – УИВ). 1994. № 1. С. 122, 127–128; ОИЮ. С. 149, 188–190; Шаходанова О.Ю. Прибыльные дела сибирских воевод // Сибирский исторический журнал (далее – СИЖ). 2004/1. Тюмень, 2004. С. 45; Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов ... С. 309; РСНЮ. С. 427. Ср.: С. 79; История Ямала: В 2 т. Екатеринбург, 2010. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 2: Российская колонизация. С. 124–125, 213; Вершинин Е.В. Русская колонизация ... С. 256–260, 420, 422. Князь М.В. Белосельский управлял Березовым в 1627–1629 гг.

В 1627/28 г. в этом городе числился один новокрещен (КР. Т. II. С. 97). По данным росписи 1627/28 г., гарнизон Березова состоял из 4 детей боярских и казачьих атаманов, 289 «литвы», казаков и стрельцов (ПССГ. С. 55). Возможно, в их число (хотя последних среди местных служилых никогда не было, см.: Внукова О.В. Складывание основных категорий служилого населения ... С. 49) приказные включили и единственного новокрещена.

[142] Иногда так почему-то называется окладная книга по Березову, составленная пять лет спустя. См.: Березово ... С. 84; Вершинин Е.В. Русская колонизация ... С. 296.

[143] РСНЮ. С. 355.

[144] Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов ... С. 309.

по истории этого города 1620–30-х гг., однако, не упоминается[145], слишком сомнительна и указанная уральской исследовательницей цифра местных «иноземцев», накануне сделавшихся православными[146]. Зато благодаря разысканиям Н.И. Никитина и В.Д. Пузанова известно, что в 1627/28–1630 гг. три десятка тобольских новокрещенов возглавлял атаман Корнила Петров сын Дурынин[147]. Стало быть, Е.М. Главацкой допущена ошибка.

С точки зрения В.Н. Козлякова, для того чтобы «во времена ... Федора Ивановича ... сибирские племена» признали «первенство и подданство московского царя», его воеводами «было применено более успешное “оружие”», чем «казацкие сабли», – «борьба за веру»[148]. Малочисленность новокрещенов не только тогда, но и в первые последующие десятилетия, явно противоречит такому суждению[149].

По сообщению владычного дьяка Саввы Есипова, повторенному редакторами его летописи, с разгромом «Кучумова царства», основанием Тюмени и Тобольска «мнози неверии, уведевше християнскую веру, крестишася ... и от неверия бысть верни»[150]. Не приходится сомневаться в тенденциозности этого

---

[145] См.: РИБ. СПб., 1884. Т. VIII. Стлб. 363, 379, 382; РСНЮ. С. 353, 371, 372, 395; Березово ... С. 85, и др. В березовской окладной книге 1627/28 г. значится лишь казак «Олешка» Петров (Березово ... С. 87).

[146] В Пелыме, Верхотурье и (помимо представителей княжеской семьи) Кодском городке новокрещенов на первых порах были единицы. См., напр.: Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 204; Мельников Б.В. Некоторые аспекты церковной политики ... С. 84, 85.

[147] РСНЮ. С. 49, 63. Примеч. 98; Пузанов В.Д. Дети боярские и дворяне Западной Сибири в XVII в. // ВИ. 2019. № 4. С. 38.

[148] Козляков В. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 94.

[149] Несомненным преувеличением следует признать и взгляд, будто в конце XVI в. русские власти придерживались тактики «полного уничтожения вождей мятежных племен». Судьба Аблегирима и его старшего сына Тагая (В.Н. Козляков почему-то писал о нескольких членах княжеской семьи), на которую сослался известный современный историк (Козляков В. Борис Годунов ... С. 95), может считаться скорее исключением, чем правилом. Вспомним, например, про участь властителя Большой Конды Агая и его родственников, обдорского князя (нареченного после крещения Василием) и куноватского князя Шатрова Лугуева.

[150] ПСРЛ. Т. 36. С. 69, 89, 97, 116, 127, 137, 187, 255, 313, 366. Ср.: С. 178, 346; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 568; ЛП. С. 87, 371; СЛ. С. 43–44, 91. Ср.: С. 1. См. также: Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960. С. 106; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь ... С. 51–52. Утверждение, будто

свидетельства[151], как и воспроизведенного «слогателем», близким к трем кряду тобольским архиепископам, известия синодика «ермаковым казакам», будто знаменитый атаман «со единомысленною и с предоблею дружиною» отправился в Сибирь «очистити место святыни ... и разорити ... нечестивыя капища». Заметим, что ранее, представив современную ононимику «Сибирской страны», Есипов объявляет татар приверженцами «Моаметова» учения, т. е. мусульманства, а все остальные «языцы» – идолопоклонниками, не зная лишь, «калмыки ... которой закон или отец своих предан[и]е [держат]»[152].

Хотя русские книжники с конца XVI в. подчас называли Сибирь «новопросвещенным местом», «новопросвещенной землей»[153], в первой половине следующего столетия, вопреки убеж-

---

в годы «престольства» в Тобольске (1621–1624) Киприан «прилагал немало усилий» для распространения «христианства среди неверных туземцев Сибири» (Харина Н.С. Жизнь и хозяйственная деятельность первого сибирского архипастыря Киприана // История Сибири в биографиях. Сургут, 2009. С. 14. Ср.: Щеглов И.В. Хронологический перечень ... С. 63; Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири ... С. 108, 159), по меньшей мере нельзя принимать всерьез. См., напр.: Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 244, 245.

Р.Г. Скрынников со ссылкой на исследование П.Н. Буцинского почему-то считал основной миссией Киприана христианизацию «присоединенного языческого края» (Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 83. Ср.: С. 93; и др.). Заметим, что в XVII в. многие жители Сибири, преимущественно татары, исповедовали мусульманство.

[151] И.Р. Нигматзянов, несомненно, заблуждается, утверждая, что «сам поход Ермака в отличие от начала христианизации Сибири имеет второстепенное значение» в глазах Есипова, которого казанский историк почему-то называет (кстати, вслед за А.П. Ярковым) духовным лицом, даже священником (Нигматзянов И.Р. Имагология хана Кучума в Есиповской летописи и исторические реалии // ИЭК: Мат-лы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (г. Курган, 21–22 апреля 2017 г.). Курган, 2017. С. 72, 73. Ср.: С. 74).

[152] ПСРЛ. Т. 36. С. 44, 45, 50, 70, 380. Ср.: С. 51, и др.

[153] Там же. С. 72, 90, 117, 178, 189, 258. Примеч. 82; С. 314, 368. Ср.: С. 35; ЛП. С. 88, 276; Солодкин Я.Г. Первые православные храмы Сибири // Гуманизация культуры и образования в Ханты-Мансийском автономном округе на пороге третьего тысячелетия: Мат-лы окруж. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2000. С. 122. Ср. также: АИ. СПб., 1841. Т. I. С. 411; ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 288, 538; Демин А.С. Писатель и общество в России XVI–XVII веков (Общественные настроения) / Отв. ред. О.А. Державина. М., 1985. С. 18; Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла ... С. 137.

дению Л.С. Соболевой[154], этот край еще не превратился в «новокрещеный».

Приведенные данные, между прочим, заставляют расстаться с мнением о том, что на рубеже XVI–XVII в. новокрещенами «становились, как правило, представители верхушки аборигенного населения», а ясачные люди могли принимать христианство главным образом в силу «материальной заинтересованности»[155]. Нуждается в уточнении и взгляд, будто православие начало проникать в среду коренного населения Северо-Западной Сибири с первых лет XVII в., но «русское правительство стремилось всячески сдерживать процесс христианизации в крае»[156].

Глава IV
КОМУ В ЦЕРКОВНОМ ОТНОШЕНИИ ПОДЧИНЯЛАСЬ «РУССКАЯ» СИБИРЬ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ?

Изучая раннюю церковную историю «русской» Сибири, исследователи не пришли к единому мнению по вопросу о том, какому владыке она была подведомственна до образования в 1620 г. Тобольской епархии.

Так, Н.А. Абрамову представлялось, что ранее Сибирь зависела от патриаршего приказа, а обеспечивать ее духовенством надлежало архиепископам Вологодским и Великопермским. Игумен Феофилакт (Моисеев) полагал, что первые сибирские уезды вначале входили в состав патриаршей области[157]. (Напомним, что Тюменский и Тобольский остроги, едва ли не сразу ставшие уездными центрами, были основаны в 1586 и 1587 гг. соответст-

---

[154] Соболева Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич ... С. 298; и др.

[155] Шаходанова О.Ю. Политика правительства по отношению к коренным народам Сибири в конце XVI – начале XVIII в. // Проблемы экономической и общественно-политической истории России. Тюмень, 2004. Вып. 2. С. 80; Она же. Политика правительства по отношению к коренным народам Сибири в конце XVI – начале XVIII веков // СИЖ. 2006/07. Тюмень, 2006. С. 115. Ср.: Перевалова Е.В. Северные ханты ... С. 65.

[156] Главацкая Е.М. «Потому что от мечетев церквам Божиим бывает перешкода...» ... С. 158; Она же. Религиозные традиции хантов ... С. 225.

[157] Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии / Сост. Ю.Л. Мандрика и В.А. Чупин. Тюмень, 1998. С. 59; Феофилакт (Моисеев), игумен. Святитель Иов – первый русский патриарх (К 400-летию патриаршества): 1589–1989 // Богословские труды. М., 1990. Сб. 30. С. 209.

венно, т. е. в канун учреждения московского патриаршества). В.Ю. Софронов поначалу заключал, что на первых порах церковное управление в Сибири «осуществлялось духовенством Казанской, Ростовской или Вологодской епархий»[158]. Большинство исследователей находит, что приходы, созданные в «Сибирской земле» вскоре после ее завоевания «дружиной» Ермака, подчинялись архиепископам Вологодским и Великопермским (об этом в 2012 г. писал и В.Ю. Софронов), и с санкции нового патриарха Филарета Тобольская епархия выделилась из состава Вологодской[159]. Обосновывая этот вывод, историки, в частности, отмечали, что как только в Москве узнали о «взятии» Сибири, туда из Вологды отправились десять священников с семьями[160]. О соответствующем распоряжении Ивана Грозного вологодскому епископу на основании «Северной и Восточной Тартарии, включающей области, расположенные в северной и восточной частях

---

[158] Софронов В.Ю. Сибирская симфония: государство и церковь как союзники в процессе освоения Сибири // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики: Докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 300-летию образования Сибирской губернии (20–21 ноября 2008 г., г. Тюмень). Тюмень, 2009. С. 28; Он же. К вопросу о «сибирской симфонии»: возможен ли альянс церкви и государства // Актуальные вопросы истории Сибири: VII научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина (г. Барнаул, 9–10 октября 2009 г.). Барнаул, 2009. С. 91.

[159] Буцинский П.Н. Соч. Т. 1. С. 207; Солодкин Я. Начало православия в Западной Сибири. С. 102; Он же. Первые православные храмы Сибири. С. 122; Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири ... С. 37; Зольникова Н.Д. Тобольская и Тюменская епархия // ИЭС. Новосибирск, 2009. Т. С–Я. С. 258; Зольникова Н.Д., Покровский Н.Н. Русская православная церковь. С. 788; Софронов В.Ю. К вопросу о периодизации истории Русской православной церкви в Сибири // VI Емельяновские чтения: Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 1150-летию российской государственности, 75-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. Н.Ф. Емельянова и 60-летию исторического факультета КГУ (г. Курган, 26–28 апреля 2012 г.). Курган, 2012. С. 103; Цысь О.П. Четыреста лет сибирского православия. С. 17; и др. Вологодской епархией до учреждения московского патриаршества в 1589 г. управлял епископ, а следом – архиепископ. См., напр.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 231, 233; Отдел рукописей Рос. гос. библиотеки. Ф. 236. № 31. Л. 206 об.

[160] Лаврентьев А.В. Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века и их источники (Новый Летописец, Свод 1652 года, Латухинская Степенная книга) // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII в. М., 1986. С. 131; и др.

Европы и Азии» Н. Витзена, не зная о ее русском источнике – «Описании Новыя земли, сиречь Сибирскаго царства и Московского государства» (вышедшем, по А.И. Андрееву, в 1685–1686 гг. из-под пера подьячего Посольского приказа Н.Д. Венюкова), упоминали еще Г.Ф. Миллер, которому данное известие казалось сомнительным, и Н.М. Карамзин, приурочившие это царское повеление к 1582 г.[161]. (В «Описании...» сказано, что с соратником Ермака атаманом Иваном Грозой, возвращавшимся из Москвы в Сибирь, российский самодержец приказал епископу Вологодскому отправить, выдав каждому из них по 20 рублей, десять попов, причем с женами и детьми[162]). Относить эту «посылку» священников с «Руси» за Урал к 1585 г., как поступили, например, митрополит Макарий (Булгаков) и А.В. Лаврентьев, едва ли стоит, т. к. Иван Гроза (Гроза Иванов) вместе со стрелецким головой И.С. Киреевым в последние месяцы 1584 – начале следующего года сопровождал в Москву плененного ермаковцами сибирского царевича Маметкула (Мухаммед-Кули)[163], да и в 1585 г. в Сибири еще не существовало православных церквей (самые первые из них были «срублены» в Тюмени и Тобольске). Поездку же сеунчиков казачьей «дружины», одним из которых часто объявляется И. Гроза, можно считать «вымышленным обстоятельством» в изображении русскими книжниками перипетий «взятия» «православными воями» «Кучумова юрта». Еще В.И. Сергеев предупреждал о том, что «нельзя абсолютизировать все и конкретные, и общие сведения», имеющиеся в «Описании...»[164]. В частности, хотя, скорее всего, после гибели Ермака главным атаманом казачьего войска, действительно, избрали Ивана Грозу[165], вскоре отправившегося в Москву, версия

---

[161] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 233–234; Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. III. Т. IX. Стлб. 235; Примеч. 703. Ср.: Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 21.

[162] Илюшечкина Т.Н. Голландская версия Описания Сибири ... С. 412–413; и др.

[163] Александров В.А., Покровский Н. Н. Власть и общество ... С. 81; ОИЮ. С. 99, 118, 119; РСНЮ. С. 29, 41; и др.

[164] Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода ... С. 43.

[165] Илюшечкина Т.Н. Голландская версия Описания Сибири ... С. 395, 397; и др. Следуя Строгановской летописи, Э.Л. Дубман же полагал, что преемником Ермака стал атаман Матвей Мещеряк (Дубман Э. Князь Григорий Засекин (Хроника жизни и деятельности строителя волжских

«Описания...», будто возглавивший «русский полк» Гроза совершил поход в Приобье до Березова, который отстроил, разместив там заложников, обложил данью население этого края и соседних местностей (у Обдора, Мрассы, Конды)[166], должна считаться фантастической[167]. Вспомним, что Березов был основан в 1593 г., Обдорский (Носовой) острог – три года спустя, на Мразе служилые люди, вероятно, томские, появились примерно через два десятилетия.

Вывод о том, что в церковно-административном отношении Сибирь вначале была подчинена вологодскому владыке, все же кажется предпочтительнее остальных. Хотя в числе городов обширной Вологодско-Пермской епархии за первую четверть XVII в. ни один сибирский не значится[168], известно, что при основании Верхотурья туда из «Пермии» направили попа Леонтия. Вологодского попа, а дьякона для освящения церкви во имя Святых Бориса и Глеба опять-таки из Пермского края в 1600 г. послали в только что заложенный Туринский острог. Священнослужителя в Нарым из Вологды отправляли и в 1608 г. (Впрочем, многих вологодских попов перевели за Урал и в 1630-х гг.[169]). В начале XVII в. «церковное строение» «на Верхотурье» направляли из Вологды, а

городов). Самара, 1995. С. 55). Последний с отъездом Ивана Грозы в Москву, видимо, являлся единственным атаманом «взявшего» Сибирское ханство казачьего «войска» (Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск, 2015. С. 171. Примеч. 2).

[166] Илюшечкина Т.Н. Голландская версия Описания Сибири ... С. 397–398.

[167] Кроме того, сообщения «Описания...» о гибели Ермака и приказе Кучума тело атамана как «разорителя» Сибирского ханства «изрезать» «в части», чтобы «с родителми своими съесть», в оценке А.В. Матвеева носят «гротескный характер» (Матвеев А.В. В поисках места гибели атамана Ермака // КРАИ. С. 129).

[168] См.: Черкасова М.С. К изучению церковно-административных и территориальных структур на Русском Севере в XVI – начале XVIII вв. // Государство и общество в России в XV – начале XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 211, 212.

Известно также, что архиепископ Вологодский и Великопермский Иона Думин между 1589 и 1598 гг. прислал из Москвы «на Вологду» 200 экземпляров Триодей для церквей Вологодского уезда (Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII веков. М., 1968. С. 332). Нет, однако, сведений о том, что эти книги предназначались и для Сибири как «новопросвещенной земли».

[169] ПССГ. С. 80; и др.

в Верхотурье и Тобольск – также через Пермь[170]. В 1611 г. управлявшие Тобольским разрядом воеводы князь И.М. Катырев-Ростовский и Б.И. Нащокин, дьяк Н. Федоров сообщали вологодскому архиепископу Сильвестру (причем повторно) об отсутствии попов во многих приходских храмах сибирских городов, отмечая, что церкви, которые «поставлены вновь, ... стоят не освященные», ибо в этих городах «антиминсов нет». Сильвестра просили прислать в Сибирь пять или шесть попов, и с ними антиминсы; о предоставлении этим попам руги и подвод тобольские власти накануне писали в Вологду ее воеводе и дьяку[171]. В 1620 г. священник тобольской Троицкой церкви Иван заложил на старом городище пятиглавый храм во имя Святой Софии по благословению вологодского архиепископа Макария[172].

Воеводе князю П.И. Горчакову, в конце 1592 или начале следующего года предписывалось в «новой город в Тоборы» (названный Пелымом) взять из Перми «углецкого» попа, т. е. высланного туда из Углича (вероятно, за участие в волнениях, сопровождавших смерть царевича Дмитрия 15 мая 1591 г.), а «дьякона, едучи в Сибирь, взять в Ростове, котораго владыка велел выбрать»[173]. Последнего сообщения, очевидно, недостаточно, чтобы говорить о причастности ростовского духовенства к церковному управлению на восточной окраине России. Еще меньше оснований считать, что оно в какой-то мере осуществлялось властями Казанской епархии. Известно лишь, что в 1601 г. из Москвы через Казань и Пермь отправили «церковное строенье» в Верхотурье[174]. Но этим же путем, шедшим и через Вологду, со времени царствования Федора Ивановича в Сибирь ехали и воеводы, письменные головы, дьяки,

---

[170] АИ. Т. II. С. 34, 110; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 379–380; Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ... Ч. 3. С. 51; Ч. 4. С. 140, 141; Буцинский П.Н. Соч. Т. 1. С. 185–186; Т. 2. С. 262–264; и др.

Примем во внимание и то, что в течение 1599–1617 гг. 23 сибирских атамана и казака стали вкладчиками устюжского Михаило-Архангельского монастыря (Лаврентьев А.В. Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века ... С. 131).

[171] Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1884. Т. II. Стлб. 603–604. Датировка отписки (без обозначения месяца и числа) принадлежит ее издателю Н.В. Калачеву.

На этот документ в работе, опубликованной в 2012 г., сослался В.Ю. Софронов.

[172] Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 216.

[173] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 342.

[174] Там же. С. 396.

кодские князья[175]; на пути в свою епархию в Вологде побывал и тобольский «первопрестольник» Киприан[176].

Итак, есть должные основания полагать, что на протяжении приблизительно трех с половиной десятилетий, до учреждения в 1620 г. Тобольской архиепископии, территория «далечайшей государевой вотчины», как тогда и позднее часто называли Сибирь, в церковном отношении состояла в ведении святителей Вологодских и Великопермских.

Глава V
К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕРКОВНЫХ И СВЕТСКИХ ВЛАСТЕЙ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Уже в 1620–40-х гг., т. е. в первые десятилетия существования Тобольской епархии, отношения между владыками и «градодержателями» сибирской столицы, прежде всего ее разрядными воеводами, складывались (что бывало нередко и впоследствии) весьма неровно. Так, вскоре после создания на «сибирской украйне» России в 1621 г. архиерейской кафедры возник конфликт между ее «первопрестольником» Киприаном (Старорушанином) и боярином М.М. Годуновым. (На этот конфликт еще в конце XIX в. обратил внимание Н.Н. Оглоблин. Его мнение, будто на первых порах тобольские архиепископы подчинили себе светскую власть[177], думается, не лишено очевидного преувеличения).

Как представлялось В.Ю. Софронову, решение об открытии Тобольской епархии было принято в Москве «без подготовки его претворения» и согласования с местной администрацией, и то, что «сибирская симфония» в отношениях светских и церковных администраторов «не заладилась с самого начала», объясняется, в частности, непредусмотрительностью центральной власти[178]. Но

---

[175] Там же. С. 343, 344, 346; АИ. Т. II. С. 299; Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ... Ч. 3. С. 287; Ч. 4. С. 126, 137; ВГ. Вып. I. С. 142; ПССГ. С. 81; Разрядная книга 1475–1605. М., 1994. Т. IV. Ч. I. С. 65; Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири ... С. 35; и др.

[176] Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 210.

[177] Оглоблин Н. Дело о самовольном приезде в Москву тобольского архиепископа Симеона, в 1661 году (Очерк из жизни XVII в.) // Русская старина. 1893. № 10. С. 162.

[178] Софронов В.Ю. Сибирская симфония ... С. 29, 30; Он же. К вопросу о сибирской симфонии ... С. 91, 92.

намерение учредить эту епархию возникло в правительственных кругах еще в 1613 г.[179] Царь и патриарх известили тобольских «градодержателей» о скором приезде Киприана на его «богопорученный престол» 4 января 1621 г.[180] (Утверждения, будто сибирские власти и казаки встретили архиепископа с негодованием, «в штыки»[181], представляется односторонним, тем более что в соответствии с распоряжениями из Москвы его должен был ожидать почетный прием по пути следования и в Тобольске[182]. В.Ю. Софронов утверждал, что М.М. Годунову по царскому требованию пришлось «на какой-то срок» (до постройки владычного двора на «старом городище», оставленном «гражданскими властями после пожара») «освободить занимаемые им воеводские палаты»[183]. Но Киприан, прибыв в Тобольск 19 июня 1621 г. (через девять с лишним месяцев после хиротонисания в сан архиепископа), расположился вначале рядом с Троицкой церковью, во дворе подьячего Я. Денисова, а отнюдь не во дворе М.М. Годунова, избегая обострять с ним отношения[184]; непонятно также, какой пожар, заставивший светских администраторов покинуть прежнее место, имеется в виду.

С точки зрения Н.А. Дворецкой, противопоставление воевод и Ермака в начале С явилось следствием неприязненных отношений, установившихся между владыкой и М.М. Годуновым[185]. Однако последний был не военачальником, а администратором, почему приведенное мнение[186] кажется нам произвольным. К тому

---

[179] Солодкин Я.Г. О формировании ранней официальной версии ... С. 29; и др.

[180] /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 21.

[181] Оглоблин Н. Дело о самовольном приезде ... С. 163, 165; Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири ... С. 120; Очерки русской литературы Сибири (далее – ОРЛС): В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 48. Ср.: Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 238.

[182] См.: Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 252, 258. Примеч. 2; /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 20, 22.

[183] Софронов В.Ю. Сибирская симфония ... С. 29–30; Он же. К вопросу о сибирской симфонии ... С. 92.

[184] См.: Харина Н.С. Жизнь и хозяйственная деятельность первого тобольского архиепископа Киприана. С. 13; Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска ... С. 237; и др.

[185] Дворецкая Н.А. Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 333.

[186] В.Г. Мирзоев, излагая это мнение, уклонился от его оценки. См.: Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири ... С. 55.

же соответствующая фраза есть помимо синодика «Ермаковым казакам» (далее – С) в Есиповской летописи (далее – ЕЛ) многих разновидностей и Сказании о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы[187]. Стало быть, как заметила Е.К. Ромодановская, «ни местные, ни центральные власти не видели опасности для себя в противопоставлении простолюдина царским воеводам». Видная исследовательница ранней русской книжности Сибири нашла, что в соответствующем фрагменте С и зависимых от него памятников антитезой Ермаку считается Кучум[188]. Такой взгляд представляется нам домыслом, тем более что в этих сочинениях воеводами предводители татарских отрядов никогда не называются, а начало сибирского похода казаков приурочено ко времени «державства» царя Ивана Васильевича. В С мы читаем об избрании и «посылке» Богом «не от славных муж, ни от царскаго повеления воевод ... победити бесерменскаго царя Кучюма»[189]. Кстати, аналогия интересующей нас фразе встречается еще в «Казанской истории»[190]. Кроме того, Ермак, причем с его «предоблею дружиною» – бесстрашными «воями», избранными Богом «от простых людей», в С противопоставлены (Р.Г. Скрынников усматривал в этом фольклорные черты) и «славным мужам». По сведениям сибирских летописцев, простолюдинами являлись также Чингисхан и Темир-Аксак[191]. Следует подчеркнуть, что в «истории» Саввы Есипова, сложившейся в стенах архиерейского дома сибирской столицы, сказано об отправке Иваном IV воевод С. Болховского и И. Глухова (последний, точнее, являлся стрелецким головой) за Урал и об основании воеводами нового царя Федора Обского (Мансуровско-

---

[187] ПСРЛ. Т. 36. С. 50, 70, 82, 109, 120, 130, 180, 238; ЛП. С. 87, 371; Ромодановская Е.К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 163 (Избр. труды). Явным недоразумением должно считаться мнение А.В. Преловского, будто С – это «первое сибирское летописание, составленное самими ермаковцами в Тобольске в начале XVII века» (Сказания сибирских казаков: Памятники фольклора XVII–XX в.: Литературная обработка Анатолия Преловского. М., 2003. С. 257. Ср.: С. 26 –27).

[188] ОРЛС. Т. 1. С. 69; Ромодановская Е.К. Сибирь и литература ... С. 121–122.

[189] ПСРЛ. Т. 36. С. 51, 70, 71, 380.

[190] ПЛДР: Середина XVI века. С. 440. Ср.: С. 558. См. также: ПСРЛ. М., 1965. Т. XIV. Первая половина. С. 86, 128; Там же. Т. 34. С. 214, 217; ПЛДР: Конец XVI – начало XVII веков. С. 272, 274, 330. Ср.: С. 252, 352, 382, 386, 414.

[191] ПСРЛ. Т. 36. С. 46, 70, 129, 380. Ср.: С. 50, 55.

го) городка, Тюменского и Тобольского острогов[192]. И во многих других летописях, причем не только сибирских, говорится о «взятии» «Кучумова» юрта Ермаком «со всем товарством» и последующих экспедициях государевых воевод (к числу которых нередко относится и письменный голова Д.Д. Чулков) во владения «злочестивого салтана»[193]. В русской дипломатической документации рубежа XV–XVII в. подчас сказано о «посылке» царем Иваном и его наследником Федором против Кучума как воевод, так и служилых казаков. Заслуги Ермака с его сподвижниками в покорении Сибири признавали в 1620–30-х гг. и тобольские, и московские власти[194]. Кстати, в «Кратком описании о Сибирстей земли и о похождении атамана Ермака», протограф которого был известен Есипову, говорится о том, что царь Иван, «видя ... злое воровство и непокорство» донских и волжских казаков, «посла на них воевод своих», и бежавшие «по присылке Максима Строганова» на Чусовую шестьсот казаков со «старейшиной» Ермаком и многими другими атаманами двинулись оттуда во владения Кучума. Несколько сибирских книжников конца XVII в. воспроизвело этот рассказ, дополнив тем самым ЕЛ[195].

Е.И. Дергачева-Скоп связала противопоставление Ермака государевым воеводам в С и вторичных относительно него произведений с позицией Киприана, который в оценке исследовательницы являлся тщеславным, умным и хитрым политиком[196]. Но даже если признавать первого тобольского архиепископа автором или редактором «помянника» атаманов и казаков, ставшего одним из начальных звеньев книжной культуры «русской» Сибири, следует считаться с тем, что в преамбуле С обнаруживается зависимость от какого-то недошедшего до нас нарративного памятника[197].

---

[192] Там же. С. 60, 64–66.

[193] Там же. Т. 34. С. 195; Т. 36. С. 32–35, 38–41, 73, 77–78, 130–136, 138, 139, 189, 190; и др.

[194] См.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь ... С. 46–48; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 78–80; Солодкин Я.Г. О формировании ранней официальной версии ... С. 28.

[195] ПСРЛ. Т. XIV. Первая половина. С. 33; Т. 36. С. 181, 239, 305–306, 359. Ср.: С. 32, 38, 73, 77, 78; СЛ. С. 308.

[196] Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири ... С. 120, 137.

[197] Солодкин Я.Г. «Беседуя к вашей любви...»: Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск, 2017. С. 315; и др.

Попытки правительства Михаила Федоровича использовать церковную администрацию в Сибири для контроля над государственным аппаратом, разумеется, не способствовали идиллическим отношениям между архиереями и разрядными администраторами, особенно Киприаном и М.М. Годуновым[198]. Хотя насчет последнего «против святительскаго челобитья против Киприянова» в Тобольск в 1622/23 г. приезжали сыщики И.В. Спасителев и А. Башмаков[199], вероятно, после отъезда недавно бывшего разрядным воеводой Годунова в Москву, он провел в «начальном граде» Сибири три года – примерно столько же, сколько многие его предшественники и преемники[200], и вряд ли подобно В.Ю. Софронову стоит утверждать, будто архиепископ приложил руку к смещению с должности дальнего родственника царя Бориса[201]. Не без участия тобольских «властодержцев» велось строительство владычной резиденции, они решали вместе с Киприаном и другие вопросы. Так, согласно царской грамоте от 19 декабря 1621 г., архиепископу вместе с М.М. Годуновым следовало рассмотреть предложение (его подал в приказ Казанского дворца прежний томский воевода Ф.В. Бобарыкин) о выводе постоянных контингентов служилых людей из Березова и Сургута, куда намечалось посылать годовальщиков, как и в Нарымский, Енисейский или Тунгусский, Кузнецкий и Туринский остроги (Кетский же подлежал ликвидации), и переводе их гарнизонов в Томск[202]. (Стало быть, выяснить отношение сибиряков к этой «реформе» поручалось не только архиепископу[203], но и разрядному воеводе). Вспомним также, что в бытность Киприана главой тобольского Софийского дома М.М. Годунов дал туда вклад – деревню Матвеевскую близ «столнейшего града» Сибири. Учтем и то, что очередная просьба этого архиепископа об округлении земельных владений епархии за счет сельца «Оболаково з деревнями» в Тобольском уезде стала поводом для отправки туда светскими властями сына боярского М. Трубчанинова и подьячего

---

[198] /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 21–23, 26.

[199] ПСРЛ. Т. 36. С. 147, 196, 263, 319; Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 238, 242.

[200] См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 75, 146, 194, 261, 318; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 108; и др.

[201] Софронов В.Ю. Сибирская симфония ... С. 31; Он же. К вопросу о сибирской симфонии ... С. 92.

[202] /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 16, 17, 20, 23; ТАД. С. 182–185.

[203] Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 247; ОИЮ. С. 129; и др.

С. Полутова, дабы выяснить, «мочно ли» Киприану «впредь ... своею пахотою прокормитца хлебными запасы без московских запасов присылки, или к той пахоте вперед колко каких хлебных запасов надобно будет дослати»[204].

Затруднительно согласиться и с выводом В.Ю. Софронова о том, что царю, патриарху и подведомственному им аппарату «объединение и сплоченность их сибирских наместников были просто невыгодны». Как констатировал сам тобольский историк, у боярина князя Ю.Я. Сулешова (сменившего М.М. Годунова на главном в Сибири воеводстве) «установились деловые и дружеские отношения» с Киприаном. Об этом писало немало историков[205]. Кстати, В.Ю. Софронов ошибается, утверждая, что «уже через год Сулешев (точнее, Сулешов. – *Я. С.*) получил другое назначение, а вслед за ним и архиепископ Киприан отбыл из Тобольска»[206]. Знатный князь, который, будучи там, провел немало реформ, «сидел» в «старейшем граде» «Сибирской страны» без малого два года (с июля 1623 до мая 1625 г.), а «первопрестольный» владыка уехал в Москву в начале февраля 1624 г.[207]. (Возможно, отправляясь в столицу, Киприан не был уверен в том, что покидает свою епархию навсегда. Ведь в Тобольске оставались его отец Тихон и племянник Иван Максимов, являвшийся архиерейским дьяком)[208].

По наблюдению ряда историков, конфликтов между архиепископом Макарием (1625–1635 гг.) и разрядными воеводами не происходило[209]. Любопытно, впрочем, что в 1629 г. ханты нижне-

---

[204] Архипова М.Д. Киприан Старорусенков и начало складывания земельной собственности Тобольского владычного дома // Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии. Нижневартовск, 2002. Ч. 1. С. 92.

[205] См., напр.: Оглоблин Н. Дело о самовольном приезде ... С. 164; Зольникова Н. Д., Покровский Н.Н. Русская православная церковь. С. 789.

[206] Софронов В.Ю. Сибирская симфония ... С. 31; Он же. К вопросу о сибирской симфонии ... С. 92.

[207] См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 99, 147, 195, 196, 318, 319; Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 249; и др.

[208] Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ... Ч. 3. С. 228; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 330.

[209] Оглоблин Н. Дело о самовольном приезде ... С. 164; Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 260; Зольникова Н.Д. Макарий (Кучин) // ИЭС. Новосибирск, 2009. Т. К–Р. С. 309.

Примечательно, что когда 9 декабря 1628 г. в съезжей избе «первоимянитого града» Сибири сгорела «государева тоболская печать», разряд-

го течения Иртыша подали челобитную, жалуясь на тяготы ясачной и подводной повинностей, не тобольским воеводам, а Макарию, который переправил ее в Москву[210]. Вывод И.Л. Маньковой о том, что «в XVII в. конфликты между сибирскими архиереями и представителями воеводской администрации были скорее обычным явлением, чем редкостью», думается, нуждается в ограничении, как и заключение Н.Н. Оглоблина, будто Нектарий и Герасим «все время службы своей в Сибири провели в неустанной борьбе с враждою воевод и служилых людей». К тому же, как писала сама И.Л. Манькова, «первые два года пребывания в Тобольске архиепископа Симеона и воеводы Василия Хилкова прошли относительно мирно»[211]. В царских грамотах Киприану и его преемникам обычно встречается распоряжение решать все дела в добром согласии с тобольскими воеводами, а те приказывали провинциальным (часто, особенно при Киприане, Нектарии и Герасиме[212] нарушавшим предписания «не вступатца» «в духовные ни в какие дела») содействовать архиерейским десятильникам в осуществлении церковного суда. В 1651 г. главным воеводам Сибири было приказано «о наших делах, о чем буде доведетца по нашему (государеву. – *Я. С.*) указу, с ним (владыкой Симеоном. – *Я. С.*) советовались», т. е. если царь распорядится. Тогда же правительство поручило вести борьбу за соблюдение нравственных норм в восточных уездах страны и церковным, и светским властям[213].

ный воевода боярин князь А.Н. Трубецкой и его «товарыщи», «посоветовав ... с Макарьем архиепископом Сибирским и Тобольским, велели зделати при себе такову ж печать, какова прежняя была с вощаной печати». Макарий и разрядный воевода князь А.А. Хованский по жалобе тобольского стрельца М. Артемьева предписали его жену Ирину забрать со двора сургутского воеводы Б.И. Белкина. См.: ПССГ. С. 57; Вершинин Е.В. Русская колонизация ... С. 239.

[210] Вершинин Е.В. Челобитные аборигенного населения Сургутского уезда ... С. 58; Он же. Русская колонизация ... С. 407.

[211] Оглоблин Н. Дело о самовольном приезде ... С. 164; Манькова И.Л. Сибирский архиепископ Симеон и тобольские воеводы: опыт эмпирического исследования в свете теории конфликта // УИВ. 2012. № 3(36). С. 14, 17; Силаева И. А. Взаимоотношения церковных и светских властей в Сибири XVII столетия в трудах Н. Н. Оглоблина // Изв. Алт. гос. ун-та. 2019. № 2. С. 45–46.

[212] См.: Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 241, 243, 289, 306; /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 25.

[213] Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 259. Примеч.; /Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ Предисловие. С. 24, 25; Манькова И.Л. Сибирский архиепископ Симеон и тобольские воеводы ... С. 15, 18.

Примем во внимание и то, что тобольский архиепископ Нектарий (1636–1640 гг.) разрешил возвести Знаменскую церковь в селе Абалацком, «посоветовав», в частности, с разрядным воеводой князем М.М. Темкиным-Ростовским и его «товарищами», и поддержал этого «градодержателя» в конфликте с сыном боярским Саввой Француженином, сторону которого приняли младший воевода А.В. Волынский и дьяки[214]. В 1639 г. в «стольном» Тобольске местные и березовские казаки перед походом на Лену подняли «большой шум и озорничество», добиваясь от воевод – и упомянутого разрядного, и получившего распоряжение заложить Якутск стольника П.П. Головина – выплаты жалованья на два года вперед; вмешательство Нектария содействовало удовлетворению этого требования, что привело к прекращению волнений. Тогда же владыка заступился за казака И. Болховитина, убедив воевод в том, что «он озорничал ... пьянством»[215]. (Отметим, что в статье Н.Д. Зольниковой и Н.Н. Покровского этот конфликт ошибочно приурочен к 1636 г.). Архиепископ Герасим в 1640 г., вскоре после того, как приехал в Тобольск, взял под защиту арестованного воеводой князем П.И. Пронским подьячего С. Кляпикова, инкриминировавшего разрядному «скипетродержцу» и его приближенным «незаконные служебные действия и казнокрадство»[216]. (Н.Д. Зольникова и Н.Н. Покровский считали, что дело об обвинениях Кляпикова, которое не позволили замять Герасим, привело к смещению князя П.И. Пронского. Но последний воеводствовал в Тобольске до мая 1643 г. – в течение ровно четырех лет. С этого времени велось расследование о злоупотреблениях дьяков И. Трофимова и А. Галкина из «перемены» Пронского, затянувшееся на несколько лет[217]). Герасим же в 1643 г. выступил сторонником сыска, начавшегося с извета о «государевом деле» насчет присвоения части хлебного и

---

[214] Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 282–285; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 652–653; ТАД. С. 251; ЛП. С. 278; и др.

[215] Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 105; ПССГ. С. 88; Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Русская православная церковь. С. 789; и др.

[216] Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 132; Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Русская православная церковь. С. 789.

[217] См., напр.: Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ... Ч. 3. С. 69, 167; Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века / Отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск, 1982. С. 80–81; ПСРЛ. Т. 36. С. 151, 153, 199, 266, 322, 348. Ср.: С. 99, 371.

соляного жалованья приближенными П.И. Пронского[218]. Как констатировали Е.К. Ромодановская и Д.М. Буланин, четвертому сибирскому архиепископу не удалось установить добрые отношения с воеводами[219]. Это в значительной степени объясняется тем, что он, по словам Н.С. Хариной, в отличие от своих предшественников расширял вотчины Софийского дома не «в результате царских пожалований и вкладов частных лиц», а прибегая к «самозахвату». Михаил Федорович вынужден был предписать тобольским воеводам, «чтобы никто никаких земель архиепископу не давал»[220]. Следует принимать во внимание и «отсутствие (в Сибири XVII в. – *Я. С.*) четкого разделения между компетенцией светской и духовной власти»[221]. Убеждение же в «фактической самостоятельности сибирских воевод»[222], разумеется, нельзя считать оправданным.

Любопытно, что согласно челобитной Алексею Михайловичу сибирского владыки Симеона, «после пожарного разоренья» Тобольска в 1643 г. там, в городе, новые церкви «Вознесения Господня да преподобнаго Алексея человека Божия» построили вое-

---

[218] Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество ... С. 203.

[219] ЛП. С. 394; Буланин Д.М. Симеон // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я: Дополнения. С. 554.

[220] Харина Н.С. Формирование и развитие церковно-корпоративного землевладения Тобольского архиерейского дома в XVII в. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2013. Ч. 8. С. 31, 32, 49.

[221] Буланин Д.М. Симеон. С. 554. Основной причиной вражды между святителями и тобольскими «градодержцами» в Сибири XVII в. А.В. Морохин называл независимость архиереев от воевод, а также наличие у владык прав и «печалования» перед государем о нуждах своей паствы, и «непосредственных контактов с монархами». Это, однако, не составляло специфики самой обширной епархии Русской православной церкви. Скорее, как признавал и известный нижегородский историк, борьба между сибирскими архипастырями и главными администраторами Тобольского разряда шла «за пределы духовной и светской власти» (Морохин А.В. Симеон, архиепископ Сибирский и Тобольский (1651–1663) (страницы биографии) // МЧ: Мат-лы науч. конф.: Нижегородский государственный университет им Н.И. Лобачевского (10 декабря 2002 г.). Нижний Новгород, 2003. С. 119, 122).

[222] Дергачева-Скоп Е.И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С.У. Ремезова. Статья 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири: Материалы к «Истории русской литературы Сибири». Новосибирск, 1971. С. 55.

воды боярин И.И. Салтыков «с товарыщи», увеличив следом размеры жалованья попам, дьякону и крылошанам этих храмов[223]; об архиерее в данной связи не упоминается. (По свидетельству одного из сибирских летописцев, Герасим заложил Софийскую соборную церковь «с пределы» 24 мая 1646 г., дождавшись приезда в Тобольск нового разрядного воеводы И.И. Салтыкова[224]. Точнее, закладка 13-главого храма взамен сгоревшего состоялась при управлявшем «далечайшей государевой вотчиной» князе Г.С. Куракине[225], который покинул «столнейший град» Сибири 15 января того же года[226]). Как уверял Симеон, ранее тобольские воеводы – предшественники стольника князя А.И. Буйносова-Ростовского – и святители советовались друг с другом, говоря «наедине обо всем»[227]. Вывод о том, что в пору архипастырства Герасима нет «оснований видеть хотя бы зачатки совместных действий (владык и воевод “начального града” Азиатской России. – *Я. С.*) на сибирском управленческом поприще»[228], должен считаться явным преувеличением.

---

[223] ЛП. С. 302. Ср.: Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа ... Ч. 3. С. 85.

[224] ПСРЛ. Т. 36. С. 155, 156.

[225] Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 302.

[226] Утверждение С.Г. Пархимовича и А.В. Чернышева о том, что князь Г.С. Куракин воеводствовал в Тобольске в 1643–1644 гг. (Буцинский П.Н. Соч. Т. 2. С. 327. Примеч. 107), неточно.

В.В. Пестерев со ссылкой на отписку этого «наместника» «далечайшей государевой вотчины» управлявшему Туринском князю П. Барятинскому упомянул о пребывании Куракина в «царствующем граде» Сибири 31 марта 1646 г. (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. С. 596; Пестерев В.В. Русская колониальная администрация в борьбе с фантомами сибирской государственности // ИЭК: Мат-лы междунар. конф. (г. Курган, 22–23 апреля 2011 г.). С. 112). Но в то время знатный князь лишь номинально числился разрядным воеводой, по всей видимости, тогда он уже вернулся в Москву.

[227] ЛП. С. 313.

[228] Софронов В.Ю. Сибирская симфония ... С. 33; Он же. К вопросу о сибирской симфонии ... С. 93. А.В. Морохин тоже находил, что «вражда сибирских архиереев с воеводами ... продолжалась все XVII столетие» (Морохин А.В. Симеон ... С. 119).

Кстати, по утверждению нижегородского исследователя, архиепископ Симеон прибыл в Тобольск 17 апреля 1652 г. (Морохин А.В. Симеон ... С. 118). Приведенная дата встречается в поздних редакциях Сибирского летописного свода (далее – СЛС) (ПСРЛ. Т. 36. С. 268. Примеч. 85–85; С. 324, 349); предпочтительнее известие ранних, повторенное некоторыми другими книжниками, о том, что новый владыка

Стало быть, отношения, сложившиеся между архиепископами Киприаном, Нектарием и Герасимом (получившими право вмешательства в разнообразные дела, ранее подведомственные исключительно светским властям), с одной стороны, и многими воеводами Тобольского разряда – с другой, можно признать двойственными, что предопределялось и расчетами правительства, и недостаточной гибкостью отдельных администраторов новой «государевой вотчины».

занял свой «богопорученный престол» 20 декабря 1651 г. (Там же. С. 99, 157, 202. Примеч. 65; С. 268, 372); в Головинской редакции того же летописного свода при этом сказано про 1 декабря (Там же. С. 202). А.В. Морохину «по источникам установить не удалось», когда после 1662 г. Симеон вернулся из Сибири в Москву (Морохин А.В. Симеон ... С. 122). В двух ранних редакциях СЛС читаем, что это произошло 1 или 10 марта 1663 г., еще в одной – в 1662/63 г. (ПСРЛ. Т. 36. С. 161, 205. Примеч. 54–55; С. 373); 16 февраля следующего года, в чем тобольские летописцы были единодушны, Симеон оставил святительский престол (Там же. С. 161, 205. Примеч. 54–55; С. 206, 271, 350, 373. Ср.: С. 99).

Раздел II
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (XVIII – НАЧАЛО XX В.)

Глава I
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА И СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Духовенство и светская власть на Тобольском Севере совместно решали задачи интеграции региона в общероссийское политическое, хозяйственное и культурное пространство. Их взаимоотношения регулировались законодательством и сложившейся правоприменительной практикой. В специфических условиях Тобольского Севера роль священно- и церковнослужителей не ограничивалась окормлением верующих и исправлением треб. На них возлагался ряд дополнительных функций, при выполнении которых духовной и светской власти приходилось вступать в тесное взаимодействие. Кроме того, в некоторых случаях чиновникам требовалось сдерживать излишнюю активность представителей духовного сословия, грозившую нарушить сложившийся status quo и шедшую вразрез с господствующими в данный период тенденциями государственной политики в отношении сибирских «инородцев». Можно выделить несколько основных направлений возникавших по данному поводу взаимоотношений.

Первое – взаимодействие светской и духовной власти в решении кадровых вопросов. Как известно, проведенная святителем Филофеем (Лещинским) в 1710-е гг. массовая христианизация коренного населения Тобольского Севера вряд ли была возможна без содействия светских властей. Сохранение и укрепление позиций православия в дальнейшем требовали активного сотрудничества духовной и светской власти. Их формы и направления были обусловлены необходимостью обеспечивать функционирование церковных институтов, а также решать периодически возникающие конфликты на стыке интересов духовенства, чиновников и прихожан.

В первые годы после массового крещения обских угров важнейшей проблемой являлось кадровое обеспечение вновь образованных приходов. Причт зачастую «рекрутировался» из числа

местных служилых людей. Хорошо известно, что родоначальником священнической династии Кайдаловых являлся сургутский казак, сопровождавший митрополита Филофея (Лещинского) в миссионерских поездках. Его многочисленные потомки расселились по всему Тобольскому Северу. Однако имели место и случаи обратного перехода церковнослужителей в служилое сословие, вызванные необходимостью замещения вакантных должностей при несении гарнизонной службы и сборе ясака. В качестве примера можно привести случай, описанный во «всепокорнейшем доношении» сургутского заказчика митрополиту Павлу (Конюскевичу). В документе сообщалось, что сын покойного священника сургутской Троицкой церкви Илья Кайдалов с 1724 по 1734 г. служил дьячком «в лумпокольских волостях при церкви Рождества Христова». Затем «неведомо каким случаем и по какому указу» приговором сургутской воеводской канцелярии и решением воеводы майора Михаила Пашкова он был определен в пятидесятники вместо умершего казака Данила Нарбекова. Спустя несколько лет последовала жалоба на самоуправные действия светской власти в отношении человека, относящегося к духовному сословию с просьбой вернуть И.А. Кайдалова вместе с детьми «в духовную команду по прежнему за недостатком при святых церквах в дополнение священно и церковно служителей». Сибирская губернская канцелярия постановила «в противности указом учинено и то де отослать ево Илью Кайдалова со всеми троими детьми от той канцелярии в канцелярию ж тобольскую духовную консисторию неудержно...»[229]. Из приложенной справки следовало, что к концу 1750-х – началу 1760-х гг. в приходских церквях Сургутского заказа не были заполнены вакансии на 11 человек, в том числе 1 священника, 2 диаконов, 2 дьячков, 2 пономарей и 4 сторожей[230].

Кадровая проблема сохранялась и в дальнейшем, постепенно утрачивая свою остроту из-за естественного воспроизводства. По нашим подсчетам, основанным на материалах 7-й и 8-й ревизий, в период между 1817 и 1834 гг. из 42 сыновей старше 11 лет священно- и церковнослужителей Сургутского отделения Березовского благочиния абсолютное большинство связало свою судьбу со службой по духовному ведомству: 22 стали дьячками или пономарями, 13 обучались в духовных учебных заведениях (на 1834 г.), 5 являлись копиистами духовных правлений, 2 поступили на работу в Тобольскую духовную семинарию (1 «служителем», 1 фельд-

[229] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 58. Л. 2–3.

[230] Там же. Л. 3 об.

шером) и лишь 1 перешел в крестьянское сословие[231]. Судя по рапортам Сургутского и Березовского благочинных за первое полугодие 1884 г., штаты всех сельских церквей были укомплектованы (не хватало лишь одного члена причта в Обдорске)[232].

Тем не менее, даже если вакансии и удавалось замещать, уровень образования приходского духовенства долгое время оставался низким. Сложность состояла и в том, что, по словам преосвященного Ефрема (Рязанова), «из епархий многолюдных трудно желающих найти и вызвать на духовную службу в Тобольской епархии, между прочим, и по суровости Сибирского климата, и потому, что поступающие из Европейской России в Сибирь на службу по духовному ведомству не пользуются теми преимуществами, которые предоставлены перемещающимся по гражданскому ведомству» (из отчета за 1873 г.)[233]. Соответственно духовенство оказывалось в менее выгодном положении, чем гражданское чиновничество, определяемое на службу в Сибирь. Позитивные сдвиги наметились лишь в пореформенный период. Нами проанализированы данные по 18 настоятелям церквей Березовского и Сургутского уездов по клировым ведомостям за 1841 и 1885 гг. Большая часть священников в 1841 г. нигде не обучалась и, вероятно, имела лишь домашнее образование (11 человек). Из оставшихся семи трое смогли закончить Тобольскую духовную семинарию. В 1885 г. не проходил обучение лишь один настоятель, достигший к тому времени возраста 79 лет. Остальные получали образование опять же в Тобольской духовной семинарии – 9 (из них окончили – 6), в духовных училищах – 2, в уездных училищах – 6[234]. Ситуация мало изменилась и к 1908 г. Так, из 19 священников Березовского и Сургутского уездов 12 обучались в духовных семинариях (окончило – 4), 6 – в других учебных заведениях (духовные и уездные училища, учительская семинария, сельское начальное училище), 1 получил «домашнее образование»[235]. Отсутствие какого-либо образования, кроме домашнего, из правила постепенно превращается в исключение.

Параллельно происходит размывание сословной замкнутости духовенства. Если в 1841 г. все священно- и церковнослужители Березовского благочиния происходили из духовного сословия, в 1885 г. среди священников появились представители березовско-

---

[231] Подсчитано по: ГБУТО ГА. Ф. И-154. Оп. 20. Д. 233. Л. 2–6.

[232] См.: ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1410. Л. 10, 51.

[233] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 554. Л. 16.

[234] Подсчитано по: ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 17, 35.

[235] Подсчитано по: Там же. Д. 57, 163.

го мещанства и «военных чинов»; среди дьяконов и псаломщиков – представители военных, мещан, крестьян, «инородцев» (по 1 человеку)[236]. Существенную помощь в закреплении членов причта в приходах Тобольского Севера и пополнении за счет выходцев из других сословий оказывало наращивание материальной поддержки со стороны государства путем увеличения казенного жалованья, достигшего в «инородческих» приходах к концу XIX в. 600 руб. в год для настоятеля и 200 руб. в год для причетника. С назначением постоянного денежного жалованья положение приходского духовенства становится более стабильным в финансовом отношении, хотя вплоть до начала XX в. в документах неоднократно встречаются жалобы на недостаточность выделяемого, в первую очередь церковнослужителям, содержания. Другими факторами, способствовавшими решению кадровых проблем в приходах Тобольского Севера, являлись перевод священников, совершивших какие-либо проступки (в основном, пьянство) и стремление обеспечить быстрый карьерный рост.

Таким образом, за полтора столетия и по численности, и по уровню подготовки приходского духовенства произошли существенные позитивные сдвиги как благодаря принимаемым государством и Русской православной церковью мерам, так и вследствие происходивших в стране объективных социальных и культурных сдвигов.

Второе направление касалось взаимоотношений светской власти и духовенства при решении общественно-политических и хозяйственных задач. Особое значение имело улаживание конфликтов между причтом, с одной стороны, прихожанами или чиновниками – с другой. Существовал особый порядок их урегулирования. Если светские лица обвиняли духовных в неправильном исполнении должностных обязанностей, то следствие велось представителями Церкви. В частности, сохранилось дело 1727 г. по обвинению священника Леушинской церкви Ивана Пыхова надзирателем Кондинских волостей Иваном Первитским в том, что тот «Святые дары с полу сметал крылом и над теми дарами литургию дослуживал... В великий четверток на великом входе титул императорского величества не выговаривал... В Филипов пост литургию едину служил...», не исповедовал прихожан, в день тезоименинства императора уехал в другой погост и др. По распросным листам была доказана невиновность священника, после чего митрополит Антоний (Стаховский) отправил указ И. Первитскому, в котором сообщил: «Попу Пыхову

[236] Подсчитано по: Там же. Д. 17, 35.

быть по-прежнему в Леушинской церкви... И тебе Первитскому о том ведать. И с ним попом пребывати в любви и согласии»[237].

При обвинении духовных лиц в преступлениях, подведомственных светскому суду, разбирательство поручалось чиновнику, а ему в помощь обязательно привлекался «депутат» от духовного ведомства. Например, в 1749 г. по жалобе остяков князца Ивана Мурасова с товарищи во взятках и обидах на сургутского протопопа Ивана Кайдалова дело вел «сибирского гарнизона капитан Корякин», а «депутатом» к нему епархиальный архиерей определил священника М. Проводникова, о чем была уведомлена Сибирская губернская канцелярия[238]. Аналогичная ситуация сложилась и в 1791 г. при расследовании жалобы остяков ларьякского прихода на настоятеля Я.Я. Кайдалова, обвиненного в привлечении прихожан к строительным и сенокосным работам для своих личных нужд[239].

Основным поводом для разбирательств служили обвинения в эксплуатации коренных жителей. Государство в лице своих представителей из числа местного чиновничества старалось защищать интересы подданных от злоупотреблений со стороны русскоязычного населения, включая и духовенство. Уже в документах начала 1730-х гг., созданных спустя полтора десятилетия после массовой христианизации, содержатся указания на недопустимость личного обогащения священников за счет «инородцев», т. к. «обретающиеся у новокрещеных духовные персоны от светских управителей имеют порицание яко бы они ездят к новкрещенным для торгов, а не для исполнения треб спасению человеческому служащих»[240]. Аналогичные, обращенные к епархиальному архиерею, просьбы принять соответствующие меры повторялись в 1780-х, 1790-х, 1810-х гг.

Зависимость духовенства от светской власти выражалась еще и в том, что со времен Петра I хлебное и денежное жалованье вновь учрежденные причты Тобольского Севера получали из Тобольской губернской канцелярии. Выдачи нередко задерживались, и предоставленное самому себе приходское духовенство вынуждено было самостоятельно изыскивать средства для пропитания. Священники занимались торговлей и другими не вполне соответствующими облику духовной особы делами. Это в свою очередь вызывало нарекания светских чиновников. В част-

---

[237] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

[238] Там же. Д. 393. Л. 3, 4.

[239] Там же. Оп. 4. Д. 1206.

[240] РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 42. Л. 5.

ности, можно обратить внимание на «Записку» 1856 г. губернатора В.А. Арцимовича, где излагался целый спектр претензий к северному духовенству, в основном связанных с поборами. В «отношении» А.И. Деспота-Зеновича 1863 г. отмечено, что священники «приучили их [остяков] смотреть на духовных особ как на чиновничество, старающееся о соблюдении собственных выгод, чем о действительном соблюдении своих обязанностей»[241].

Подобного рода документы появлялись или в результате инспекционных поездок губернаторов, или же после поступления жалоб окружных исправников и других светских чиновников, достигавших некой критической массы. Губернаторы просили пресечь названные ими притеснения и даже советовали производить кадровые перестановки членов причта, находящихся в родственных отношениях. Архиереи уже от своего имени пересылали строгие предписания благочинным не допускать обнаруженных нарушений. Одной из мер являлся сбор подписок с настоятелей с обязательствами не совершать поборов и других противоправных действий, объяснительных от благочинных и духовных правлений[242]. По получении этих объяснительных далее делались шаги по наказанию виновных, которые, однако, не были слишком строгими. В основном дело ограничивалось сбором подписок, внушениями и выговорами.

Духовенству приходилось иногда прибегать к услугам чиновников (уездного исправника и чинов полиции) для того, чтобы заставить прихожан-«инородцев» принять решения (устные или оформленные приговорами) о выделении средств на ремонт храмов и причтовых построек. Нижние земские суды, исправники, чины полиции могли содействовать расследованию причин уничтожавших храмы пожаров, кражи церковного имущества. Известен случай, когда в сопровождении полицейского настоятель разъезжал по приходу, собирал сходы местных жителей для голосования по вопросу о месте строительства церкви после пожара[243]. Присутствие чина полиции необходимо было не как мера безопасности, а для того, чтобы обеспечить настоятелю нужное ему решение.

Примеров, когда светская власть нуждалась в содействии духовенства при выполнении каких-либо конкретных практических задач, гораздо меньше. В частности, к функциям духовенства следует отнести приведение к присяге вступившему на

---

[241] ГБУТО ГА. Ф. И-706. Оп. 1. Д. 23. Л. 135.

[242] Там же. Л. 135 об.

[243] См.: ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 828. Л. 48, 50, 67–67 об.

престол новому императору и его наследнику. Информация об обнародовании манифеста и необходимости присяги «всех сословий жителей как городских, так и сельских, исключая лиц женского пола и детей, не достигших 12-летнего возраста»[244] поступала от министра внутренних дел губернатору, от него — окружным (уездным) исправникам и епархиальному архиерею. Последний отдавал распоряжение благочинным. Под контролем полицейских властей в церквях население приводилось к присяге, затем «присяжные листы» сдавались полиции.

Вообще же обо всех важнейших событиях внутренней и внешней политики, излагавшихся в царских манифестах, предназначенных для «всенародного объявления» указах, население узнавало при оглашении их в церквях. Тобольский Север, разумеется, не составлял исключения. Насколько оперативно получали сведения о происходившем в мире местные жители, можно судить по следующему факту. Указ о молебствии по случаю подписания Парижского мирного договора (18 марта 1856 г.) из Тобольска был отправлен в Сургут 21 мая, получен в уездном центре 28 июня[245]. В Верхне-Лумпокольское или Ларьяк эта информация могла попасть не ранее чем через 4—5 дней (скорее всего, 2 недели). Таким образом, в отдаленных приходах узнали об окончании Крымской войны не ранее чем через три с половиной месяца после ее завершения. Чтобы ускорить процесс распространения среди населения подобного рода важной информации, с начала 1880-х гг. духовным консисториям было предписано не дожидаться соответствующих циркулярных распоряжений Св. Синода, а сразу же по получении рассылать копии манифестов и указов, имеющих слова «объявляется всенародно», во все подведомственные приходы[246].

В 1768 г. вышел в свет указ о создании государственных инородческих запасных продовольственных магазинов. Хлеб (мука), а также соль, порох и свинец инородцам продавались в них по цене, всего на 6% превышавшей ту, по которой они обходились самим магазинам. В крайних случаях «в годы скудного улова зверей и рыбы» губернатор имел право назначать через запасные магазины необходимое количество хлеба «в раздачу беднейшим безденежно». Система государственных хлебозапасных магази-

---

[244] ГБУТО ГА. Ф. И-704. Оп. 1. Д. 96. Л. 396.

[245] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.

[246] Айвазов И.Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III-го. М., 1913. С. 60—61.

нов создается и на территории проживания хантов и манси. По данным А. Титова, в Березовском округе насчитывалось шесть магазинов «казенного запасного провианта» – в Елизарове, Кондинске, Сартынье, Березове, Кушевате, Обдорске[247].

Из-за недостатка помещений для хранения светские власти иногда обращались с просьбой о предоставлении таковых к духовенству. Так, Кондинский монастырь, имевший склады для хранения запасов зерна, сдавал их в аренду казне за установленную плату, составлявшую в начале XIX в. 30 руб. в год. Аналогичные возможности имели и некоторые приходские храмы. Так, в работе Х.М. Лопарева приводятся сведения за 1803 г. о содержании казенной соли в церковном амбаре Самаровской церкви с платой за аренду 26 руб. в пользу церкви[248]. В апреле 1810 г. частный кондинский комиссар в рапорте сообщал в Тобольское губернское правление, что настоятель требует увеличить аренду вдвое, что вызвало протест земского комиссара, отвечавшего за обеспечение мукой «инородцев». В письме тобольского гражданского губернатора епархиальному архиерею Антонию (Знаменскому) от 5 мая 1810 г. сообщалось: «Какая цель содержания в Кондинске казенного хлеба? Чтобы всегда обеспечивал продовольствием тамошних обитателей, лишенных средств к производству хлебопашества, а сие требует удерживать умеренную цену на муку. Следовательно, если платить за аренду амбаров такую сумму денег, какую настоятель Константин выпрашивает, то сия цена возвысит в отношении жителей кондинского комиссарства цены на хлеб, ибо все издержки должны располагаться на цену хлеба»[249]. Губернатор просил архипастыря дозволить хранить хлеб в монастырских амбарах за прежнюю цену по 30 руб. в год. В конечном счете стороны пришли к компромиссному решению: арендная плата остается прежней, но казна берет на себя ремонт амбаров[250]. Таким образом, конфликтная ситуация была разрешена благодаря посредничеству губернатора и епархиального архиерея. Со строительством казенных амбаров нужда в аренде церковных хранилищ отпадает.

Как известно, законодательством на православное духовенство было возложено ведение записи актов гражданского состоя-

---

[247] ГБУТО ГА. Ф. И-152. Оп. 39. Д. 193. Л. 31.

[248] Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о прошлом. Тюмень, 1997. С. 37.

[249] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 6. Д. 1958. Л. 1а об.–2.

[250] Там же. Л. 1а, 9.

ния[251]. Переписка по поводу выдачи этих справок показывает, что сообщаемые в них сведения предоставляли получателям следующие возможности. Во-первых, они были необходимы при поступлении на службу или же в учебные заведения. В частности, в 1887 г. метрическая справка была выдана сургутскому мещанину Н.И. Кайдалову для зачисления на службу «по почтовому ведомству», в 1888 г. – метрическая выпись о семейном положении унтер-офицера для внесения сведений из нее в послужной (формулярный) список[252].

Во-вторых, указанная информация использовалась полицией при ведении следственных дел, а также при оформлении статейных списков политических ссыльных[253]. Возлагаемые на окружную полицию функции заставляли обращаться к причту за метрическими справками через помощника исправника, ответственного за делопроизводство. Мотивировка запросов содержала следующую формулировку: «Для приложения к производимому мною следственному делу» или «Для следственного дела...»[254]. Относительно духовных лиц необходимо было указать дополнительно должность и место нахождения.

В-третьих, заключение браков ссыльных с девицами «свободного состояния» допускалось с разрешения светской власти и могло последовать только в результате длительной переписки[255]. В качестве примера можно привести прошение состоящего под надзором сургутской полиции ссыльного поляка католика Сигизмунда Лесневича о вступлении в брак с дочерью отставного казака А.И. Тверитиновой. Св. Синод допускал браки с лицами других инославных христианских исповеданий, но при условии, что они давали «подписку», что будут поступать по законам Российского государства – крестить и воспитывать детей, появившихся от этого брака, в православной вере. Эту «подписку» дворянина Подольской губернии С.М. Лесневича заверили подписями и печатями окружной исправник и благочинный[256]. Таким образом,

---

[251] О духовенстве и о приходах (извлечение из Устава духовной консистории) // Права и обязанности благочинного приходских церквей. М., 1900. С. 50.

[252] ГБУТО ГА. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 77. Л. 78, 107.

[253] Там же. Л. 64, 66, 110, 144, 146.

[254] Там же. Л. 7, 10.

[255] Там же. Л. 50–50 об.

[256] Там же. Л. 110.

священнику приходилось не только выполнять формальные обрядовые функции, но и брать на себя ответственность за дальнейшую судьбу детей от «смешанных» браков.

В-четвертых, в некоторых случаях подобные сведения имели фискальное значение. В конце каждого месяца причт сургутской Троицкой церкви уведомлял начальника местной казачьей команды[257] Омского военного округа о том, «не было ли умерших казаков упраздненной сургутской пешей казачьей команды», указывая также «малолетков мужского пола», достигших 2-летнего возраста и старше на 31 августа 1881 г.[258], т. е. ко времени упразднения казачьих штатных команд в Сургутском, Березовском и Нарымском уездах и обращения военных в сословие городских мещан[259]. Именной список умерших казаков запрашивался тобольским губернским воинским начальником. Необходимость подобного рода информации, вероятно, связана с тем, что согласно высочайше одобренному мнению Государственного совета от 19 мая 1881 г. «Об упразднении Березовской, Сургутской и Нарымской казачьих команд и причислении к мещанскому сословию», бывшие казаки в течение десяти лет, т. е. до 1891 г., освобождались от платежей окладных сборов[260]. Таким образом, предоставляемые причтом сведения служили основанием для составления и корректировки списков льготных категорий мещан, которым оказывалась государственная поддержка.

В целом же без метрики – документа, отражающего базовые социальные характеристики подданного империи, трудно было рассчитывать на то, чтобы изменить свой статус, род занятий и место пребывания. Однако в отношении коренного населения это правило следует применять со значительными оговорками. Власть со времен Петра I всячески стремилась включить «инородцев» в систему демографического учета, но до конца рассматриваемого периода в полной мере этой цели достичь не удалось. Множество остяков и тем более самоедов не вступало в

---

[257] Казачество, сургутское и березовское, в первые века «русской» Сибири выполняло важные задачи колонизации края, охраны государственных интересов. В первой половине XIX в. правительство еще находило кое-какие дела для местных казаков, но к концу столетия убыточность для государства их содержания стала очевидной и потребность в казачьей службе отпала.

[258] ГБУТО ГА. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 77. Л. 2, 34, 57, 63, 118, 145, 156.

[259] ПСЗРИ. 3-е. Т. 1. № 184. С. 90.

[260] Там же.

официальный брак[261]. Доля незаконнорожденных среди них в несколько раз превышала общероссийские показатели. Господство отношений, характерных для традиционного общества, сводило для «инородцев» к минимуму необходимость получения подобного рода справок и выписок.

Метрические сведения, составляемые причтами, нужны были не только для удовлетворения текущих нужд русскоязычных жителей края и запросов гражданских ведомств. Они использовались общественными деятелями при определении численности коренного населения за продолжительные промежутки времени. Полученные результаты становились основой для выработки государственной политики в отношении «инородцев». Характерный пример – дискуссия о «вымирании», разворачивавшаяся на рубеже XIX–XX в. Начало ее положил известный ученый, профессор Казанского университета, один из основоположников научной гигиены А.И. Якобий[262]. Он пришел к выводу об «угасании» народов Тобольского Севера[263]. Его расчеты опирались на материалы приходского учета начала XIX в., преимущественно на исповедные росписи и доступные ему современные сведения конца того же столетия. Другой исследователь – общественный деятель, самаровский лесничий А.А. Дунин-Горкавич – поставил под сомнение выводы А.И. Якобия, мотивируя свое мнение тем фактом, что приходской учет отличался значительными погрешностями и не мог быть использован для столь однозначных выводов[264].

Выполняя роль регулятора нравственных ценностей в обществе, православные причты и миссионеры сообщали гражданским властям о тех непорядках, которые встречались в социальном устройстве. В первую очередь их беспокоила имущественная несостоятельность «инородцев», являвшаяся следствием не только их отсталости, но и коррупционных махинаций вахтеров хле-

---

[261] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22. Л. 138–138 об.; Д. 15. Л. 106–106 об.; Ф. И-427. Оп. 1. Д. 22. Л. 17–17 об.

[262] Петрова З.П. Ученый гигиенист и общественный деятель Аркадий Иванович Якобий (к 100-летию со дня смерти) // Международный медицинский журнал. 2008. № 2(30). С. 133–136.

[263] См.: Якобий А.И. Остяки северной части Тобольской губернии: (формы угасания, причины и меры помощи): доклад сделан в соединенном заседании комитета Тобольского губернского музея и Тобольского физико-медицинского общества 28 марта 1895 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895. Вып. 4. С. 1–25.

[264] Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. М., 1996. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. С. 134–135.

бозапасных магазинов[265]. Надлежащего надзора за кредитной торговлей не существовало. Священники (как и настоятели Кондинского монастыря) обращали внимание епархиальных властей на то, что остяки находятся в «неуплатных долгах» за казенный хлеб. В 1884 г. сургутскому благочинному поступил рапорт от настоятеля юганской Богоявленской церкви, где он, объясняя причины падения за последний год продажи ритуальных свечей, сетовал на разорение паствы: «Он [инородец] от дня рождения своего не едал хлеба дешевле руб. серебром за пуд, получая за такую цену хлеб... Не имея возможности уплатить за годовой в казну хлеб, много ли он может и на чего брать воска при церкви?... Содействий со стороны гражданского Начальства нет никаких, несмотря на то, что извещаем и просим оное в таковом деле»[266]. Образ священника-заступника и помощника стал частью изменившихся представлений «инородца» о «русском мире», контрастировавших со взглядами на хищного купца, мелкого чиновника, опутывавшего коренных жителей сетями неоплатных кредитов.

Хотя священнику иногда приходилось защищать права аборигенов, его возможности были очень ограниченны. В 1889 г. произошел примечательный случай в с. Ларьякском Сургутского уезда. К церковной сторожке пришли местные остяки с жалобами на временно проживающих в селе мещан, которые «истребляют у них лес, захватывают угодья и даже начинают бить их хозяев за то, что они остяки не отступаются от своих угодий». По этому поводу произошла драка между заезжим мещанином Филипповым и остяком Лелениным. Священник Н.А. Силин разнял дерущихся, сказав, что «закон Божий запрещает отнятие чужой собственности, что это есть великий грех перед Богом, потому что нарушается заповедь Божия, повелевающая любить ближнего как самого себя, грех пред правительством, потому что пренебрегаются законы, на которых утверждается благосостояние народа; грех перед обществом, потому что разрушается спокойствие и безопасность членов его; грех пред ближним, потому что им причиняется обида и разорение»[267]. Интересно заметить, что псаломщик не поддержал Н.А. Силина, заявив, что земля здесь государственная и русские такие же ее хозяева, как и остяки.

---

[265] Вахтер (или смотритель, заведующий) хлебозапасного магазина принимал доставленную баржами муку, хранил ее, отпускал коренному населению, вел учет.

[266] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15. Л. 106 об.

[267] Там же. Д. 17. Л. 14 об.

В ряде случаев гражданское начальство было вынуждено обращаться к духовенству с различными просьбами, обусловленными крайним недостатком на Тобольском Севере образованных людей. Можно отметить многолетние усилия по привлечению священно- и церковнослужителей к *переводам на остяцкий и вогульский языки текста «Устава об управлении инородцев»* 1822 г.

М.М. Сперанский в период своего сибирского генерал-губернаторства разработал знаменитый законодательный акт – «Устав об управлении инородцев» (1822 г.). Юридические нормы этого обширного документа впервые определяли правовое и экономическое положение отдельных групп «аборигенов» («оседлых», «кочевых», «бродячих»), включенных в сословную структуру Российской империи. Шестидесятым параграфом «Устава»[268] предусматривалось, что закрепленные в нем права и обязанности «инородцев» будут «надлежащим образом внушены и объявлены» последним[269]. Для этого требовалось перевести соответствующие разделы документа на местные наречия[270]. Затруднение при выполнении данного пункта документа состояло в том, что его следовало реализовать и в отношении народов, не имевших собственной письменности. К их числу относились и коренные жители Тобольского Севера.

Заботы по переводу положений «Устава» для коренного населения Березовского округа возлагались на тобольское губернское и березовское окружное начальство. С этой целью березовскому земскому исправнику П.А. Ершову было отправлено несколько экземпляров «Устава». Губернским советом рекомендовалось обратиться за помощью к местным русским старожилам – казакам, в первую очередь, к «переводчикам из тех же казаков», избрав «знающих до трех или четырех различных наречий»[271].

---

[268] Устав об управлении инородцев 1822 г. // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сб. правовых актов и документов / Ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень, 1999. С. 89.

[269] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 417. Л. 1а об.; Из журнала совета общего Тобольского губернского управления о разделении инородцев Тобольской губернии на разряды и введении у них порядков управления в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» 1822 года // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века)... С. 117.

[270] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 417. Л. 1а; Оп. 11. Д. 152. Л. 1а.

[271] Там же. Оп. 11. Д. 152. Л. 1а об.–2.

Это распоряжение поступило в Березов, вероятно, уже зимой 1822/1823 г. Однако, как сообщал в Тобольск березовский исправник, «опыты, несколько раз им произведенные, показали совершенную безнадежность в выполнении казаками предназначаемого поручения»[272]. Казаки, по его словам, «хотя знают ... языки инородцев, могут с ними иметь разговор и понимать их в простых и обыкновенных употребительных выражениях, но не могут учинить перевода ["Устава"] в точной силе», т. к. «не образованы и не обучены совершенно российскому языку»[273].

Следует отметить, что до начала XIX в. на Тобольском Севере не имелось постоянно действующих образовательных учреждений. Лишь в 1818 г. здесь было открыто уездное училище. Появление же сельских школ относится к 1840-м гг. Минимальной грамотности, знания местных языков на бытовом уровне, разумеется, было недостаточно, чтобы перевести важнейший законодательный акт, определявший структуру, функции системы местного самоуправления вплоть до начала XX в. Такую задачу смогли бы выполнить, по мнению П.А. Ершова, только более образованные и вместе с тем владеющие не хуже казаков «наречиями инородцев» местные духовные лица во главе с благочинным протоиереем Иоанном Вергуновым. Отец автора «Конька-Горбунка» был глубоко верующим человеком, и у него сложились хорошие отношения с березовским духовенством. Не без участия П.А. Ершова протоиерея И.И. Вергунова в мае 1823 г. назначили смотрителем уездного училища в Березове, в котором учились и сыновья местного земского исправника[274].

К тому времени Русская православная церковь проделала определенную работу по просвещению народов Сибири, изучению их языков. Можно без преувеличения сказать, что благодаря усилиям приходского духовенства, миссионеров был заложен фундамент изучения грамматики, создания письменности, словарей, школы для «аборигенов» Зауральского края.

Исполнявший должность гражданского губернатора[275] статский советник Д.С. Пасенко[276] в письме от 23 сентября 1823 г.

---

[272] Там же. Л. 2 об.

[273] Там же. Оп. 10. Д. 417. Л. 3; Оп. 11. Д. 152. Л. 1а об.

[274] Березово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А. Редин. Екатеринбург, 2008. С. 209.

[275] Пост тобольского губернатора в 1821–1824 гг. занимал А.С. Осипов, с мая 1824 г. – А.М. Тургенев.

[276] Дмитрий Степанович Пасенко (1779–1846) был председателем тобольской казенной палаты.

архиепископу тобольскому Амвросию (Рождественскому) обращался с просьбой «о дозволении заняться переводом прав иноверческих и некоторого из других положений, до инородцев относящихся» духовенству Березовского округа «по неимению виду других способов перевода устава о Инородцах»[277]. Указом 24 апреля 1824 г. Тобольская духовная консистория (с согласия гражданского губернатора А.М. Тургенева) поручила реализацию этого предписания протоиерею И.И. Вергунову[278]. Он, в свою очередь, должен был избрать себе помощников, «совершенно знающих наречия», и осуществить сей перевод «в слово в слово»[279].

Протоиерей попросил выслать ему три печатных экземпляра «Устава», а также попытался обратить внимание на пестрый этнический состав населения Березовского округа, отметив, что переводы «должны делаться с российского на 1) остяцкий; 2) вогульский; 3) самоедский ... и в сургутском же отделении должен быть перевод четвертого разговора (разряда), ибо там хотя остяцы говорят остяцким наречием, но весьма во многом не схожим с березовским»[280]. Позднее, уже занимаясь переводами, священники Березовского округа, стараясь донести до гражданской власти сложившуюся языковую ситуацию, обращали внимание на многообразие диалектных форм хантыйского языка, выделяя три его основных наречия: «низовское» (район нижнего течения Оби), «верховское» (территория от Сургута вверх по Оби) и Ляпинское (Приуралье)[281].

Следует признать выбор, сделанный в пользу И.И. Вергунова, далеко не случайным. Еще в 1818 г. в Тобольске было создано отделение Российского библейского общества[282], одной из основных целей которого являлся перевод текстов Священного писания на языки народов России[283]. Членами отделения явля-

---

[277] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 417. Л. 4 об.–5.

[278] Там же. Оп. 11. Д. 152. Л. 4.

[279] Там же.

[280] Там же. Оп. 10. Д. 417. Л. 7 об.

[281] Там же. Оп. 11. Д. 152. Л. 42 об.

[282] Архиепископом Тобольским и Сибирским Амвросием (Келембетом) в 1818 г. было открыто отделение религиозно-просветительского Российского библейского общества. Вице-президентами Тобольского отделения назначены сам епархиальный архиерей и губернатор А.С. Осипов.

[283] Сулоцкий А.И. Архиепископ Тобольский Амвросий (Келембет) // Сочинения: В 3 т. / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень, 2000. Т. 2: О сибирском духовенстве. С. 585.

лись ключарь тобольского кафедрального собора Петр Андреевич Фелицын[284] и родившийся в «низовом крае», «служивший весь свой век на низу же, среди остяков», березовский благочинный Иоанн Иоаннович Вергунов[285]. Первый в течение 1818–1821 гг. при содействии появившихся на свет и живших среди вогулов причетников братьев Поповых перевел на мансийский язык шесть молитв: «Царю Небесный», «Отче наш», «Богородице, Дево радуйся» и др.; Символ веры, заповеди Христовы, псалом «Помилуй меня, Боже», нравоучения «Буду благочестив», таблицу «О должностях христианина», «Священную историю для малолетних детей», краткий «Катехизис» митрополита Платона (Левшина) и все четыре Евангелия. Несколько раз с этими переводами П.А. Фелицын ездил по своему благочинию на Конду, собирая вогулов, читал переводы, а что инородцам казалось непонятным, исправлял, совершенствуя текст. Священники вогульских приходов переписывали эти переводы и читали их прихожанам по домам. По ходатайству Фелицына братья Поповы с. Бронниковского были рукоположены в священники[286].

В свою очередь, И.И. Вергунов вместе со священником Федором Карповым в 1819 г. для просвещения язычников перевели на остяцкий язык Евангелие от Матфея и «Десятослов». Таким образом, и И.И. Вергунов, и П.А. Фелицын имели достаточно опыта и знаний, чтобы приступить к осуществлению задуманного перевода.

По замыслу реформы М.М. Сперанского сибирские народы требовалось просвещать, приобщать к государственному правопорядку и русской культуре; поставленные задачи и местные власти – как духовные, так и светские – должны были решать сообща. Однако осуществление задуманного затянулось на долгие годы. За последующие пять лет дело не сдвинулось с мертвой точки. За это время сменился и губернатор, и епархиальный архиерей.

В марте 1829 г. новый глава гражданской администрации В.А. Нагибин опять обратился к архипастырю (Евгению (Казанцеву)) с просьбой отдать распоряжение о переводе «Устава», подобно тому, как в свое время это сделал покойный Амвросий (Рождественский)[287]. Аналогичное письмо преосвященный Евге-

---

[284] Петр Андреевич Фелицын (Смирнов) (1783–1879) – «благочинный низовских церквей», священник, а затем кафедральный протоиерей.

[285] Сулоцкий А.И. Архиепископ Тобольский Амвросий (Келембет)... С. 587.

[286] Там же. С. 587–588.

[287] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 2–2 об.

ний (Казанцев) получил от председателя Тобольского губернского правления П.И. Кирилова в мае 1831 г.: «Господин генерал-губернатор Западной Сибири заметил, что замедлился перевод узаконений для бродячих инородцев...» и попросил ускорить его подготовку, а также донести о достигнутых успехах[288].

В чем причины продолжавшихся около семи лет безуспешных попыток перевести на языки коренных обитателей Тобольского Севера столь важные для них законодательные акты?

Во-первых, составление перевода текста положений «Устава» на языки березовских инородцев, по мнению Совета главного управления Западной Сибири, не могло быть реализовано при помощи самих народов Сибири, т. к. «русской грамоты они не знают», азбуки на родном языке не имеют. По отзывам переводчиков, трудностью оказался недостаточный словарный запас бесписьменных языков, для составления, как было указано, перевода «в слово в слово», внятно и ясно. Опасались отступлений от оригинала и неверных толкований, которые могли исказить содержание «правительственных правил»[289]. Однако генерал-губернатор И.А. Вельяминов и члены Совета главного управления пришли к выводу, «что недостаток слов на остяцком самоедском языке не может быть столь велик, чтобы ... перевод узаконений получил совершенно превратный смысл»[290], а потому 60-й параграф «Устава» в любом случае необходимо исполнить.

Во-вторых, сам протоиерей И.И. Вергунов в переписке с архиереем Евгением (Казанцевым) ссылался на то, что он дважды встречался с губернатором и после бесед с ним пришел к выводу, что лишь распространение среди инородцев систематического школьного образования позволит им усвоить основы правовой культуры. По окончании курса в Березовском уездном училище остяки «отправятся в свои в улусы» и доведут до соплеменников содержание «Устава». «Преподанная мысль г. губернатором и приостановила меня, – сообщал И. Вергунов, – в исполнении указа ТДК, а к тому же, не получая более от начальства предписания, полагал к тому, что переводы уже действительно не нужны»[291].

Подобное объяснение березовского благочинного выглядит по меньшей мере странным. Предложенный им вариант, с одной

---

[288] Там же. Л. 3–3 об.

[289] Митрофанов В.В. Очерки по истории Тобольска, Березова и Сургута в XIX веке: монография. Екатеринбург, 2016. С. 200.

[290] Там же. С. 199.

[291] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 8 об.

стороны, противоречил и содержанию 60-го параграфа «Устава», и распоряжению епархиального начальства, а с другой стороны, откладывал решение проблемы на неопределенное будущее. Его ответ следует признать не более чем малоубедительной отпиской. На самом деле, как нам представляется, мотивы о. Иоанна могли быть совершенно иными. На его настроении сказалась судьба перевода Евангелия от Матфея и некоторых молитв на остяцкий язык, выполненных в конце 1810-х гг.[292]. Тексты отправили в Св. Синод, оттуда – в духовную цензуру, где были признаны неудовлетворительными. Их забраковал известный лингвист Г.П. Павский – уроженец Петербургской губернии, который не знал вогульского и остяцкого языков, хотя владел финским[293]. Ряд замечаний был сделан членом духовно-цензурного комитета архимандритом Поликарпом[294]. Такая же судьба постигла и переводы на вогульский язык протоиерея П.А. Фелицина. Св. Синод потребовал исправления текстов, но и И.И. Вергунов, и П.А. Фелицын от дальнейшей работы отказались. Из-за этого, как отмечал И.А. Сулоцкий, их труды не были напечатаны и остались безвестными, «погибли навсегда»[295].

В-третьих, вся переводческая деятельность совершенно не оплачивалась, ложась дополнительной нагрузкой на и без того обремененное различными обязанностями духовенство. Ожидать в таких условиях особого рвения от березовского протоиерея вряд ли было возможно.

Губернское управление, реализуя распоряжение генерал-губернатора, в 1831 г. поставило в очередной раз перед епархиальной властью задачу поиска духовных лиц, знающих языки инородцев Обь-Иртышского Севера и способных осуществить перевод. Помимо И.И. Вергунова, к этой работе решено было привлечь и П.А. Фелицына, как уже отмечалось, знавшего вогульский язык.

В «Записке» П.И. Кирилова, направленной в духовную консисторию, перечисляются документы или их части, которые

---

[292] Сулоцкий А. И. Архиепископ Тобольский Амвросий (Келембет)... С. 587.

[293] Павский Герасим Петрович (1787–1863) – священник, филолог, экзегет, переводчик Библии, основоположник русской библейской исторической школы.

[294] Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX в. Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 271.

[295] Сулоцкий А.И. Протоиерей Петр Андреевич Фелицын // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. Отдел неофиц. № 17. С. 354–355. В настоящее время тексты переводов хранятся в собрании Государственного исторического музея в составе собрания Е.В. Барсова.

включались в перечень обязательного перевода: «во всей полноте» – «Устав об управлении инородцев»[296] и «Положение о разборе исков по обязательствам, заключаемым в сибирских губерниях обывателями разных сословий»; параграфы 143–157 «Учреждения для управления Сибирских губерний»[297], которые содержали общую характеристику административно-управленческой структуры сибирских «аборигенов», государственного контроля; параграфы 1–7, 11, 35–52 «Положения о казенных хлебных запасных магазинах»[298], раскрывавшие порядок выдачи казенного хлеба «в кочевьях инородцев»[299]. Таким образом, объем работы значительно расширялся. Однако пока губернские и епархиальные канцелярии вели переписку по поиску возможных кандидатов, способных осуществить перевод с хантыйского и ненецкого языков[300], П.А. Фелицын уже в феврале 1832 г. отчитался о первых результатах своих трудов[301]. Этому успеху в немалой степени способствовало прежнее двадцатилетнее служение Петра Андреевича благочинным среди новокрещеных вогулов Пелымского края, и, по замечанию А.И. Сулоцкого, «природная даровитость» при изучении разговорного языка местных жителей. Помощником П.А. Фелицына на этот раз выступил диакон Иван Рычков, родившийся в с. Верхне-Пелымском, проживший среди вогулов 39 лет и в совершенстве знавший их язык.

В июне 1834 г. работа была полностью завершена. К представленному на имя преосвященного Афанасия (Протопопова) рапорте П.А. Фелицын приложил текст на вогульском языке на 76 листах для дальнейшей передачи в губернское правление[302]. Предварительно он дважды за казенный счет выезжал в Туринский округ для того, чтобы «поверить» перевод среди вогулов Пелымской и Верхне-Пелымской волостей[303]. Сведения о правах инородцев, изложенные на мансийском языке, были, согласно рапорту протоиерея П.А. Фелицына, встречены жителями Верхне-Пелымской волости «с великой радостью сердца и величайшей благодарностью к монарху», реакция вогулов

---

[296] ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. № 29126.

[297] Там же. № 29125.

[298] Там же. № 29133.

[299] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 20–21.

[300] Там же. Л. 18–19, 22–22 об., 28.

[301] Там же. Л. 24–24 об.

[302] Там же. Л. 55.

[303] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 33, 34, 35, 48–49, 51 об.

свидетельствовала о доступности и понятности составленного текста[304].

Тяжелые обязанности для «первоприсутствующего» в березовском духовном правлении И.И. Вергунова стали, возможно, одной из причин его решения об оставлении прежнего места службы и переезде в Псковскую епархию[305]. Замену И.И. Вергунову найти оказалось непросто. Председатель Тобольского губернского совета А.Н. Муравьев предложил в 1833 г. архиерею новых исполнителей, «знающих наречие остяков», – вновь назначенного березовского благочинного Н. Кайдалова и священника кушеватского прихода Бешкильцева[306]. Опять потянулись месяцы переписки, из которой выяснилось, что настоятель кушеватской Троицкой церкви не может участвовать в работе из-за малограмотности и «слабости глаз», а Н. Кайдалов – «по неосновательному знанию их [остяков] разнообразных наречий»[307]. Для того чтобы ускорить выполнение перевода, генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов в феврале 1834 г. передал в Тобольскую духовную консисторию ассигнацию достоинством в 100 руб., предназначенную тому, кто согласится стать переводчиком[308].

Наконец, сначала в качестве помощника для Н. Кайдалова появилась кандидатура священника градо-Березовской Воскресенской церкви Луки Вологодского[309]. Это был хорошо знавший остяцкий язык уроженец Березовского округа, получивший образование в Тобольской духовной семинарии и в 1831–1833 гг. занимавший должность помощника настоятеля Обдорской миссии. Совместными усилиями Л. Вологодский и Н. Кайдалов приступили к работе в октябре 1834 г.[310] В сентябре 1835 г. на рапорте

---

[304] Там же. Л. 55 об.

[305] Там же. Л. 31.

[306] Там же. Л. 42–42 об.

[307] Там же. Л. 45, 50 об–51.

[308] Там же. Л. 51 об., 70.

[309] С 1837 г. миссионер Лука Вологодский занимался составлением хантыйского словаря и азбуки, переводом символа веры, молитв и заповедей. Созданные им труды были направлены в Св. Синод и оттуда – в Академию наук. Академик А.М. Шегрен высказал автору «совершенную признательность», однако посчитал необходимым сделать ряд серьезных замечаний и пожеланий, направленных на совершенствование словаря. Л. Вологодский попытался эти пожелания учесть, но А.М. Шегрен потребовал от него дополнительных исправлений и изменений, после чего священник отказался от продолжения работы.

[310] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 152. Л. 63.

Н. Кайдалова о представлении им выполненных переводов «Уставов» на остяцком языке преосвященный начертал следующую резолюцию: «Перевод препроводить при отношении к генерал-губернатору, а трудившимся разделить деньги, назначенные в награду за труды»[311]. В ответном письме благочинный Н. Кайдалов отказался от вознаграждения, сообщил об отправке денег назад, в консисторию, объясняя следующим образом свой поступок: работал не из корысти, а «исправляя с благоволением волю нашего архипастыря»[312]. Интересно, что распоряжением архиерея деньги, выделенные генерал-губернатором Западной Сибири, тобольская консистория ему же и возвратила в январе 1837 г.[313]

Несмотря на все сложности, законодательные акты, определявшие правовой статус инородцев, были переведены. Это позволило выполнить требование 60-го параграфа «Устава», а также сделать коренное население Тобольского Севера не только объектом, но и субъектом административно-правовых реформ М.М. Сперанского.

Одну из основных ролей в решении этой задачи играло местное духовенство, которому принадлежало место фактически отсутствовавшей в тот период на севере Западной Сибири интеллигенции. К тому же это был недооцененный последующими лингвистами опыт создания текстов на языках народов, не имевших собственной письменности.

Помимо этого, на духовенство могли возлагаться и своего рода *«экстраординарные» обязанности*. Березовская городская управа в январе 1888 г. обратилась к причту и старосте березовского Воскресенского собора с просьбой использовать церковный колокол для подачи сигнала тревоги по случаю «огненной стихии» или наводнения. Подавляющее большинство зданий на Тобольском Севере было деревянным. В документах часто встречаются свидетельства о признании необходимым «в случае пожара производить набатный звон на ближайших к месту пожара церквях»[314]. Поэтому понятно, что члены городской управы просили использовать для «отбития тревоги» колокол собора, оповещая население о тревожных ситуациях[315].

---

[311] Там же. Л. 67, 68.

[312] Там же. Л. 68–68 об.

[313] Там же. Л. 70 об.

[314] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 10. Л. 171; Оп. 1. Д. 25. Л. 305.

[315] Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века (материалы по истории местных сообществ Азиатской России) / Сост., вступ. ст. и коммент. С.В. Турова. Тюмень, 2004. С. 357.

В 1892 г. сургутскому благочинному было поручено предоставить географические карты приходов «с указанием рек, болот, лугов и лесов», числа жителей[316]. Священник с. Юган рапортом от 15 мая 1892 г. отчитался о составлении географической карты своего прихода[317]. Во время ревизии Нижне-Лумпокольской церкви епископом Евсевием (Гроздовым) в июне 1911 г. в путевом журнале появилась запись: «Приятно удивлен», относящаяся к умело исполненной географической карте, на которой были указаны все селения прихода и границы соседних приходов[318].

Причты занимались сбором статистических сведений об образовательных учреждениях края. Комитет грамотности Императорского вольного экономического общества в 1895 г. обращался с просьбой о предоставлении данных о начальных училищах, приютах и воскресных школах на территории благочиний Тобольского Севера[319]. Тобольское губернское правление приглашало благочинных к сотрудничеству в подготовке девятого выпуска календаря Тобольской губернии на 1896 г., просило сообщить о том, какими материалами можно было бы дополнить это издание, указать на неточности и недочеты[320].

В 1850–60-е гг. благочинных и приходских священников просили принять участие в опытах по посеву хлебов и картофеля (см. раздел 2, глава 3). Духовенство могло инициировать вопросы благоустройства городов и сельских поселений, в частности кладбищ, а также берегоукрепления в местах, угрожающих обвалом грунта и последующим разрушением церковных построек. Известны обращения подобного рода в следующей последовательности: благочинный – епархиальный архиерей – губернатор – уездный исправник – инородная управа (мещанский староста в г. Сургуте)[321]. На последних возлагались обязанности по организации необходимых земельных и строительных работ. Об их завершении шла информация в обратной последовательности до епархиального архиерея включительно.

В XIX – начале XX в. священнослужители включались в состав коллегиальных учреждений, связанных с вопросами со-

---

316 ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 18. Л. 7–7 об.

317 Там же. Л. 126.

318 Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшего Евсевия, Епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церквей Сургутского и Тобольского уездов // ТЕВ. 1911. № 21. Отдел неофиц. С. 487–495.

319 ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–11; Д. 20. Л. 105–107.

320 Там же. Л. 277–277 об.

321 См., напр.: ГБУТО ГА. Ф. И-152. Оп. 34. Д. 135. Л. 1–16.

циального попечения, благотворительности, медицинской помощи. В частности, можно указать на присутствие священников в окружных (уездных) «комитетах предохранительной оспы», комитетах народного здравия, а в начале XX в. – Особого совещания по условно досрочному освобождению лиц, содержащихся в Березовском тюремном замке. Указанное совещание (в него входили мировой судья, уездный исправник, врач, благочинный) рассматривало дела заключенных и, если считало нужным, выносило ходатайство о досрочном освобождении на утверждение Тобольского окружного суда. Среди аргументов в пользу амнистии высказывались и такие: «Ведет себя хорошо, к администрации тюрьмы относится почтительно... трудолюбив и набожный, присужденный ему срок наказания [отбывает] терпеливо безропотно...»[322]. Такие формулировки вряд ли могли появиться без представителя духовного сословия, в данном случае, Березовского благочинного. После 1905 г. духовенство обязательно включалось в избирательные списки при выборах в государственные думы различных созывов и в таком качестве принимало участие в съездах выборщиков.

Следующее направление связано с *проблемами христианизации и духовно-нравственного просвещения* коренного населения.

Христианизация Тобольского Севера положила начало глубоким социокультурным сдвигам на территории региона, привела к изменению повседневных практик, антропонимической системы коренного населения, религиозному синкретизму и мн. др. Помимо крещения «инородцев», привлечения их к исполнению православной обрядности, проповеди христианских догматов важной задачей миссионеров являлось выявление отдельных элементов язычества, прочно укорененных в жизни и быту новообращенных, недопущение их возврата к идолопоклонству. Совместных действий духовных и светских властей требовало наблюдение за нравственным состоянием недавно обращенных в христианство «инородцев», пресечение рецидивов языческих верований. До эпохи просвещенного абсолютизма принимаемые меры могли выражаться в использовании духовенством вооруженной силы, предоставляемой по его запросу местными воеводами или губернатором, а позднее – в «увещевании заблудших».

В петровскую эпоху основной формой христианизации были массовые крещения в том же стиле, в каком это практиковалось во времена равноапостольного князя Владимира[323]. Чтобы укре-

---

[322] ГБУТО ГА. Ф. И-171. Оп. 1. Д. 166. Л. 29.

[323] Подробнее см.: Абрамов Н.А. О введении христианства у березовских остяков // Журнал Министерства народного просвещения.

пить новообращенных в вере предпринимались следующие шаги: 1) поиск и уничтожение идолов и других объектов поклонения; 2) возведение на месте разоренных капищ православных храмов, которые становились центрами вновь образуемых приходов; 3) полицейский надзор за новокрещеными со стороны светских и духовных властей.

Хотя формально в течение 1710–20-х гг. большая часть остяков и вогулов Тобольского Севера приняла православие, документы свидетельствуют, что традиционная религия сохраняла прочные позиции в их среде. В первые десятилетия после христианизации принимались весьма жесткие меры по отношению к тем, кто практиковал языческие обряды. Этому способствовало законодательство и практика его правоприменения. По указу от 29 апреля 1722 г. предписывалось «всем православным христианам ... иной веры не принимать ... таких отступивших исправлять ... и буде по увещеванию исправиться не хотят ... посылать в дальные монастыри, где содержать их до самой их смерти неисходно»[324]. Тем же, кто совращает в иную веру и будет изобличен и после увещевания не раскается и не примет обратно «греко-российскую веру», грозила смертная казнь через сожжение, что устанавливалось разными законодательными актами, в частности, указом 22 февраля 1735 г. и сенатским указом от 23 марта 1750 г.[325], а также проектом Уложения 1754 г.[326] За кликушество, «разные суеверия и тому подобное обманство» по Духовному регламенту, указам 14 апреля 1737 г., 26 ноября 1739 г., проектом Уложения 1754 г. предполагалось «по важности их вины и обманства чинить наказание кнутом или плетьми»[327].

Священники должны были следить, своевременно доносить и по возможности пресекать различные проявления язычества среди новокрещеных. Так, например, указом митрополита Павла (Конюскевича) от 27 марта 1747 г., посланным в сибирскую

1851. № 12. С. 1–22; Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком 1715 / Предисл. П.Н. Скороспеловой. Новосибирск, 1941. 106 с.; Бупинский П.Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893. 93 с.

[324] Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены / Под ред. А.А. Востокова. СПб., 1882. С. 71.

[325] См.: ПСЗРИ. 1-е. Т. 9. № 6693; Т. 13. № 9722.

[326] Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов... С. 71.

[327] ПСЗРИ 1-е. Т. 10. № 7959; Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов... С. 72.

губернскую канцелярию, предписывалось новокрещеных «понуждать неослабно» к исполнению христианской обрядности, «а кто в том весма ослушным окажется, таковых велеть наказывать по важности вины» в присутствии заказчиков[328].

В основном обращенные в православие инородцы замечались в «ворожбе», поклонении идолам («шайтанам»). Особое внимание уделялось сожительству без венчания и двоеженству. Так, по донесению ясашных сборщиков Ивана Макушина «с товарыщи» в лумпокольских волостях «двоеженцов новокрещеных остяков Семена Пилина сына родного а имяни и де не знают да Ивана Сенкина которые де поженились от живых жен повенчаны тех Лунпокольских волостях Христорождественской церкви попом Петром...». Воевода 12 марта 1741 г. приказал разобраться в этом деле, и если обвинение подтвердится, то «других жен» отдать родителям, «чтобы не могли иметь с теми беззаконными женами сожития и оным остяком велеть жить со своими женами законно и в том их запоручить...»[329].

В отличие от мусульман «инородцы» Тобольского Севера, как правило, не упорствовали в своих «заблуждениях» и готовы были признать вину, отказаться от деяний, в которых их изобличали. Собственно говоря, языческое мировоззрение в данном отношении отличалось гибкостью, склонностью к подобного рода компромиссам.

В 1746 г. митрополитом Антонием (Нарожницким) было получено доношение от градо-сургутского духовного правления, сообщавшее, что по сведениям священника Верхне-Лумпокольской церкви Гаврила Кайдалова в его приходе объявились «волхвы, которые де по древнему своему суеверию явно волхвуют»: предсказывают, сколько кому жить и кто скоро умрет, о промыслах – кто сколько добудет, «от сего де получают себе великие прибытки», а некоторые новокрещеные «учинят разврат от веры православной» и имеют по две жены, а сам «он священник Кайдалов многократно всячески увещевал и от волхования запрещал, тако ж и оным беззаконником которые имеют у себя по две жены чтобы они такого беззаконства лишились и впредь творить не дерзали. И о сем де остяки ево священника не слушают и чинят по своему изволению»[330].

Против «заблудших» были приняты самые жесткие меры. К расследованию привлекаются светские власти. Митрополит

[328] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 3–4.

[329] РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–3 об.

[330] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 1–1 об.

отсылает промеморию в Сибирскую губернскую канцелярию, потребовавшую от Сургутского воеводы «секретнейшим образом сыскав и заковав волхвов в ручные и ножные, а остяка Мурасова и беззаконных женок в ножные крепкие кандалы под крепким и секретным караулом порознь прислать в сибирскую губернскую канцелярию в самой крайнейшей скорости»[331].

Вскоре арестованные прибыли в Тобольск: три «волшебника», две женщины, отец одной из женщин и еще несколько проходивших по делу остяков. В ходе дознания выяснилось, что все они были крещены еще в конце 1710-х – первой половине 1720-х гг. схимонахом Феодором (Филофеем Лещинским) или приходским священником. Ни один из допрашиваемых не упорствовал в своих «заблуждениях», готов был раскаяться и отказаться от «ворожбы» или двоеженства. Само пребывание вдали от привычной обстановки и в тяжелых тюремных условиях не могло не сказаться на арестованных. В процессе следствия одна из женщин и четверо мужчин умерли. Оставшимся присудили отправить обратно в Сургут, где «при собрании протчих остяков наказать кнутом без всякой пощады»[332]. Решением Тобольской духовной консистории от 20 июля 1747 г. женок «по учинении им в консистории ... жестокого плетьми наказания от остяков Кычаги и Мурасова отлучить и отпустить при пашепортах в город Сургут а сургутскому закащику послать указ коим велеть ему оных женок выдать в замужество в отдаленные от прежних их жилищ места за остяков же...»[333]. Кроме того, была послана целая военная экспедиция в составе двух солдат и десяти казаков с целью найти и сжечь «шайтана», находящегося, по словам подследственных, где-то на реке Кыйс-Еган.

Подобного рода дел в 1740–50-х гг. встречалось множество[334]. Например, только в январе – сентябре 1751 г. более 500 новокрещеных признались, что держат у себя «шайтанов». Выявленных идолопоклонников приговорили к церковной епитимье. В середине 1740-х гг. двух остяков Нагаркарского и Шоркальского городков приговорили к битью «плетьми нещадно» и отправке в Кондинский Свято-Троицкий монастырь «в тяжкие вечные монастырские труды». В 1758 г. 17 остяков Казымской

---

[331] Там же. Л. 7.

[332] Там же. Л. 107.

[333] Там же. Л. 27–27 об.

[334] Подробнее см.: Миненко Н.А. Судьба православия на Обском Севере (XVIII – начало XX века) // Очерки истории Югры / Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. Екатеринбург, 2000. С. 230–239.

волости приговорены Березовским духовным правлением к епитимье за поклонение «диаволу» в образе найденной ими на берегу реки сабли[335].

В целом же для искоренения пережитков язычества применялись следующие наказания: 1) битье кнутом или плетьми; 2) ссылка в Кондинский монастырь; 3) наложение епитимьи (изучение молитв, ежедневное совершение определенного числа поклонов в церкви и т. п.).

Отмечен случай использования и такой крайней меры, как сожжение на костре. К этому виду казни был приговорен в 1757 г. казымский шаман князец айвасидских ненцев Енора Пучиндин[336].

Помимо кнута использовался и «пряник». Ежегодно из доходов Сибирской губернской канцелярии выделялось до 1 тыс. руб. на подарки новокрещеным, которые также могли рассчитывать на трехлетнюю льготу в выплате ясака и смягчение наказания за уголовное преступление[337].

Со времен Екатерины II религиозная политика в отношении новокрещеного населения существенно смягчается. «Наказ» императрицы говорил о недопустимости давления на иноверцев для их обращения в христианство. Осуждалась практика вознаграждения за принятие крещения[338]. На «заблудших» следовало воздействовать исключительно мерами пастырского увещевания, не прибегая к принуждению. В 1764 г. вводятся должности проповедников, которые должны были назначаться из числа «ученых людей» и утверждать в вере крестившихся. Основной импульс в этом отношении шел не от церкви, а от светской власти, с одной стороны, руководствовавшейся все более популярными гуманистическими принципами, с другой – опасавшейся затруднений со сбором ясака. Уже в работе В.Ф. Зуева начала 1770-х гг. об идолопоклонстве остяков говорится как о «дурачестве», которое описывается с иронией. Этот народ якобы «по своему малоумию ... пужлив». Приводятся примеры, когда объектами покло-

---

[335] См.: Миненко Н.А. Судьба православия на Обском Севере... С. 233, 236, 237.

[336] См.: Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 280.

[337] Подробнее см.: Конев А.Ю., Поплавский Р.О. Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI–XVIII в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4(43). С. 165–174.

[338] ПСЗРИ 1-е. Т. 18. № 12949. Ст. 494–496.

нения служили коробки, ящики «и прочие мелочи». «Щастлив тот столяр, которой коробкою своею бога сделал», – замечает исследователь[339]. Соответственно такие невежественные люди заслуживают жалости и снисхождения, а никак не жестокого наказания.

В июле 1773 г. на имя преосвященного Тобольского и Сибирского Варлаама (Петрова) поступила жалоба остяков Куноватской волости, что местный священник с дьячком якобы «ездят по волости, умерших разрывают, платье с них снимают, а их нагих оставляют»[340]. Случай оказался экстраординарным, т. к. причт обвинялся в невиданном ранее кощунстве. В Тобольск вызвали дьячка Куноватского прихода, который на следствии показал, что он со священником узнал от крещеной остячки Марии об обычае некоторых ее соплеменников хоронить вместе с покойниками большое количество различного имущества. Одно из таких захоронений они нашли и раскопали, откуда извлекли «по идолопоклонническому обычаю... платья и протчаго немало... умершаго тело положено в лотке на оленьей шкуре и в головах подушка ровдужная а на теле оболочена заячья шуба и сверх оной краснова сукна зипун подпоясан ремнем ровдужным на поясе в ножнах ножик на голове шапка и лицо покрыто платом шолковым...»[341]. Кроме того, в могиле находились две малицы, котел, топор, пимы, оленья упряжь, лук со стрелами, лыжи, часть хлеба, сало оленье в чашке, 20 листов табака, рожок с табаком, огнивница с огнивом и мн. др. Тело и одежду на умершем не тронули, но все прочее члены причта забрали. При расспросе отец умершего показал, что он сам все положил в могилу «по прежнему идолопоклонническому обычаю из жалости, смотря на прочую свою братию той же волости ясашных остяков»[342].

Казалось бы, вина налицо. Двумя десятилетиями ранее остяку могло грозить суровое наказание. Однако в этот раз все обошлось без последствий. Резолюция архипастыря не касалась «инородца», а требовала лишь извлеченные из могилы платье и прочее имущество, которое при мертвом теле «вредным воздухом заразилось», сжечь, а со священника и дьячка взять подписку, что они, даже если будут поступать подобные доносы, «умерших из могил ни под каким видом не разрывали и платья

---

[339] Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). М.; Л., 1947. С. 48–49.

[340] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123. Л. 2.

[341] Там же. Л. 5.

[342] Там же. Л. 7.

не обирали»[343]. Документы были пересланы губернатору Д.И. Чичерину, который обещал обеспечить «крепкое смотрение» за ясашными, чтобы те в могилы ничего лишнего не клали[344].

Еще один случай борьбы против языческих пережитков произошел около села Нижне-Лумпокольского в 1810 г. Брат местного священника сургутский мещанин Николай Кайдалов обнаружил место «идолослужения» инородцев с прикладами, развешанными на дереве. В ходе следствия один из допрошенных остяков показал, что он слышал, что якобы в Тром-Юганской волости умерла женщина, которая вскоре ожила и сказала «обвестить все волости, дабы делали по старому их остяцкому обыкновению ... из имения к древам, а буде сего не зделают то не будет щастия в звериных рыбных и протчих промыслах»[345], а также их сожгут небесным огнем. Слух об этом разнесся среди местных ясашных, решивших выполнить требование «покойной». Привлеченные по данному делу остяки на вопрос, почему же они не попросили своего священника, чтобы он «зделал об оном от них Богу христианское молебствие», ответили, что были тогда «в безумстве», а также заявили: «российскою и святую церковь в которую крещены твердо содержим и впредь в ней непоколебимо остаемся и отныне более идолослужения чинить отнюдь не будем»[346]. Аналогичные обязательства затем собрали с глав семей всех окрестных волостей.

Примечательна резолюция архипастыря на этом деле от 23 сентября 1810 г.: «Совращение к первобытному заблуждению ясашных Бог взыщет на священнике, который видно не прилагает попечения в наставлении их и других прихожан своих в догматах христианской веры. Ему бы надлежало узнав о сем их действии тотчас отправиться к ним, и своими пастырскими советами и наставлениями произвесть в них раскаяние, и на единого Бога в своих делах упование; но наемник яко наемник есть и нерадив о овцах, по сему случаю предписать как Сургутским, так и Березовским священникам, но дабы они непременно исполняли долг свой под опасением и здесь и в вечности истязания»[347].

Таким образом, в соблюдении остяками языческих обрядов оказываются виноваты сами священники. Чем далее, тем более снисходительны были к проступкам «инородцев» в делах веры

---

[343] Там же. Л. 9 об.

[344] Там же. Л. 13.

[345] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 10. Л. 15.

[346] Там же. Л. 17–17 об.

[347] Там же. Л. 2.

духовные и светские власти. Под влиянием идей просвещения изменился сам подход к пониманию того, что есть языческие пережитки. Теперь это не «поклонение дьяволу», а заблуждение, следствие невежества «темных» аборигенов.

Последующая либерализация чем далее, тем более снижала активность светской власти в деле помощи Русской православной церкви в борьбе с пережитками язычества. Соответствующие просьбы приходского духовенства если и не игнорировались, то расследования проводились во многом формально.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г. ввел для коренных жителей Сибири свободу вероисповедания и богослужения, что привело к дальнейшему сужению мер административного воздействия на тех, кто придерживался языческих обычаев. «Устав» при обращении в православие предписывал духовенству «поступать по правилам кротким, одними убеждениями без малейших принуждений». Тех же, кто уже принял христианство, запрещалось подвергать каким-либо взысканиям, «если они ... окажутся в упущении церковных обрядов. Внушения и убеждения суть одни приличные в сем случае меры»[348]. Это в какой-то степени способствовало консервации языческих верований в отдаленных от центра приходов юртах, среди слабо контактировавших с русскими коренных жителей.

Заметно изменение позиции местной знати по отношению к миссионерам и духовенству в целом. Если в середине XVIII в. за противодействие в поисках «шайтана» князца Ивана Пирчина было приказано держать в Сургутской воеводской канцелярии «скована под крепким арестом»[349], а затем «наказать жестоко кнутом», то менее чем через сто лет Обдорский князь Матвей Тайшин открыто мешал крещению своих соплеменников, встречая лишь робкие возражения миссионеров[350]. В этот период идеи христианизации коренного населения Сибири вызывали противоречивую реакцию светской власти. Губернатор опасался волнений «инородцев», осложнений с выплатой ясака, поэтому вмешательство в их внутренние дела воспринималось как поку-

---

[348] Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сб. правовых актов и документов / Ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень, 1999. С. 104.

[349] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 108.

[350] Записки находившихся в Березовском округе Тобольской епархии для обращения иноверцев к христианству иеромонаха Макария и помощников его 1832 года / Сост. Н.А. Абрамов // Странник. 1866. № 8. С. 11–24.

шение на привычный миропорядок, сложившийся в предшествующие десятилетия status quo.

Играла роль и гуманизация системы правосудия, не прибегавшего к допросам «с пристрастием» и требовавшего четких и безусловных доказательств в случае обвинения в идолопоклонстве. Характерный случай произошел в 1850-х гг. По распоряжению священника самаровской Покровской церкви местными русскими крестьянами в марте 1854 г. был задержан и препровожден в волостное правление житель с. Нахрачи вогул И.Г. Ишеняков, как якобы «жрец идольский» языческого бога Анаурта, собиравший приклады и приношения со своих соплеменников во время ежегодных поездок по Конде, низовьям Иртыша и средней Оби. В своем рапорте священник сообщал, что арестованный и его помощник Пакин «проезжают, отклоняя остяков от православия, посевая плевелы, противные вере христианской, и поддерживая и усиливая идолопоклонство»[351]. Несколькими годами ранее настоятель нахрачинской Троицкой церкви лично наблюдал за языческим жертвоприношением («закланием тельца» и употреблением жертвенной крови, смешанной с брагой) при непосредственном участии И.Г. Ишенякова[352]. Проблема была в том, что сам И.Г. Ишеняков не сознался в инкриминируемом ему преступлении, а все доказательства его вины носили косвенный характер: показания крестьян; наличие у арестованного большого числа разнородных и разноцветных кусков ткани, которые не могли использоваться для изготовления одежды, а, скорее всего, являлись собранными у «инородцев» подношениями идолу. Проведенное расследование не нашло убедительных доказательств правонарушения языческого «жреца», т. к. по определению Тобольского окружного суда «все эти улики, при непризнании подсудимых, юридического обвинения не составляют»[353]. И.Г. Ишеняков был «оставлен в подозрении», но никакого наказания не понес.

В 1851 г. от священника Мужевской церкви поступил рапорт на имя преосвященного Георгия (Ящуржинского), что инородцы перед промыслом и особенно перед важными занятиями «закалают домашнего пса своего, то же делают и по возвращении с ловли, и если лов их был изобильный, тогда закалают белого, а напротив черного вида, и из этих шкур нашивают в честь того

[351] ГБУТО ГА. Ф. И-378. Оп. 1. Д. 99. Л. 7.

[352] Там же. Л. 142.

[353] Там же. Л. 319.

идола для себя одеяние»[354]. Об этом языческом обряде архиепископ сообщил в Св. Синод и Тобольскому губернатору «на благоусмотрение и зависящее распоряжение, чтобы крещеные инородцы для Церкви имели особые чистые одежды, внушая им сие с ласковостию и осторожностию без малейшего принуждения чтобы их не прогнать от Церкви»[355].

С середины XIX в. Тобольские и Сибирские преосвященные неоднократно бывали на севере Западной Сибири, имея возможность лично оценить религиозность новокрещеных[356]. Так, епископ Варлаам (Успенский) в путевом журнале 1866 г. писал, что остяки – это «дети только природы, общественной жизни не знающие и действующие машинально, по указанию русских или священников»[357]. Поэтому не следует ожидать и требовать от них многого. При обозрении преосвященным Юганского прихода выяснилось, что местные «инородцы» исповедаются почти все, но приобщаются Св. Тайн лишь 12-я или 15-я части, а т. к. они не могут и одной недели провести в посте и воздержании, преосвященный постановил «объявить им пост, хотя бы на три дня»[358].

В Указе его преосвященства от 11 июля 1866 г., последовавшем после обозрения Березовского округа в 1865–1866 гг. содержалось требование «от соблюдения языческих суеверий и обрядов удерживать инородцев всеми способами, сообща о прекращении их формулярно, и самим старшинам или головам их, а также и князькам там, где они утверждены Правительством»[359]. Однако никаких мер воздействия на «заблудших», кроме проповеди Слова Божия, не предусматривалось. Другим указом от 23 ноября 1866 г. предписывалось с помощью полиции отбирать у новокрещеных идолов, если таковые будут обнаружены. Но при этом никакого наказания за это не предполагалось[360]. Фактически ничем окончилось дело 1867 г. «О кровавых жертвоприношениях Березовских остяков и самоедов», инициированное преосвященным

---

[354] РГИА. Ф. 796. Оп. 132. Д. 666. Л. 1.

[355] Там же.

[356] Подробнее см.: Tsys' Olga P. Visits of Tobolsk Diocesan Bishops to the North of Western Siberia in XVIII – early XX centuries // Bylye Gody. 2015. Vol. 44. Is. 2. P. 478–486.

[357] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 102.

[358] Там же. Л. 102 об.

[359] ГБУТО ГА. Ф. И-708. Оп. 1. Д. 3. Л. 510–511.

[360] Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. 1 / Ред.-сост. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2007. С. 212–213.

Варлаамом (Успенским), т. к. по мнению губернских властей, поиск шаманов, сбор подписок с обязательствами не совершать кровавые языческие обряды физически невозможны и приведут только к проблемам при сборе ясака[361].

В XIX в. попытки активизации миссионерской деятельности вызывали резонные опасения местных чиновников, т. к. считалось, что излишнее давление на «инородцев», вмешательство в их жизнь могут негативно сказаться на сборе ясака, вызовут волнения и другие события, нарушающие привычный ход вещей. Отчасти по этой причине открытие Обдорской противоязыческой миссии состоялось лишь со второй попытки в 1850-е гг. Первая, предпринятая в начале 1830-х гг., провалилась, в том числе из-за отрицательной позиции губернатора и окружного исправника.

О том, как за сто лет изменились методы воздействия на «заблудших», можно понять по случаю, описанному в рапорте ларьякского священника Е.М. Словцова за 1884 г. О «ворожбе», произошедшей в ночь с 30 на 31 мая в юрте за с. Ларьяк Сургутского уезда недалеко от ярмарочной площади, настоятель узнал от казака Прохора Кайдалова, видевшего всех участников языческого действа и назвавшего даже главного зачинщика – остяка Кульеганских юрт Алексея Кунина. Приглашенный и расспрошенный через переводчика А.В. Кунин не отрицал своей «вины». Священнику ничего не оставалось, как урезонивать своего собеседника, а также сетовать на то, что П. Кайдалов не разбудил его в ночь ворожбы и не заявил об этом происшествии вовремя[362]. Никаких других способов кроме «увещевания» у А. Кайдалова не имелось.

Наблюдалось и такое явление. С середины XIX в. в Зауралье началось активное проникновение зырян, переселявшихся из бассейна р. Печоры. Они без особых церемоний относились к священным местам остяков и самоедов, расхищая приклады на их капищах. Березовское земское начальство помогало в розыске похищенного под тем предлогом, что при идоле находилось имущество, которое состоит в пушнине, тканях, мелкой монете и др. Преступление рассматривалось как обычная кража, требующая наказания виновных. Такая позиция вызывала двойственную реакцию духовенства. Вот как об этом свидетельствовал обдорский миссионер П. Попов: «Не думаю защищать действия

---

[361] Подробнее см.: Перевалова Е.В. Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 172.

[362] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15. Л. 90–93 об.

зырян в расхищении идолов, потому что они бесчестны и ими руководит, вероятно, не христианская ревность о славе Божией, а виды корыстные, но мне непонятным кажется доселе сочувствие березовского начальства идолопоклонству»[363]. В защите инородческой собственности священнику виделось косвенное содействие гражданского начальства сохранению языческих верований.

Таким образом, в политике государства и РПЦ в отношении борьбы с языческими «пережитками» коренного населения Тобольского Севера можно выделить несколько основных этапов.

Время с начала христианизации до первых лет правления Екатерины II (1710–60-е гг.) отмечается жестким давлением на новокрещеных с целью полного искоренения всех проявлений язычества.

Период «просвещенного абсолютизма» и до принятия «Устава об правлении инородцев» (1770-е – 1822 гг.) характеризуется постепенным смягчением государственной политики в отношении новообращенных.

Время от начала введения положений действия «Устава» до начала XX в. характеризуется полным отказом от каких-либо форм дискриминации и преследования за языческие «пережитки», стремлением воздействовать на «заблудших» исключительно убеждением, недопущением насилия по отношению к «инородцам».

Общая эволюция политики государства и Русской православной церкви в борьбе с идолопоклонством заключалась в постепенном смягчении как законодательных норм, так и их правоприменительной практики при выявлении языческой обрядности у новокрещенов. Эти изменения были обусловлены гуманизацией российского общества, более толерантным отношением к иноверию. Многие представители церкви, прежде всего миссионеры и приходские священники, были не согласны с подобного рода ограничениями, связывавшими им руки в деле христианизации. Тем не менее, даже в период гонений на язычников власть старалась избегать крайних мер, возможных по действующему законодательству. В конечном счете в распоряжении причтов и миссионеров к концу рассматриваемого периода остались только меры пастырского увещевания, используя которые они иногда вынуждены были идти на уступки против правил, лишь бы не допустить «отпадения» прихожан от церкви.

Религиозная обрядность совершенно перестала волновать светские власти, считавшие, что этот вопрос находится за преде-

---

[363] Из истории Обдорской миссии: Источники / Сост., вступ. ст. и коммент. В.Я. Темплинга. Тюмень, 2004. С. 178.

лами их компетенции. Акценты в использовании представителей духовного сословия в решении общегосударственных задач смещаются. Об этом, в частности, свидетельствует журнал совета Главного управления Западной Сибири «по предположениям о постепенном введении образования между сибирскими инородцами и распространения между ними хотя бы некоторой гражданственности», переданный в 1856 г. Министерством государственных имуществ «на рассмотрение духовного ведомства»[364]. Священно- и церковнослужителям предлагалось участвовать в обучении коренных жителей различным полезным ремеслам, помогать в заведении пашен и огородов, в оказании медицинской помощи и распространении медицинских знаний и т. п. Намечалось также создание очагов оседлости, вокруг которых могли бы группироваться «инородцы», что виделось непременным условием для их приобщения к цивилизованной жизни.

Для реализации данных предложений у северного духовенства не было достаточных ресурсов. Поэтому, в конечном счете, после многолетнего обсуждения все свелось к участию священно- и церковнослужителей в уже привычном деле – организации школьного обучения и преподавании. Но уже к концу XIX в., несмотря на развитие школьной сети, роль духовенства как педагогов начальных церковно-приходских школ снижается. Их постепенно замещают в этом качестве учителя – женщины, получившие профессиональную подготовку.

Таким образом, поводов для тесного взаимодействия при решении общих задач у духовных и светских властей было не так уж много. Анализ входящей и исходящей документации Сургутского благочиния за 1856, 1895, 1903 гг. показывает, что темами для переписки со светскими учреждениями и организациями служили, как правило, финансовые вопросы (выплата жалованья, сборы средств на благотворительные нужды), подготовка и выдача справок с демографическими сведениями[365]. Доля подобной переписки в общем объеме была сравнительно небольшой: 1856 г. – 2,8%, 1895 г. – 12,7%, 1903 г. – 4,6%.

Общие тенденции, характеризующие эволюцию взаимоотношений духовенства и светской власти, связаны с ограничением вмешательства причтов во внутреннюю жизнь коренного населения, в чем последнему всяческую поддержку оказывала светская власть в соответствии с духом и буквой «Устава об управлении инородцев». Одновременно наблюдается процесс постепенного расширения участия приходского духовенства в различных фор-

[364] РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 731. Л. 2.

[365] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1, 20, 25.

мах социального служения: организация школ и преподавание в них, надзор за благоустройством, благотворительность и др.

Духовенство также отвечало за нравственное состояние прихожан. В XVIII в. этот термин понимался слишком узко, как приверженность христианству, выражавшаяся в основном в соблюдении внешней обрядности и недопущении рецидивов язычества. В последующий период данная функция стала трактоваться шире. Разнообразнее становятся и социально-политические процессы, в которые органически включаются все слои населения, включая и духовенство. Однако самостоятельной роли духовенство не играло и чаще служило орудием реализации функций светских учреждений.

Глава II
РОЛЬ ХРАМОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ОСВОЕНИИ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

Христианство пришло в Сибирь уже как сформировавшаяся и охватившая сознание многих народов России религия. Правительство всемерно покровительствовало его распространению и строительству православных церквей. Традиционно сдержанная политика государства по отношению к коренным жителям Сибири предопределила медленные темпы его интеграции в общероссийское культурное пространство, происходившее, в том числе, через христианизацию, следствием которой являлось создание приходов и возведение церквей.

Толчок к активному храмовому строительству на Тобольском Севере дало массовое крещение «инородцев», проведенное в течение 1710–20-х гг. преосвященным Тобольским и Сибирским Филофеем Лещинским. Уже в сентябре 1713 г., еще до начала первой успешной поездки святителя Сибири, губернатор князь М.П. Гагарин издал указ о необходимости в Березовском уезде «в каждой волости сделать по церкви»[366]. В этот и последующие периоды на выбор места, где должны были окормляться новокрещеные «инородцы», влияло несколько факторов. Все их можно объединить в четыре основных группы.

Около разрушенных или перенесенных дохристианских священных объектов. Таким образом, прежнее ритуальное пространство наполнялось новым содержанием. Это был один из важнейших мотивов на раннем этапе христианизации. На месте языческого святилища, где «обитал» «Вонт-ике» – «Урманный ста-

[366] Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Кн. вторая. 1713–1724. С. 22–23.

рик», отождествленный впоследствии остяками с Николаем Чудотворцем, возводилась Ларьякская Знаменская[367], языческого капища в Шайтанских юртах – Белогорская Троицкая церкви. Как сообщал Г. Новицкий, сопровождавший святителя Филофея в его миссионерских поездках, «устроиша церкви Божыи – в Прохоровской волости, в Острове, иде же прежде многославимаго скверного идола капище бяше, ныне церкви Божия в имя Святыя Троицы; такожде в Сухоруковских юртах, в Малом Атламе»[368]. По свидетельству Г.Ф. Миллера, Нахрачинская Троицкая церковь была сооружена там, где «жил знаменитый шаман Награч... при котором Награче ко времени крещения находился известный идол, которого русские называли Мастерков, а остяки – Ort-luhch»[369].

Рядом с «резиденциями» местных князей, недавно воспринявших христианство. В частности, в рапорте березовского заказчика митрополиту Антонию от 15 октября 1747 г. сообщалось: «Велено Березовского ведомства в Обдорской волости, где новопросвященной и князец Василий Тайшин жителство имеет, построить деревянную во имя святого Василия Великого церковь доволным казенным ея императорского величества коштом»[370]. В целом же вполне очевидной выглядит привязка многих приходов к бывшим остяцким «княжествам», ставшим основой для формирования ясачных волостей: Сосьвинского, Куноватско-Ляпинского, Казымского и др.

1. В пунктах, удобных для приезда «инородцев» с целью выплаты ясака, промыслов, торговли. Например, в выписке Тобольской духовной консистории от 31 июля 1751 г. указывалось, что место для строительства церкви на р. Кычет в бассейне р. Таз «угодное и рыбное, ... куда из нижепоказанных волостей новокрещенные остяки по способности и близости того для платежа и ясаку повсягодно съезжаютца, а те новокрещенные остяки не в далнем разстоянии от того места живут...»[371].

2. В местах, где обосновывались русские или зыряне, переселившиеся из-за Урала, с юга Западной Сибири или Сургута, не мыслившие своей жизни без православного храма. Данный фактор

---

[367] Шатилов М.Б. Ваховские остяки... С. 167.

[368] Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. 1715. Новосибирск, 1941. С. 89.

[369] Миллер Г.Ф. Известия о реке Конде из устных рассказов различных остяков и вогулов, живущих на этой реке. 1740 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/text18.phtml?id=10297

[370] Цит. по: Книжные сокровища Югры... С. 413.

[371] Цит. по: Сургутский уезд в документальных памятниках... С. 29.

добавился в середине XIX – начале XX в. и связан с увеличением численности населения из-за миграций, естественного прироста.

Выбор также определялся ландшафтом, как и в других подобных случаях за пределами Тобольского Севера. Требовалось, чтобы храм располагался на не затапливаемой в половодье возвышенности и в то же время недалеко от берега реки.

Непосредственная инициатива могла исходить от светской власти (наиболее наглядный пример – вышеупомянутый указ 1713 г.), преосвященного при личном посещении края или по рекомендации благочинного (так, решение о возведении Мужевской церкви было принято архиепископом Евгением (Ящуржинским) в ходе инспекционной поездки на Тобольский Север в 1829 г.), а также по желанию местных жителей, отдельных благотворителей, поддержанному церковными иерархами.

Наиболее активно строились храмы и основывались приходы в первые годы после массовой христианизации. Между 1714 и 1734 гг. воздвигнуто пять церквей в северной части Тобольского уезда: Вознесения Господня в Филинской (1720-е гг.), Воздвиженская в Реполовской (1716 г.), Троицкая в Прохоровской (Белогорской) (1714 г.), Троицкая в Нахрачевской (1714 г.), Богоявленская в Болчаровской (1720-е гг.) волостях[372].

В Березовском уезде были построены церкви Успенская – в Сосьвинской волости (1717 г.), Крестовоздвиженская – в Ляпинской (1717 г., во второй половине 1730-х гг. Сосьвинский и Ляпинский приходы объединили, Сосьвинская церковь переосвящена в Христорождественскую)[373], Всемилостивого Спаса – в Шоркальской (1714 г.), Преображенская – в Малом Атлыме и Сошествия Святого Духа – в Сухоруковской волости (обе – 1714 г.), Успенская – в селении Полноват Казымской волости (1714 г.)[374]. В 1746–1751 гг. возводилась церковь во имя св. Василия Великого в Обдорске[375].

---

[372] Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX в. Екатеринбург; Салехард. 2005. С. 244.

[373] Туров С.В. Храмы на речных островах // Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу / Под ред. Л.В. Степановой, С.В. Лазаревой, С.В. Турова. Екатеринбург, 2007. С. 18.

[374] Шашков А.Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 26.

[375] Там же. С. 27.

На Конде в Пелымском уезде появились приходы в ясачных волостях: Сретенский (Богоявленский по Г.Ф. Миллеру[376]) в Сатыгинской (1720-е гг.), Духосошественский в Леушинской (1720-е гг.).

Шесть церквей к середине XVIII столетия обеспечивали нужды новокрещенов в Сургутском уезде: Успения Пресвятой Богородицы в Селияровской (1716–1718 гг.), Предтеченская в Юганской и Балыкской (1716–1718 гг.), Христорождественская в двух Верхне-Лумпокольских (1721 г.), Рождества Пресвятой Богородицы в Нижне-Лумпокольской (1733 г.), Богоявления Господня в Ваховской (1727 г.)[377], Святителя Николая в Тазовской (1732 г., передана в состав Нарымского округа Томской епархии в начале XIX в.) волостях[378].

Таким образом, в первой половине XVIII в. было создано 20 «инородческих» приходов в дополнение к ранее существовавшим русским в городах Березов, Сургут и селе Самаровском.

Первые храмы возводились за счет казны, оттуда же причт получал денежное и хлебное жалованье. Помимо расходов на материалы и оплату труда рабочим немалые суммы приходилось выделять на приобретение богослужебных предметов, книг, икон. Так, по справке Тобольской таможни в 1749–1750 гг. только на первичное обустройство Обдорской церкви Василия Великого было затрачено 200 руб. 55 коп.[379], что было сопоставимо со стоимостью самого здания.

Однако достаточно быстро наметилось стремление переложить обременительные обязанности по сооружению и поддержанию приходских храмов на самих «инородцев». Уже в 1720 г. сменивший М.П. Гагарина новый тобольский губернатор князь А.М. Черкасский предложил Сенату прекратить строительство церквей у новокрещеных за счет государства. Данное мнение не было поддержано ни епархиальным архиереем, ни (что самое главное) Петром I.

Определением Св. Синода от 28 марта 1722 г. предписывается закрыть и снести деревянные часовенные строения, построенные «близ церквей, и на торжищах, и на перекрестках, и в

---

[376] Миллер Г.Ф. Известия о реке Конде из устных рассказов различных остяков и вогулов, живущих на этой реке. 1740 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/text18.phtml?id=10297

[377] Шашков А.Т. Из истории церквей Сургута и Сургутского уезда // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 1(9). С. 41.

[378] Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX в... С. 265.

[379] Подсчитано по: Книжные сокровища Югры... С. 414–416.

селах...»[380]. Копии с этого документа и повторное напоминание 24 октября 1722 г. о разборе часовен и употреблении их материала на «иные потребы» были разосланы в архиерейские дома и монастыри по всей империи. Хотя речь в данном случае шла о «лишних» культовых постройках, в местах, где уже имеется достаточное число «правильно созданных и освященных» приходских храмов, это определение распространялось, в том числе, и на Тобольский Север. Здесь, разумеется, никакого «переизбытка» часовен быть не могло. Тем не менее, в «исполнительном донесении» 20 января 1723 г. тобольский митрополит Антоний (Стаховский) сообщил, что в указанный срок «все часовни разобраны». Однако особая оговорка им была сделана относительно Тобольского Севера. Митрополит отмечает, что «по указу Его Императорского Величества и по грамоте, в низовых городах Сибирской губернии, в волостях у новокрещеных иноземцев, из казны Его Величества построены в них святые церкви, где бывали идолам их кумирницы; а от церквей в дальности построены часовни, в которых они, новокрещеные, за дальностью от церквей, творят тамо своего времени молитву; а когда к ним бывает их священник с церковной требою, тогда все обретающиеся при тех часовнях новокрещеные с женами и детьми, с радостью притекши, молят его, чтоб им сотворите и Господеви Богу молебное пение с водоосвещением окропляются»[381]. «Смиренно» исполняя указ Синода, митрополит сообщил о просьбе коренных жителей не трогать часовни, выстроенные в остяцких и вогульских землицах»[382]. Уже в 1724 г. в Тобольск поступил ответ, предписывавший строить на месте часовен церкви и брать с «инородцев» «крепкое обязательство» о содержании храмов и духовенства.

Именной указ Анны Иоанновны 1734 г. подтверждал распоряжения петровского времени в отношении закрытия часовен, но только в смягченной форме: во всей империи «старые часовни оставить в прежнем состоянии», а новые не строить[383]. Запрет касался также восстановления ветхих и сгоревших старых часовен.

С середины XVIII в. ситуация в данном отношении меняется. Последний известный нами случай храмового строительства с помощью казны в сельской местности относится к 1762 г. и связан с переделкой Леушинской Духосошественской церкви. При

---

[380] Описание документов и дел Святейшего Синода. СПб., 1879. Т. II. № 422. С. 571.

[381] Там же. С. 579.

[382] Там же.

[383] Там же. С. 581.

этом заготовка и доставка леса возлагалась на самих прихожан[384]. Уже летом 1756 г. была построена «собственным ясашных новокрщеных остяков коштом» по благословению митрополита Сильвестра (Гловацкого) церковь Николая чудотворца в Чемашевских юртах Березовского уезда[385]. В начале 1770-х гг. Знаменскую церковь в Ларьякской волости Сургутского уезда строили и в дальнейшем содержали только сами новокрещеные[386]. В этот же период (не позднее 1776 г.) появляется Троицкая церковь в с. Кушеват Березовского уезда. На собственные средства было сооружено в 1779 г. новое здание Юганской церкви (см. ниже). В 1788 г. прихожанам Сосьвинской Христорождественской церкви отказали в выделении казенных субсидий на новый храм под предлогом «нынешних военных обстоятельств» (т. е. Русско-турецкой войны), из-за чего строительство было завершено лишь к 1801 г.[387] Подобная ситуация сохранялась и в дальнейшем. В лучшем случае светские и церковные власти могли оказать помощь в поиске потенциальных благотворителей. Все остальные заботы теперь ложились на плечи прихожан.

Спустя многие десятилетия петровский указ о «часовенном разборе» находит продолжение в позднейших указах периода правления Екатерины II, например, о запрещении создавать новые приходы и строить православные храмы без утверждения центральной церковной власти[388]. Указ ужесточал контроль епархиальных архиереев за церковным строительством, предписывая владыкам рапортовать в Св. Синод, отсылая сведения об обстоятельствах, побудивших к учреждению нового храма, предоставлять описание предполагаемого места застройки, выбранного материала (камень или дерево), сведения о финансовых возможностях прихожан содержать на «свой кошт» причт и мн. др. Запрещалось архиереям выдавать «благословенные грамоты» на строительство приходских храмов, вместо ветхих построек или утраченных во время пожара, в небольших населенных пунктах, насчитывавших

---

[384] Книжные сокровища Югры... С. 28.

[385] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 245. Л. 5.

[386] Шашков А.Т. Церкви новокрещенов на Обском Севере в XVIII–XIX в... С. 251, 254.

[387] Книжные сокровища Югры... С. 28.

[388] Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1910. Т. 1: Царствование государыни императрицы Екатерины Второй: 1762–1772. № 587. С. 702–703.

менее 40 дворов, а в городах менее 20 дворов, по указу под угрозой «тяжкого штрафования»[389].

Таким образом, большинство сельских храмов на севере Западной Сибири возникло в первой половине XVIII в. С 1780 по 1840 г. в Березовском и Сургутском благочиниях не было открыто ни одного нового прихода, хотя указом Св. Синода от 25 августа 1825 г. и предписывается «в Тобольской губернии по малости Церквей, стараться о приумножении оных, просить ... предложить Гражданскому Начальству о содействии к убеждению поселян к построению новых церквей»[390]. Созданный «апостолом Сибири» святителем Филофеем и его непосредственными преемниками «задел» оказался вполне достаточным для того, чтобы обеспечивать духовные нужды новокрещеных на протяжении более чем столетия. Низкая плотность населения и медленный его рост делали расширение сети приходов на данном этапе нецелесообразным.

Начало модернизационных процессов в крае, все возрастающий поток переселенцев с юга Западной Сибири и Приуралья изменили ситуацию. В середине XIX – начале XX в. на Тобольском Севере открылось 10 приходов, возникших, преимущественно, вокруг вновь образованных русских и зырянских поселений[391]. В результате на севере Западной Сибири в предреволюционный период имелось 35 приходов (включая два в Березове, по одному в Сургуте и Самарово)[392].

---

[389] Там же. С. 703.

[390] ГБУТО ГА. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 52. Л. 2.

[391] В Березовском округе (уезде) в 1840 г. был открыт приход в с. Мужи (церковь во имя св. Михаила Архангела), в 1902 г. – во имя св. Николая в с. Няксимвольском Сосьвинской волости (церковь построена в 1893 г.), в 1875 г. – Богоявленская церковь в с. Щекурья, в 1894 г. – во имя иконы Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радость в с. Елизаровском. В Сургутском уезде (округе) в 1894 г. была построена церковь в с. Тундринском во имя вмч. Пантелеймона, в 1908 г. – в с. Вартовском (Нижне-Вартовском) во имя преподобного Сергия Радонежского, в 1913 г. – в с. Покур в честь Введения Пресвятой Богородицы. В северной части Тобольского уезда появляются приходы в с. Конево (во имя св. Пророка Ильи, 1848 г.), с. Базьяны (Петропавловский, 1908 г.), в Туринском уезде – Пауло-Шаимская Христорождественская (1854 г.).

[392] В том числе в составе Березовского благочиния – 12, Сургутского – 9, 3-го Тобольского (административный центр с. Самарово или с. Реполово) – 9, 2-го Тобольского (административный центр с. Юров-

О значении, которое придавалось храмовому строительству в крае, можно судить по следующему случаю. В 1773 г. преосвященному Варлааму (Петрову) поступило доношение от Сургутского духовного правления, где сообщалось, что построенная еще в 1733 г. юганская церковь «весма обветшала... за ветхостию к служению весма опасная»[393]. Четыре года спустя в новом доношении священник А. Проводников сообщал, что «на построение новой собрано старанием моим от христолюбивых подателей денег до трехсот рублев» и просил дозволение на возведение церкви[394]. В то время сооружение деревянных храмов в России не разрешалось, о чем 15 февраля 1777 г. последовало напоминание губернатора «Милостивому патрону» епископу Варлааму: «Вашему преосвященству столько известно сколько и мне, што имянным Ея Императорского Величества Всевысочайшим указом деревянные церкви строить запрещено, следственно и я приступить к тому не могу...»[395]. Тем не менее, в январе 1778 г. был получен указ Св. Синода о дозволении строить в с. Юганском новую церковь «за прописанными во оном указе обстоятельствами». Что это за «обстоятельства», можно только предполагать. Но несомненно влияние на благоприятный исход дела особого положения, которое занимал храм в распространении русского влияния (религиозного, политического) на коренное население. Все сельские храмы Тобольского Севера XVIII в. были деревянными. Инициативы по их возведению или перестройке неизменно встречали благоприятный отклик со стороны духовного и светского начальства.

В некоторых случаях храм переносился на новое место. Причиной этого служило, как правило, не очень удачное расположение прежней постройки на низкой, заболоченной территории или вблизи размываемого паводками берега реки. Непосредственным поводом для переноса являлись, помимо естественного обветшания зданий, уничтожавшие их пожары, а также наводнения. Обычно новая церковь возводилась недалеко от прежней, часто на другом, более высоком берегу реки. Но при необходимости храм переносили и на более далекое расстояние – до нескольких десятков верст. Так, в 1752 г. остяки Верхне-Лумпокольской,

---

ское) – 3, 2-го Туринского (административный центр с. Кошукское) – 2. Названы приходы благочиний, располагавшиеся именно на территории Тобольского Севера в указанных нами территориальных рамках.

[393] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 165. Л. 1 а.

[394] Там же. Л. 2.

[395] Там же. Л. 4.

Пирчиной и Салтыковой волостей подали митрополиту Сильвестру доношение с просьбой разрешить построить новый храм в 50 верстах и более от старого, располагавшегося на «болотном месте» и к тому же «во крае тех наших волостей»[396]. Важное значение имело то обстоятельство, что новый храм предполагалось расположить в центре упомянутых выше трех административных единиц.

В 1799 г. согласно рапорту от «лучших людей» Ваховской, Тром-Юганской и Аганской волостей в Сургутский нижний земский суд, их церковь, находившаяся в двух саженях от берега, могла обрушиться, поэтому ее требовалось перенести. После того, как было получено разрешение, выбор нового места осуществлялся сургутским земским комиссаром совместно с «членом с духовной стороны». Сам перенос «на материшный остров называемой Солоков» был произведен в 1800 г., где храм освятил сургутский протоиерей Попов при собрании прихожан[397]. Перенесена на другой берег Оби была также Нижне-Вартовская Сергиевская церковь.

Если храм становился совершенно непригоден для использования, могло последовать решение о его закрытии и временной ликвидации прихода. Так, в 1830 г. по рапорту Сургутского благочинного Нижне-Лумпокольская церковь «от давнего строения пришла в крайнюю ветхость», в ней нельзя было не только совершать богослужения, но опасно даже зайти, а иконы и различные предметы «падение оной положило бы истребить в ничтожество». Архиерей распорядился перевести причт в соседнюю ваховскую церковь, туда же отправить антиминс, все имущество, храм запечатать и отдать под охрану земской полиции, селения до построения новой церкви причислить к Верхне-Лумпокольскому или Ваховскому приходам «по расстоянию»[398].

Важнейший фактор, определявший перестройки церкви – периодически повторяющиеся пожары. В частности, Казымская (Полноватская) Успенская церковь строилась шесть раз: в 1714, 1725, 1767, между 1812 и 1816, в 1817, 1911 гг.[399] В первых четырех

---

[396] Книжные сокровища Югры... С. 418.

[397] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 5. Д. 79. Л. 7. Л. 1а, 7.

[398] ГБУТО ГА. Ф. И-329. Оп. 2. Д. 65. Л. 1а об.

[399] См.: Акт государственной историко-культурной экспертизы проекта зон охраны объекта культурного наследия местного (муниципального) значения «Здание церкви Успения Пресвятой Богородицы», расположенного по адресу: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Белоярский район, с. Полноват, ул. Советская, д. 19 // Служба государ-

случаях здания уничтожались огнем. Три Мало-Атлымские церкви, начиная с первой, возведенной в 1714 г., также сгорали. Лишь четвертая (1853 г.) благополучно простояла до 1930-х гг. Из-за пожаров гибли Ляпинская (1730 г.), Юганская (1812 г.), Мужевская (1881 г.), Нижне-Вартовская (в 1911 г.) и другие церкви.

Ни один из деревянных храмов, построенных в XVIII в., не простоял дольше чем до 1860-х гг. За два столетия каждый приход переделывал церковные здания в среднем по 3–4 раза. Скорее исключением выглядит Ларьякская Знаменская церковь, которая перестраивалась лишь дважды. Однако и здесь в начале XX в. прихожане ставили вопрос о возведении нового храма. Революционные события сняли эту проблему с повестки дня. Строение из векового кедрового леса благополучно пережило 1930-е гг. и лишь в 1986 г. по распоряжению местного сельского совета было разобрано и распилено. По свидетельству старожилов, бывший храм отнюдь не находился в аварийном состоянии и мог бы еще долго послужить людям. Следует предположить, что в конце XIX – начале XX в. частые перестройки старых зданий обуславливались не только практической необходимостью, но и другими соображениями, например, престижа. Всего же, за 1880–90-е гг. были обновлены или вновь построены церкви в 11, а за 1900–10-е гг. – в 10 приходах Тобольского Севера[400].

В связи с тем, что государство с середины XVIII в. перестало финансировать храмовое строительство, обязанность сбора средств на возведение новых церквей взамен сгоревших или обветшавших возлагалась на прихожан и их выборного представителя – церковного старосту. Сбор осуществлялся путем равномерной раскладки и за счет единовременных пожертвований различных благотворителей, как правило, местных купцов и чиновников. Это находило отражение в клировых ведомостях, где дату постройки дополняли приписки с указанием источников средств на проведение работ: «тщанием прихожан», «иждивением благотворителей», «тщанием прихожан и с помощью разных благотворителей» и т. п. Никаких других вариантов получения денег не предоставлялось. В результате могло пройти несколько лет, прежде чем необходимая сумма была получена. В Нижне-Лумпокольском приходе открытия нового храма пришлось дожидаться 18 лет (1830–1848 гг.). Примерно столько же велись работы по сооружению Ларьякской Знаменской церкви (1812–1831 гг.).

ственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/8b6/akt-pzo-khmao-polnovat-tserkov-ok.pdf.

[400] Подсчитано по: Справочная книга Тобольской епархии за 1913 год...

Размер затрат на строительство Обдорской церкви в 1817–1823 гг. составлял 5 тыс. руб. ассигнациями (около 1 300 руб. серебром)[401]. Постепенно эта сумма увеличивалась, составив в начале XX в. около 7 тыс. руб. на типовое здание вместимостью 250 прихожан. Работы выполнялись, как правило, через подряды. В заключавшемся между приходской общиной и предпринимателем договоре оговаривались сроки, характер и объем выполняемого строительства.

В любом случае контроль за проведением работ вне зависимости от источника их финансирования оставляли за собой епархиальное начальство и благочинный. В XVIII в. он был минимальный. От архиерея поступали лишь указания самого общего характера. «Построить святую церковь... по чиноположению церковному и велеть строить по подобию протчих святых церквей. И в ней зделать престол в указанную меру. В длину аршина осми и ширину аршина четырех, в вышину аршина шести вершков...», – сообщалось в указе митрополита Сильвестра (Гловацкого) 31 июля 1751 г. сургутскому заказчику[402]. Заказчик (благочинный) лишь наблюдал за ходом и качеством работ, нанятых им и прихожанами плотников.

В течение XIX в. роль светских и духовных властей в деле проектирования церковных зданий постепенно возрастала. Например, когда в 1892 г. известный предприниматель и меценат А.М. Сибиряков выразил желание построить в юртах Искарских Сосьвинского прихода за свой счет деревянный храм, с тем чтобы в работы «не вмешивались никакие власти». На его письмо преосвященный Иустин (Полянский) наложил резолюцию: «Постройка храма во всяком случае дело доброе. Не хочет храмоздатель подчиниться законному контролю – пусть строит без нашего ведома... Но по окончании храма он должен быть передан духовному ведомству, которое по освидетельствовании его, если найдет годным к употреблению – примет с благодарностию, если же найдет негодным, оставит на ответственности строителя как его собственность»[403]. Подобная ситуация все-таки являлась исключением. Благотворители, как правило, не выставляли никаких условий относительно архитектуры зданий. Основные требования сводились к регулярному их поминовению «с родоначальниками и сродниками» во время богослужений, наличию некоторых икон, а иногда освящению вновь возводимого храма

---

[401] Герасимов В.Н., свящ. Обдорск (исторический очерк). Тюмень, 1909. С. 38.

[402] Сургутский уезд в документальных памятниках... С. 30–31.

[403] Православные приходы Березовского края... С. 370.

в честь определенного религиозного события или святого. Например, вдова отставного есаула березовской казачьей команды А.К. Буторина в духовном завещании 1885 г. попросила поставить кладбищенскую церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского, а московский протоиерей П.Н. Соколов – церковь в юртах Нижне-Вартовских в честь преподобного Сергия Радонежского[404]. При перестройке ранее существовавшей церкви последнее условие не выдвигалось.

В начале XX в. по указанию епархиальной власти было разработано пять типовых проектов сельских храмов вместимостью от 50 до 250 человек[405]. Прихожане вправе были выбрать тот вариант, который их устраивал с финансовой и эстетической точки зрения. Далее все работы выполнялись в строгом соответствии с выбранным проектом под наблюдением благочинного и епархиального архитектора.

Духовенство входило в *состав строительных комитетов*, создававшихся для возведения новых храмов. Духовенство должно было воздействовать на мирское общество с целью выделения им сил и средств для поддержания храма в надлежащем виде, расширения и ремонта причтовых построек. Зачастую именно приходские священники возглавляли эти общественные организации и в таком качестве вели переговоры с подрядчиками по вопросам заготовки и поставки леса и других строительных материалов, а также о постройке самих церквей. Об этом, в частности, говорит переписка священника С. Шахова – члена комитета по постройке кладбищенской церкви в г. Березове с благочинным протоиереем Путинцевым, прошения о производстве торгов по поставке строевого леса и др.[406]

При постройке новой Обдорской церкви опять же местное духовенство через Тобольскую духовную консисторию решало вопрос, каким образом заготавливать материал для работы: в окрестностях Кондинского монастыря или же в Тобольске, а затем сплавлять лес вниз по течению Иртыша и Оби[407]. Прихожане своими приговорами поручали именно настоятелям храмов решение вопросов как вызова «желающих на постройку церкви, так и заключения договора с подрядчиком»[408]. Для сбора необходимой

---

[404] Православные приходы Березовского края... С. 119; ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 828. Л. 123.

[405] ГБУТО ГА. Ф. И-353. Оп. 1. Д. 531. Л. 1а.

[406] См.: Православные приходы Березовского края... С. 364–366.

[407] См.: Из истории Обдорской миссии... С. 51.

[408] Там же. С. 119.

денежной суммы с целью перестройки ваховской Богоявленской церкви Сургутского уезда в начале XX в. решением прихожан-«инородцев» был выделен рыболовный песок. Промысловый участок сдавался в аренду, доходы шли строительному комитету[409]. Жителям села, как русским, так и хантам, приходилось организовывать торги, искать подрядчиков, благотворителей, заниматься раскладкой недостающих средств, вести переговоры о бесплатном отпуске леса и др. Вся указанная работа не могла не способствовать объединению прихожан для решения задач, отвечающих общественным интересам и служащих благу самой Церкви.

Храмовое строительство и внутреннее благоустройство церквей предоставляло возможности для неплохого заработка тобольским ремесленникам. Они нужны были для выполнения наиболее сложных работ, таких как каменная кладка и внутренняя отделка. Можно упомянуть «иконного мастерства подрядчика иконописца» Петра Ковалева, занимавшегося росписью Сургутской Троицкой церкви в 1745–1746 гг.[410] В конце 1810-х – начале 1820-х гг. строительство каменной Самаровской Покровской церкви вел тобольский мещанин Д.П. Прокофьев с сыном[411]. В Югане в 1884 г. наняли «мастерового человека» Тобольского мещанина Филимонова, который, согласно контракту «приступил к работам и заготовил уже почти весь круглый лес, необходимый для сооружения здания, отделка которого вполне удовлетворительна»[412]. (Постройка была завершена в 1887 г.). Строительство Обдорской каменной церкви в конце XIX в. вел подрядчик тобольский 1-й гильдии купец Корнилов.

Привлекались мастера из уездных центров Тобольского Севера – Березова и Сургута, а также Нарыма. Сосьвинскую церковь в 1750-х гг. переделывали подрядчики из Березова во главе с казаком Петром Фофановым[413]. Для строительства Ларьякской Знаменской церкви в 1771 г. привлекались плотники из Сургута во главе с Иваном Тетюцким[414]. Сургутяне же занимались ремонтом ограды кладбища в с. Нижне-Лумпокольском в 1895 г.[415]

Мелкие работы выполнялись местными силами. Забить гвозди, утеплить потолок, поправить крыльцо мог в некото-

---

[409] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 27. Л. 1, 23, 30.

[410] Там же. Оп. 1. Д. 206. Л. 4.

[411] Там же. Оп. 10. Д. 135. Л. 1а–2.

[412] Там же. Оп. 11. Д. 1410. Л. 10.

[413] Православные приходы Березовского края... С. 30.

[414] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 2412. Л. 8 об.

[415] ГБУТО ГА. Ф. И-152. Оп. 34. Д. 135. Л. 6.

рых случаях псаломщик или же сам настоятель. Предпринимались попытки сократить расходы за счет внутренних ресурсов. Однако преобладание «инородческого» населения делало крайне сложным выбор подходящих людей для проведения строительных и отделочных работ. В конце 1840-х гг. архиепископ Тобольский и Сибирский Георгий (Ящуржинский) обратился к тобольскому губернатору с предложением об обучении «молодых остяков мастерствам при постройке своей церкви»[416]. В перспективе предполагалось, что, приобретя ремесленные навыки, они смогут «быть для себя домостроителями, и женясь на русских девицах, заведут посредством жен своих домоводство, как ухаживать за коровами ибо они любят лакомиться молоком и маслом, и не умея сего делать, покупают у русских, через что разоряются»[417]. Эта попытка не увенчалась успехом. Предварительным условием привлечения коренного населения являлось освобождение потенциальных мастеров от хлебных недоимок, что не устраивало светские власти. Тем не менее, очевидно стремление духовенства способствовать приобщению «инородцев» к традициям более «высокой» русской культуры.

Если в тайге строительный материал – дерево – всегда был под рукой, в тундровую зону лес приходилось сплавлять по рекам. Все материалы для Обдорской Богородице-Скорбященской церкви были доставлены в 1902 г. из Тобольска[418]. Лес для предшествующей ей деревянной церкви (1817–1823 гг.) заготовлялся и сплавлялся экономическими крестьянами Кондинского Свято-Троицкого монастыря.

Храмовое строительство определяло перспективные направления локальных миграций и влияло в определенной степени на местную хозяйственную жизнь. Приходская церковь притягивала переселенцев. Постепенно центры приходов превращались в настоящие села, у них появлялись дополнительные функции центров образования, торговли. После возведения храм становился архитектурной и высотной доминантой, определяющей дальнейшее развитие населенного пункта. В течение рассматриваемого периода существенно, пусть и не кардинально, менялся внешний облик селений, центрами которых являлись возведенные еще при святителе Филофее Лещинском храмы.

---

[416] Там же. Оп. 31. Д. 101. Л. 3.

[417] Там же. Л. 3 об.

[418] Шемановский И.С. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910)... С. 275.

Так, по сведениям Г.Ф. Миллера в 1740 г., «Малой Атлым, или Атлымской погост... имеет церковь Преображения Господня, построенную для здешних остяков, и, помимо жилищ церковных служителей, 16 остяцких зимних юрт Малой Атлымской волости. Летние жилища рассеяны по разным местам в нескольких верстах выше»[419]. На 1907 г. в селе имелось 2 причтовых, 29 русских, 12 остяцких домов, училище, винная лавка и другое[420], хотя «правильных» улиц в селении не было, застройка была хаотичной.

Об изменениях в численности дворов и соответственно жителей можно составить представление по таблице 1.

Таблица 1

Размеры, динамика численности селений – центров приходов Тобольского Севера (фрагмент)[421]

Селение	1740 г.	1781 г.	1868 г.		1909 г.	
		дворов	дворов	человек	дворов	человек
1	2	3	4	5	6	7
Селияровское	4 ямщицких двора	13	23	86	26	216
Верхне-Лумпокольское	4 остяцкие юрты	3	4	19	23	157
Нижне-Лумпокольское	3 юрты остяков	?	13	42	26	78
Ваховское	«нет ни русских, ни остяцких жилищ»	4	10	35	16	102

[419] Миллер Г.Ф. Путешествие от Сургута вниз по реке Оби до Березова. 1740 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/text14.phtml?id=10293.

[420] Сибирская торговая газета. 1907. 27 ноября. С. 3.

[421] Сост. по: Книжные сокровища... С. 423–429; Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. [Вып.] 60: Тобольская губерния: Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов / Обраб. ред. В. Зверинским; сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. СПб., 1871. CCLXXII, 196 с. С. 31, 33, 35, 36, 94–99; Список населенных мест Тобольской губернии: [составлен по сведениям на 15 июля 1909 года, полученным от уездных исправников и волостных правлений]. Тобольск, 1912. 634, IX с. С. 74–75, 94–95, 562–563, 566–567, 584–585, 592–593; Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по реке Оби от Нарыма до Сургута. 1740 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/text11.phtml?id=10290.

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
Сухоруковское	3 ямщицких двора	11	35	174	58	342
Малый Атлым	16 остяцких зимних юрт	25	24	134	38	223
Шеркальское (Шоркальское)	10 зимних и 11 летних юрт	27	37	169	20	183
Белогорское (Троицкое)	20 зимних юрт	21	12	90	28	128
Ларьякское	–	?	8	29	18	52
Сортыньинское (Сосьвинское)	«не более двух вогульских юрт»	15	8	36	20	89
Нахрачинское	«имеются остяцкие жилища»	7	14	49	27	132

Заметна положительная динамика роста населения приходских центров региона. Разумеется, свой вклад в данные изменения внесли дополнительные факторы, связанные с развитием хозяйственных отношений края с югом Западной Сибири. Но вряд ли стоит недооценивать тот факт, что местами, которые выбирались мигрантами для жительства, в первую очередь являлись именно центры приходов, имевшие соответствующую своей эпохе социальную инфраструктуру. Именно в приходских центрах создавали первые в крае учебные заведения – начальные церковные школы, учителями в которых являлись члены причта[422].

В виде примера конкретного и вполне результативного воздействия причта на развитие поселения можно привести ситуацию начала XX в., связанную с Нижне-Вартовской Сергиевской церковью. Вопрос о месте ее возведения активно дискутировался на протяжении нескольких лет (1911–1914 гг.). Причт выступал за то, чтобы построить храм на правом, более высоком берегу Оби. Большинство прихожан отдавало предпочтению левому, низменному берегу, где располагались их жилые дома и хозяйственные постройки. Священнику с большим трудом удалось добиться благоприятного для себя решения. Совместными усилия-

[422] Подробнее см.: Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Нижневартовск, 2011. 305 с. См. также раздел 2, гл. 4.

ми с благочинным они смогли убедить епархиального архиерея в целесообразности размещения храма на правом берегу Оби. Кроме того, настоятель сумел сформировать строительный комитет из заведомо лояльных себе лиц, в качестве инструмента воздействия на часть прихожан привлек полицию. Место возведения храма – вопрос принципиальный, ведь от определения этого места зависела дальнейшая судьба прихода. Поэтому священник был заинтересован в том, чтобы использовать все имеющиеся в его распоряжении «управленческие рычаги» с целью добиться устраивавшего его результата[423]. В результате благодаря перенесению храма на другой берег Нижне-Вартовская пристань получила дополнительный импульс для развития, а оставшееся без храма поселение постепенно пришло в упадок.

При организации низового звена управления краем первоначально преобладали фискальные соображения. Безусловно, для крупных селений, таких как Березов, Сургут, Обдорск, строительство храмов было явлением вторичным по отношению к ним как основанным русскими военно-административным форпостам. Однако на уровне волости именно приходские центры становились местами пребывания инородческих управ после введения в действие «Устава об управлении инородцев» 1822 г.

Подводя итог, следует отметить, что храмовое строительство на территории Тобольского Севера проходило в два основных этапа. Первый (1710–70-е гг.) характеризуется созданием в очень короткие сроки сети приходов по всему краю в течение первых двух десятилетий после начала массовой христианизации с последующей ее корректировкой (перенос храмов с «неудачных» мест, объединение приходов). Волна бурного роста пошла на спад и сменилась полным затишьем в период «просвещенного абсолютизма». Инициатором этого процесса являлось государство, поддержанное Русской православной церковью.

На втором этапе (1840-е – 1910-е гг.) в большинстве случаев уже сами прихожане выступали с просьбами о постройке церквей и организации приходов, выражая готовность взять на себя расходы по их содержанию. В отличие от предшествующего времени, пика храмовое строительство (включая перестройку ранее существовавших зданий) достигает к концу этапа. В любом случае создание приходов было одним из факторов, обусловивших развитие из небольших «инородческих» юрт относительно круп-

[423] Подробнее см.: Цысь В.В., Цысь О.П. Нижневартовский приход в начале XX в.: история создания // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Нижневартовск; Омск, 2011. Вып. XI. С. 85–106.

ных по меркам региона селений, становившихся средоточием местной общественной и культурной жизни. Содержание и благоустройство храма, причтовых домов являлось общим делом для всех прихожан, выдвигавших из своей среды церковного старосту – своего рода посредника между ними и причтом. Необходимость решать эти задачи служила объединяющим фактором (вместе с выплатой ясака, выполнением различных мирских повинностей).

Храмовое строительство способствовало окончательному закреплению края за Россией, помогало унифицировать управление, наладить конструктивное взаимодействие между русскоязычным и «инородческим» населением при решении общих для них проблем, связанных с созданием и функционированием приходских институтов.

Глава III
ХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ФИНАНСОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА В XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

В условиях Крайнего Севера, чтобы исполнять свой пастырский долг, духовенству необходимо было обеспечить хотя бы минимальные жизненные потребности себе и членам своей семьи. Традиционно члены причта рассчитывали на поступления от совершения треб, проведения молебнов, а также пожертвования состоятельных прихожан. Немногочисленное и слабо христианизированное коренное население севера Западной Сибири не могло, да и не хотело содержать причты исключительно за свой счет. Это прекрасно понимало и государство, изначально положившее духовенству вновь созданных после массового крещения 1710– 20-х гг. приходов денежное и хлебное жалованье. Но выделенных средств оказалось явно недостаточно, а их выплата не отличалась регулярностью. Поэтому духовенству приходилось изыскивать новые источники существования.

Торговля. Из-за недостаточного содержания, а также слабого контроля со стороны государства в течение XVIII – начала XIX в. духовенство вынуждено было заниматься торговыми операциями. Различного рода запреты на данный счет следовали со стороны светской и духовной власти уже в первые десятилетия после массового крещения инородцев. Так, в «доношении» 1733 г. митрополит Антоний (Стаховский) сообщал, что «обретающиеся у но-

вокрещеных духовные персоны от светских управителей имеют порицание яко бы они ездят к новокрещеным для торгов, а не для исполнения треб спасению человеческому служащих»[424].

Никакими реальными возможностями, чтобы искоренить подобную практику в тот период, власти не обладали. Задача укрепления коренного населения в православной вере была выше всех прочих соображений. Определением Сената от 25 августа 1735 г. предписывалось «обретающихся у новокрещеных в волостях священником с требами и для наблюдения к спасению человеческому ездить к ним новокрещеным не запрещать и утеснения не чинить. Токмо смотрить того дабы духовные персоны под тем образом купечества не отправляли»[425].

Однако данное распоряжение мало повлияло на ситуацию. В прошении о взыскании долговых денег вдовы Юганского священника Усольцова, умершего в конце декабря 1760 г., сообщалось, что «мой муж кода был жив роздал Юганских протчих волостей новокрещеным остякам по прозьбе их собственнаго хлеба за неимением тогда в продаже казенного для пропитания чтоб з голоду не померли, а сколко имянно кому давано было тому значать оного моего мужа записки и под теми записками саморучные тех новокрещеных знамена, которые оставлены в доме моем, токмо те новокрещеные нисколко за тот хлеб мне не платят»[426]. Как следует из дела, всего в должниках священника числилось 39 человек. Можно предположить, что помощь священника прихожанам была небескорыстна, а в большей степени напоминала кредитную операцию. В то же время из документа нельзя сделать вывод о наличии процентов или других форм оплаты за оказанную священником услугу. Часть долга была впоследствии взыскана с остяков, рассчитавшихся пушниной или деньгами за полученный ранее хлеб.

Подобного рода практика сохранялась и в дальнейшем, о чем свидетельствует указ Сургутского духовного правления 1783 г., в котором констатировалось, что священники и причетники приезжают в ясачные селения «в самое промышленное время» якобы «для научения молитв» и исполнения треб, на самом же деле собирают с остяков долги. Духовенству предписывалось «без зову ясашных» во всякое время, а в особенности в зверопромышленное не приезжать и торгов с ними не производить[427]. Со

---

[424] РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 42. Л. 5.

[425] Там же. Л. 6.

[426] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 28. Л. 8.

[427] Сургутский..., 2006: 39.

всех приходских священников взяли подписку о том, что они не будут допускать такого рода выездов.

Аналогичное сообщение поступило 11 октября 1783 г. от Сургутского земского суда[428]. Опять же священникам дается предписание рапортовать о «невъезде в ясашные волости» самовольно.

Другое дело посвящено обвинению ларьякского причта в торговле с инородцами. Донос был составлен кондинским комиссаром Федуловым, утверждавшим, что священник В. Вергунов по приезде в 1805 г. в Сургут накупил на наличные деньги товару на многие сотни рублей: «штофу... гарнетуру... немалое число лошадей и дал отцу своему годовое содержание», а также говорил местному заказчику, что до 12 тыс. шкурок белки поменял на муку у одного нарымского купца[429]. Обвинения в торговле предъявлялись и большинству остальных причтов бывшего Сургутского уезда: Верхне- и Нижне-Лумпокольским, Селияровскому, Юганскому. «В селе Лумпокольском священник Александр Вергунов и причетник Вергунов родные братья. Приход этот весьма удален от всякого надзора и церковнослужители завели с инородцами там торговлю»[430]. Хотя, в конечном счете, дело было прекращено, а причт оправдан, но сам этот случай говорит, что в заботах о материальном достатке приходское духовенство было во многом автономно и иногда вынуждено было заниматься операциями, не ассоциировавшимися с обычным родом занятий духовного сословия. Важно также отметить, что долгое время священно- и церковнослужители являлись единственными представителями русскоязычного населения, постоянно проживающими среди «инородцев», т. к. другим сословиям запрещалось селиться за пределами административных центров. Это создавало соблазн получить выгоду из своего статуса посредника между аборигенами и остальной частью «русского мира» (см. также раздел 2, гл. 1).

Примерно со второй трети XIX в. упоминания из источников о занятиях духовенства торговлей уменьшаются. Имели место лишь единичные случаи, которые безусловно осуждались. Официально духовные власти всячески запрещали различные формы экономической эксплуатации коренного населения, и, как и ранее, старались не позволять этого делать причтам. Так, одним из указов ТДК от 21 марта 1888 г. «за неуместное угощение инородцев [водкой] во время обхождения юрт с молитвословием» предписывалось штрафовать священников на 20 руб., а псаломщика

---

[428] Сургутский уезд... С. 54.

[429] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 1152. Л. 22 об.

[430] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 107.

на 10 руб., т. к. тем самым духовенство ставит себя «на один уровень с торгашом, который... старается в состоянии возможно более обобрать его»[431], а сама подобная практика названа «гнусной» и «вредной».

Промыслы. Духовенство являлось органичной частью местного сообщества и было связано с ним множеством семейно-родственных и хозяйственных нитей. В первую очередь это относится к представителям династий духовенства, издавна служивших на Тобольском Севере. Разумеется, различные промысловые занятия причта не находились в центре внимания непосредственного начальства и воспринимались как дополнение к основному роду деятельности. Поэтому найти какую-либо информацию на сей счет достаточно сложно в дошедшей до нас делопроизводственной документации приходов и благочиний. В отличие от торговли, участие в промыслах не подвергалось осуждению со стороны непосредственного начальства и считалось вполне допустимым, если не наносило ущерб исполнению основных должностных обязанностей. Сельское духовенство занималось традиционными для региона видами хозяйственной деятельности – преимущественно рыболовством, отчасти охотой и оленеводством, точно так же, как в Европейской России их собратья занимались хлебопашеством. Это, в частности, подтверждает тяжба 1790 г. об убийстве пономарем Ларьякской Знаменской церкви «домашнего оленя» священника, который был им принят за «полевого», т. е. дикого[432]. В качестве орудия охоты церковнослужитель использовал лук со стрелами, как это делали и его прихожане.

Однако охота требовала длительных отлучек с места постоянной службы и поэтому не могла быть широко распространена среди духовенства по объективным причинам. Большей популярностью пользовалось рыболовство. Так, вахтер сартыньинского хлебозапасного магазина, обвиненный в непосещении церковных служб, в рапорте сообщал, что нередко, когда придешь в храм, то он на замке, «батюшка наш уже на запор[433] ушел рыбу промышлять»[434]. В доношении Тобольского преосвященного от 28 марта 1828 г. указывалось: «Священноцерковнослужители сверх весьма малополучаемого из казны жалованья снискивают пропитание от рыбопромышленности, но и сие не всегда бывает

---

[431] Православные приходы Березовского края... С. 257.

[432] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 841. Л. 1–10.

[433] Запор – способ традиционного рыболовства, когда река перегораживается вбитыми в дно вертикальными кольями.

[434] Православные приходы Березовского края... С. 223.

для них достаточным продовольствием»[435]. В рапорте священно- и церковнослужителей «от самаровского погосту успенской церкви» отмечалось, что «по дороговизне в настоящее время хлеба, малополучаемому ими от Сургутского частного комиссарства жалованью, пропитывают себя с великою трудностию прихожане же их, кои по болшой части остяки, не допущают им пользоваться в удобных местах рыбною ловлей или же и сенными покосами»[436].

Периодически ставился вопрос о необходимости выделения причтам рыболовных угодий – так называемых «песков» или же сенокосов. Сохранился рапорт ваховского священника за 1814 г. с просьбой о получении рыболовного песка «Ерунин», т. к. причт не получает оплату за требоисправления[437]. Из Тобольской духовной консистории последовал отказ, мотивированный тем, что данный вопрос находится в компетенции гражданской власти, до сих пор на сей счет не принявшей никакого решения. В этом же 1814 г. священно- и церковнослужители с. Самарово обратились с аналогичной просьбой, которая также не была поддержана[438].

Препятствием к удовлетворению подобных ходатайств служили, с одной стороны, российское законодательство, закреплявшее все земли за «инородцами», с другой – объективные трудности, связанные с местным ландшафтом и природно-климатическими условиями. Об этом, в частности, писал в 1871 г. в рапорте на имя преосвященного Варлаама (Успенского) Березовский благочинный, протоиерей В. Чемесов. Он отмечал, что пески отвести причтам невозможно, т. к. они подвержены постоянным изменениям, а для организации на них промысла требуются значительные капиталовложения. Такой же изменчивостью отличаются и пойменные луга, которые заносятся илом, зарастают тальником, размываются, поэтому сенокосов «никогда не было отводимо и впредь не может быть таковых отведено»[439].

В «инородческих» приходах причт находился в худшем материальном положении, чем в русских. Вот как об этом говорилось в клировой ведомости Полноватской церкви за 1888 г.: «Казен-

---

[435] РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 10141. Л. 4 об.

[436] ГБУТО ГА. Ф. И-329. Оп. 13. Д. 623. Л. 1а.

[437] Там же. Оп. 7. Д. 1128. Л. 1.

[438] Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о прошлом. Тюмень, 1997. С. 43–44.

[439] Из истории Обдорской миссии: Источники / Сост. вступ. ст., коммент. В.Я. Темплинга. Тюмень, 2004. С. 82.

ных земель нет, пахотной не отведено по причине суровости климата и неспособности к хлебопашеству, а усадебной или сенокосной по частому наводнению. Когда же нет наводнения, то причт сенокосною землей пользуется вместе с прихожанами»[440]. В целом же нигде на Тобольском Севере у церквей не было собственных надельных земель.

Занятия оленеводством духовенство практиковало в крайне ограниченном объеме. Тем не менее, можно упомянуть большое оленье стадо Обдорской миссии, существовавшее с 50-х гг. XIX в. Первоначально в 1851 г. было закуплено 50 самцов и столько же самок. К концу 1860-х гг. количество животных за счет естественного прироста возросло до 478, а к началу 1880-х гг. снизилось до 248 голов[441]. Однако сами олени использовались для миссионерских поездок по ямальской тундре, а забота о них ложилась на наемных работников из числа самоедов и остяков, а не миссионеров. Лишние олени, получаемые от приплода, а также шкуры забитых животных продавались, а вырученные деньги пополняли доходы миссии[442].

Помимо этого, обремененное семьями духовенство было занято и обычными повседневными заботами о домашней скотине, отоплении, закупке необходимых продуктов. Так, в прошении члена Березовского духовного правления священника Петра Наумова об оплате проезда из Сургута в Березов, относящемся к концу 1805 г., сообщалось: «Я имею дом свой в Березове, и скотину равно и жену с малолетними детьми (которая осталась не здорова) и без всякаго призрения – сено и дрова приуготовить некому, так же и харчевые припасы в Березове запасаются в осень»[443]. Как писал в 1806 г. ларьякский священник В. Вергунов, мы сами себе доставляем «домовую провизию» и «запасаем оную года на два или на три...»[444].

Минимально необходимое количество скота (лошадей и коров) имелось у большинства священно- и церковнослужителей, как и у всех русских жителей края. Например, в с. Сухоруковском в начале 1880-х гг. священник летом даже проживал почти постоянно на другом берегу Оби вне причтового дома и вдали от церкви «по удобству для размножения скота»[445]. Аналогичная

---

[440] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 38. Л. 36.

[441] Сургутский уезд... С. 340.

[442] См.: Из истории Обдорской миссии... С. 49–50 и др.

[443] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 95. Л. 8 об.

[444] Там же. Д. 1152. Л. 20.

[445] Из истории Обдорской миссии... С. 134.

ситуация сложилась и в с. Мало-Атлымском: «Заботясь о разведении скота и собственном хозяйстве, местный священник за два года перед сим построил за рекой Обью дом, перевез туда скот и имущество, приезжая оттуда лишь для служения в воскресенья»[446].

Во всех работах и промыслах члены причта обходились силами своими и членов своей семьи. Однако нельзя не упомянуть и о случае, относящемся к концу 1780-х – началу 1790-х гг. Речь идет о «доношении» в сургутский нижний земский суд «от ясашных живущих по реке Ваху, сотника Ивана Муколчина с товарищи» с жалобой на священника Ларьякской Знаменской церкви Я. Кайдалова. В документе сообщалось следующее.

«1. С самой де постройки церкви принудил их рубить лес на строение показанному священнику Кайдалову дома. Который де лес рубили вниз по Ваху реке, и против воды тащили завозом на место, где ныне стоят построены тож амбары, и поскотня и конюшни и на прочее домовое строение: притом же и место было лесное, расчищено ими же ясашными остяками без всякой платы как за домовое, амбарное и прочее строение. И по сие время никакой платы не получали. И во время тех работ, если кто из них для отдохновения... сойдет, то оной священник бьёт их.

2. Так каждое лето, когда приспеет сенокос, тогда священник пришлет к ним, ясашным, нарочного из остяков чтоб ехать всем с детьми и женами к церкви для исповеди и святого причастия, и по приезде к церкви вместо исповеди загонит их на луга для ставки сена и оные оставляют свои юрты без всякого призрения. В которое время в их месте бывают рыбные промыслы, в которое самое промышленное время они им священником Кайдаловым удержаны бывают на его сенокосной работе долговремянно. От чего в промысле в пищу себе рыбы в зимнее время в случившия голоды как сами так жены и дети их претерпевают немалую нужду»[447].

Проведенное расследование оправдало священника Я. Кайдалова, а сами «инородцы» сообщили, что жаловались на него «не от чего иного, как от случившегося между ними несогласия» и «по легкомыслию нашему». Тем не менее, мы не можем сказать, что за этой жалобой стояла не более чем фантазия обиженных новокрещеных. Вероятно, какие-то неблаговидные факты, подобные описанным в жалобе, все-таки случались, и соответственно священник мог использовать свое служебное положение

[446] Сургутский уезд... С. 318.

[447] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 1206. Л. 1а–1а об.

для эксплуатации «инородцев». Но у нас нет сведений о широкой распространенности такой практики.

В целом же, в источниках отсутствуют данные о том, что участие духовенства в различных промыслах было регулярным и приносило достаточный доход. Скорее всего, это было не более чем естественное в тех условиях подспорье в получении необходимого минимума жизненных припасов. По замечанию протоиерея П. Попова, инспектировавшего приходы Тобольского Севера в 1882 г., «по необеспеченности духовенства, вынужденного заниматься промыслами подобно инородцам, оно всецело предано приобретению насущного хлеба»[448]. Он же отмечал, что тяжелые условия жизни, недостаточность казенного содержания вынуждают духовенство заниматься промыслами и торговлей, «иначе ему грозит крайняя бедность и гибельные ее следствия для семейства его»[449].

По нашему мнению, на духовенство в этом отношении влияли сравнительная легкость получения рыбы при приложении небольших усилий, а также то обстоятельство, что рыбодобыча являлась едва ли не самым распространенным занятием среди русскоязычного населения края. Далеко не все дети церковнослужителей шли по пути своих отцов. Некоторые, не получая надлежащего образования или же по личному выбору покидали свое сословие, поступали в общества березовских или сургутских мещан и крестьян.

Земледелие. Во многих православных приходах Европейской России, не находящихся на казенном содержании, основным источником обеспечения духовенства была сенокосная и пахотная земля, выделяемая в пользование причту в размере 30 дес. пашни и 3 дес. сенокоса[450]. На Тобольском Севере ситуация была совершенно иной. Приходские церкви здесь не имели своей земли, как отмечалось в одной из ведомостей, «по неспособности таковой к плодородию от суровости северного края»[451]. По отзывам сургутского благочинного, «в здешнем крае, почти вся удобная земля для хлебопашества, которая на расчищенной земле производится», возделывается с большим трудом и едва вознаграждает затраты[452].

---

[448] Из истории Обдорской миссии... С. 149.

[449] Сургутский уезд... С. 335.

[450] ПСЗРИ. 1-е. Т. XXV. № 18316.

[451] Православные приходы Березовского края... С. 366.

[452] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 10. Л. 209 об.

Однако опыты по приобщению местного населения к культуре земледелия все же предпринимались. Причем определенную роль в этом новом для края деле играло духовенство. В середине XIX в. высказываются предложения о своего рода «диверсификации» экономики Тобольского Севера за счет развития хлебопашества, что должно было отчасти решить проблему с завозом продовольствия, приобщения коренного населения к более «передовой» русской системе хозяйствования. О том, что обеспечение хлебом северного края периодически вызывало большие затруднения, свидетельствуют замечания, высказанные гражданскими губернаторами А.М. Корниловым[453] и В.А. Тройницким[454] по итогам их поездок на Тобольский Север.

Инициатором в этом вопросе выступили центральная и губернская власти. Указом Св. Синода 1841 г. через ТДК направляется предложение министра государственных имуществ П.Д. Киселева о необходимости приглашать «поселян» к посеву картофеля «как овоща, который менее прочих подвержен влиянию засухи и в случае неурожая хлеба доставляет здоровую пищу»[455]. О принятой правительством мере к распространению этой огородной культуры сообщалось через духовные правления всем причтам Березовского края. Духовенству консистория предписала не только довести до сведения прихожан всю «очевидную пользу» от разведения картофеля, но и «внушением и собственным примером содействовать приведению сей меры в исполнение»[456]. «Ревностным в сельскохозяйственных успехах» государь, «пекущийся о благе своих верноподданных.., соизволил назначить особые премии в 15–20 рублей серебром»[457].

Помимо этого, тобольский губернатор предложил раздавать желающим безвозмездно участки для производства опытов по выращиванию хлеба, а также выделил 60 руб. на закупку семян. Лиц, которые могли бы воспользоваться данным предложением, в крае было не очень много. Поэтому командир Тобольского пешего казачьего батальона в 1856 г. предложил сургутскому благочинному священнику Василию Кайдалову «пригласить церков-

---

[453] Корнилов А.М. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 69–70, 79, 88.

[454] Из записок тобольского губернатора В.А. Тройницкого «Неурожай в Тобольской губернии 1891 года» // Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 361–368.

[455] ГБУТО ГА. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 17. Л. 41–43, 114.

[456] Там же. Л. 43.

[457] Там же. Л. 114.

нослужителей, находящихся при вашей церкви, не пожелает ли кто заняться хлебопашеством и кто именно и на каких местах. И этот ответ доставить им истинное благодеяние краю и подражатели не останутся без поощрения»[458].

Сам В.А. Кайдалов еще в 1851–1853 гг. производил опытные посадки зерновых вблизи Сургута. В течение нескольких лет он засевал небольшие площади ячменем, овсом, льном и коноплей, получая удовлетворительные урожаи. За успешные земледельческие опыты он получил благодарность от Русского Императорского географического общества, а в 1861 г. был награжден малой золотой медалью Вольного экономического общества. Однако пионером сельскохозяйственного освоения Севера, без всякого сомнения, следует признать настоятеля Богоявленской церкви с. Юган Сургутского уезда Ивана Яковлевича Тверитина (1806 – после 1885 гг.). Впервые посев ячменя в своем огороде священник произвел в 1854 г. На следующий год И.Я. Тверитин расчистил S десятины леса и засеял их под пашню различными зерновыми культурами: ячменем, овсом, рожью, пшеницей, гречихой. Израсходовав 6 пудов зерна, священник собрал урожай в 120 пудов. Тщательные наблюдения и многолетние эксперименты позволили И.Я. Тверитину сделать вывод, что в районе с. Юган целесообразно выращивать только озимые, в первую очередь рожь. Были установлены оптимальные сроки засева и сбора зерновых, агротехнические приемы и орудия труда. Помимо расширения пашни, увеличившейся к 1867 г. до 14 десятин, священник построил в Югане мельницу, овин. С 1859 г. И.Я. Тверитин производил опытные посадки картофеля, к концу XIX – началу XX в. ставшего основной огородной культурой края. В голодные годы юганский священник продавал скопившиеся у него запасы хлеба по цене вдвое ниже рыночной, а затем и вовсе раздавал выращенное им зерно бесплатно. «Из этой ржи инородцы, как и из муки, приготовляли для себя пищу кашу, по слову их называемую “бурдук”, единственную пищу употребляемую ими во всякое время голода», – отмечалось в переписке генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта[459]. Кроме того, И.Я. Тверитин держал до 10 коров и 10 лошадей, варил мыло.

Отчеты о своих сельскохозяйственных опытах он отсылал в научные журналы – «Труды Вольного экономического общества», «Вестник Императорского Русского географического общества». Деятельность И.Я. Тверитина вызвала большой интерес и

---

458 ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 155 об.

459 ГБУТО ГА. Ф. И-152. Оп. 39. Д. 74. Л. 26.

обратила на себя внимание. Он был удостоен шести медалей четырех научных обществ, являлся членом-корреспондентом Вольного экономического общества (с 1856 г.), Императорского Русского географического общества (с 1869 г.), действительным членом Казанского экономического общества (с 1864 г.), участником всероссийских сельскохозяйственных и политехнической выставок 1860 и 1864 гг.[460]

Впрочем, при всем уважении к юганскому настоятелю, полевыми работами занимался не он лично, а привлекал своих прихожан. Вот как об этом вспоминал спустя годы один из односельчан: «В то время священник здесь был словно князь в княжестве: что захочет, то и делает. Весною он собирал остяков, и они под его руководством по нескольку недель бесплатно обрабатывали поле; в жатву – то же самое; осенью – опять работа. И так в продолжении нескольких лет. Народ начал роптать. Было донесено по начальству – хлебопашец-пастырь получил такую головомойку, что чуть ли не совсем забросил хлебопашество»[461].

Выращивание зерновых не получило в тот период распространения на Тобольском Севере. Местному населению было вполне достаточно продукции традиционных промыслов. Да и далеко не всегда возможно насильно ввести даже самое благое начинание. Сам юганский священник с середины 1870-х гг. оставил занятие хлебопашеством «по глубокой старости»[462].

Этот пример показывает, помимо всего прочего, какую огромную роль играла личность настоятеля. Даже в отдаленных селениях можно было развернуть активную хозяйственную деятельность и добиться значительных успехов как в собственном обеспечении, так и в благоустройстве храма. При этом в те же годы в Сургуте, где, казалось бы, имелись гораздо более благоприятные возможности для безбедного существования, по свидетельству протоиерея П. Попова, «церковный дом ветх и малопоместителен, и холоден, что, по словам сургутского причта, нет возможности жить в нем одному семейству, без бани, без анбаров, с полуразвалившимися скотскими службами...»[463]. Причиной такого бедственного положения называется неумение настоя-

---

[460] Тверитин И.Я. Священник-хлебороб / Сост. Ю.А. Белоножко, ред. В.К. Белобородов. Шадринск, 1993.

[461] Дмитриев-Садовников Г.М. Версты и строки / Ред.-сост. В.К. Белобородов. Екатеринбург, 1998. С. 146.

[462] Из истории Обдорской миссии.... С. 130.

[463] Там же.

теля наладить взаимоотношения с прихожанами, а по нашему мнению, также недостаток деловых качеств у священника.

Более успешной следует признать земледельческие опыты насельниц Кондинского свято-Троицкого монастыря. Исследователь Севера и путешественник, писатель К.Д. Носилов, побывавший здесь летом 1894 г., указывал, что «в огородах росли картофель, репа, редька, капуста, огурцы (в парнике), морковь, но, видимо, северное короткое лето не позволяло этим овощам расти тут как следует, хотя некоторые из них, например, картофель, могут произрастать и на этой широте и служить местному населению громадным подспорьем. Монастырь для образца и для опыта сеет даже понемногу ржи, овса и ячменя. Рожь родится удовлетворительно ежегодно, но овес и ячмень только годами и при том требует себе непременно только южный склон, защищенный от северного ветра»[464].

В целом же хозяйственная деятельность женской общины Кондинского монастыря, существовавшей с 1891 г. по 1924 г., отличалась относительным разнообразием в сравнении с представителями белого духовенства. В монастыре были устроены кирпичные сараи, где нанятыми мастерами выделывался кирпич за плату от общины по 8 руб. за тысячу, а продавался закупщикам по цене от 13 до 15 руб.[465], доход от его реализации, в основном на печное строительство, составил в 1904 г. 129 руб. Использовался и такой специфический способ получения средств, как продажа места для могил в ограде монастыря[466]. В 1913 г. 30 руб. поступило от Екатеринбургской обсерватории «за наблюдения» (вероятно, погодные)[467]. Монахини сдавали в аренду принадлежавшие им рыболовные угодья (размер получаемых ежегодно сумм возрос с 25 руб. в начале 1890-х гг. до 380 руб. во второй половине 1900-х гг.)[468], продавали собственные «рукоделия», излишки молока и масла. Однако подобную практику следует признать все-таки исключением, чем правилом для Тобольского Севера.

---

[464] Носилов К. Кондинский монастырь и его миссионерская деятельность // Православный благовестник. М., 1898. Т. II. № 12 (июнь). Кн. 2. С. 169.

[465] Там же. Д. 89. Л. 5.

[466] Там же. Ф. И-197. Оп.2. Д. 24. Л. 34.

[467] Там же. Д. 37. Л. 24 об.

[468] ГБУТО ГА. Ф. И-197. Оп. 1. Д. 82. Л. 14 об.; Д. 115. Л. 13 об., 24 об.; Ф. И-156. Оп. 18. Д. 638.

Несмотря на предпринимаемые попытки заниматься различными видами хозяйственной деятельности, уровень жизни духовенства оставался весьма невысоким. Еще по приговору Сената от 8 марта 1721 г. церквям Тобольского Севера было определено денежное и хлебное жалованье. Духовенство получало в год следующее вознаграждение от казны: священник по 10 руб. и 7 юфтей хлеба (т. е. по 7 четвертей ржи и овса); дьячок – 5 руб. и 5 юфтей хлеба, 3 пуда соли; пономарь – 3 руб., 4 юфти хлеба, 2 пуда соли[469]. Однако казенные выплаты не отличались регулярностью. Как сообщал священник Шоркальской Спасской церкви, «а денежного жалованья на прошлой [1]739 [1]741 и на сеи [1]742 год и хлебного на [1]738 [1]739 [1]741 и на сей же [1]742 год мне нижеименованному и с причетники не дано. Тако ж и церковных треб на [1]741 и на сей [1]742 годы ко оной церкви не дано ж»[470]. Длительные невыплаты жалованья происходили и в 1730-е гг.[471]

С 1786 г. руга повсеместно стала денежной. Хлеб и прочие припасы были пересчитаны в рубли, в результате чего ежегодные поступления из казны составляли 39 руб. 62 коп. на весь причт в сельской местности и 56 руб. 32,5 коп. в городе[472]. По «Ведомости о церквах» за 1806 г. размер жалованья священника на Тобольском Севере составлял 10 руб. (и дополнительно 13,44–16,8 руб. в зависимости от прихода «хлебных денег»), дьякона – 4 руб. (5,22–7,2 руб. «хлебных денег»), пономаря – 3 руб. (5,22–7,2 руб. «хлебных денег»)[473].

В дальнейшем пошли по пути постепенного увеличения причтам казенного содержания. С 1830 г. на основании Указа императора от 11 января 1828 г.[474] размер жалованья для священно- и церковнослужителей Тобольского Севера был определен в 400–500 руб. в год ассигнациями (т. е. около 114–140 руб. серебром по тогдашнему курсу) на причт[475].

---

[469] Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / Сост. С.А. Белобородов, Н.А. Мудрова, А.В. Полетаев и др. Екатеринбург, 2003. С. 409–410.

[470] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

[471] См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 18. Д. 42.

[472] Книжные сокровища Югры... С. 435.

[473] РГИА. Ф. 796. Оп. 87. Д. 846. Л. 19–59.

[474] ПСЗРИ. 2-е. Т. IV. № 3323.

[475] Материалы по истории православных церквей Среднего Приобья // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Нижневартовск, 1998. Вып. I. С. 157.

С 1 января 1873 г. «на возвышение» окладов причтам Березовского округа всем псаломщикам установили жалованье в размере 120 руб., а настоятелям приходских церквей – 360 руб. в год[476]. Эта возможность появилась в связи с тем, что по новому расписанию штаты малолюдных приходов, к числу которых относились и северные, сократили до двух человек: священника и псаломщика. Тем не менее, как отмечал преосвященный Тобольский Ефрем (Рязанов) в отчете за 1873 г., хотя жалованье увеличилось по 17 приходам Березовского края, священники жаловались, что и с этой прибавкой не могут удовлетворить свои потребности, т. к. «им приходится по трудным местным обстоятельствам покупать разом на значительную сумму в запасе хлеб и все другие припасы и принадлежности хозяйственные во время кратковременного летнего судоходства»[477]. Такая же ситуация складывалась и по епархии в целом. Как показал разбор дел умерших священно- и церковнослужителей за 1873 г., лишь один оставил имущества более 350 руб., а большинство же – от 16 до 100 руб. «и человек по пять детей (у одного 8) без собственного угла и куска хлеба на призрение Епархиального Попечительства о бедных духовного звания»[478]. Поэтому приведенные выше примеры торговой и хозяйственной деятельности не следует связывать исключительно со стяжательством духовенства, это была забота о собственном выживании.

Как показывают путевые журналы протоиерея П. Попова, занимавшегося обозрением церквей Березовского и Сургутского уездов в начале 1880-х гг., бедно жила значительная часть духовенства, особенно церковнослужители[479]. По данным отчета Березовского благочинного за первую половину 1884 г., «в материальном отношении духовенство – особенно сельское – мало обеспечено, живет бедно и находится в долгах, по случаю общей бедности прихожан, большинство которых составляют инородцы»[480].

О тяжелом положении церковнослужителей говорит фрагмент рапорта священника Ларьякской церкви Е. Словцова от 1 апреля 1885 г., посвященный псаломщику В. Вергунову, который, имея семерых детей и скудное содержание, лишен возмож-

---

[476] Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора ... за 1873 год. СПб., 1874. С. 200.

[477] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 554. Л. 15 об.–16.

[478] Там же. Л. 16.

[479] См., напр.: Сургутский уезд... С. 308–341.

[480] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1410. Л. 51–52 об.

ности получить в кредит хлеба ни от инородной управы, ни от русских торговцев: «Содержание от казны причту Ларьякской церкви по отдаленности прихода Ларьякского от Березовского окружного казначейства и неудобства путей сообщения всегда поступает несвоевременно и причт не может за неимением средств запастись хлебной мукой, продаваемой с пароходов, и просит наше епархиальное начальство походатайствовать перед гражданским начальством о дозволении Ларьякскому причту... пользоваться мукой в долг под расписку в счет их содержания из Ларьякского хлебозапасного магазина, – дабы избавить бедствующих от голода, – последствием коего может быть и неминуемая смерть»[481].

В конце XIX в., Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 23 апреля 1893 г. содержание духовенства наиболее бедных «инородческих» приходов Тобольского Севера возросло до 600 руб. в год для священника и 200 руб. для псаломщика[482]. Соответственно, суммарное жалованье причта за 70 лет выросло примерно в 5,7 раза в номинальном выражении.

В целом же общий курс государственной политики в деле финансового обеспечения северного духовенства заключался в постепенном наращивании размеров казенных денежных субсидий при одновременном ограничении возможностей получения доходов от «посторонних» занятий. Эти дополнительные виды деятельности, не всегда сочетавшиеся с образом заботливого пастыря, не только помогали выжить, но и оказывали определенное прямое или опосредованное воздействие на самих прихожан – «инородцев».

Помимо забот духовенства о собственном благополучии, необходимо указать и на другие направления их финансово-хозяйственной деятельности, связанные с функционированием прихода и выполнением основных задач, стоящих перед Русской православной церковью. В частности, следует отметить участие духовенства в *распределении сумм духовных завещаний* на реализацию общественно значимых для региона проектов. Речь в данном случае идет об использовании средств, завещанных состоятельными жителями Тобольского Севера, в первую очередь купцами и чиновниками, «на помин души». Такого рода практика со времен принятия христианства, как известно, имела широкое распространение.

---

[481] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22. Л. 86 об.

[482] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 3039. Л. 143, 145–145 об., 168.

Так, по завещанию казачьей вдовы А.К. Буториной все ее имущество должно было быть использовано для строительства в г. Березове кладбищенской церкви во имя св. Александра Невского. Одних только вкладов в банк ею и ее покойным мужем было оставлено на 20 тыс. руб., а вся собственность оценивалась в 50 тыс. руб.[483] После многолетнего обсуждения принимается решение использовать средства не для возведения храма (в небольшом городе с численностью населения менее 2 тыс. человек их и так имелось уже два), а для строительства каменного здания школы для девочек с домовой церковью при ней. Работы были завершены к 1906 г., после чего на Тобольском Севере появилось первое педагогическое учебное заведение, предназначенное для подготовки учителей начальных школ.

В 1874 г. на строительство Обдорской церкви по духовному завещанию «березовской купеческой вдовы» М.И. Чечуровой была выделена 1 тыс. руб.[484] В 1900 г. по завещанию купца Ф.Н. Карпова на строительство каменного собора в Березове передается 12 тыс. руб. и еще более 10 тыс. руб. – другим храмам благочиния, а также Обдорской миссии[485]. «На благоустроение Сургутских церквей» жертвуется в 1890-е гг. 1 тыс. руб. мещанином П. Тычинским[486].

Отмечаются случаи, когда наследниками объявлялись дети завещателя с оговоркой, что при отсутствии у последних прямых потомков деньги должны поступить в распоряжение приходской церкви[487].

Жертвоваться могли не только значительные суммы, но и сравнительно небольшое по стоимости имущество. Так, Воскресенский собор г. Березова получил от умершего мещанина И. Кладовикова два ружейных ствола, одно ружье кремневое, медный чайник, шесть ветхих сетей, поношенный халат[488]. В любом случае следовало правильно распорядиться полученным имуществом в соответствии с волей дарителей и интересами прихода. Членами причта составлялись описи завещанного, при

---

[483] Православные приходы Березовского края... С. 119–120, 198.

[484] Из истории Обдорской миссии.... С. 108.

[485] Православные приходы Березовского края... С. 220–221.

[486] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22. Л. 91.

[487] Православные приходы Березовского края... С. 209–210.

[488] Метрическое свидетельство о рождении и крещении в 1875 г. мещанского сына С. Михайлова // Православные приходы Березовского края... С. 114.

содействии благочинного организовывались торги по продаже полученных вещей и недвижимости, капиталы обращались в ценные бумаги, проценты с которых шли на приходские нужды.

Еще одно направление финансовой деятельности причтов – *проведение сборов* на религиозные или общественно-политические нужды. В данном отношении стоит согласиться с мнением А.Л. Беглова, считавшего, что «для государства приходской священник выступал как фискальный агент и чиновник низшего уровня, без всякого жалования вынужденный вести в интересах разных ведомств огромную чисто бюрократическую переписку»[489].

Средства от местного населения поступали натурой или деньгами. В частности, по всей стране в 1820-х гг. происходил сбор «на искупление пленных греков». Не остался в стороне и Тобольский Север, о чем свидетельствует «выговор» благочинного И. Вергунова причту Сосьвинской церкви, где указывалось, что среди пожертвованных белок оказалось 24 «худых»[490]. Благотворителям предлагалось жертвовать в приказ общественного призрения «на содержание богаделен и богаделщиков» (с 1790-х гг.), а также «на бедных духовного звания» (с 1823 г.).

В дальнейшем информация о разного рода сборах занимает все больший объем в системе документооборота приходов Тобольского Севера. В пореформенный период они утрачивают натуральный характер. Получаемые от местного населения суммы, как правило, были невелики. Но в любом случае следовало сообщать о них благочинному и ТДК. Приглашение к пожертвованиям поступали не от самих обществ или Св. Синода, а из Тобольского губернского правления с благословления правящего архиерея, через окружное полицейское управление к благочинному. Никакой самодеятельности в этом вопросе не предполагалось. Специальным указом ТДК предписывалось не допускать «не разрешенных начальством и не установленных законом в пользу церквей сборов»[491].

Из постоянных сборов следует отметить такие, как: в пользу храма Гроба Господня (с 1830 г.), на улучшение быта православных паломников в Палестине (с 1858 г.), на возобновление православия на Кавказе (с 1860 г.), на устройство церквей и школ в

---

[489] Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX вв. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской православной церкви. 2014. Вып. 2(57). С. 79.

[490] Православные приходы Березовского края... С. 241.

[491] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

западных губерниях (с 1863 г., с 1895 г. – на сооружение и содержание беднейших православных церквей империи), на распространение православия между язычниками (с 1864 г.), на духовно-учебные заведения (мужские и женские епархиальные училища) (с 1860-х гг.).

Помимо постоянных, были и экстраординарные сборы, например: «Государь император по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел 16 января 1870 г высочайше соизволил на открытие по империи подписки для сбора добровольных пожертвований на сооружение в Киеве памятника Богдану Хмельницкому»; «на сооружение в Смоленске памятника композитору Михаилу Ивановичу Глинке»[492]; «при Пустынском Свято Успенском монастыре Могилевской епархии учреждено православное Братство, с целью содействия распространению христианского просвещения, [просим] принять участие в посильных пожертвованиях»[493] и т. п. Об этих поступлениях ежегодно сообщалось в текущей отчетности настоятеля. Размер приходов и бедность прихожан не давали возможности собирать значительные суммы на «второстепенные» цели, малопонятные населению. Как отмечалось в одном из отчетов Сургутского благочинного, «прочих сборов по вверенному мне благочинью, хотя и есть на означенный предмет кружки, но по бедности прихожан нет жертвователей, даже скудный сбор кружечный и кошельковый»[494].

Общей тенденцией был рост числа сборов на епархиальные нужды и в пользу различных благотворительных организаций. Среди них можно указать сборы: на миссию Русской православной церкви в Японии (с 1874 г.), в пользу Российского общества Красного Креста (с 1876 г.), в пользу церковно-приходских школ (с 1886 г.), в пользу «Белого креста» (созданная в 1880 г. в Петербурге благотворительная организация, оказывавшая помощь нуждающимся семействам воинов, потерявших здоровье на службе), пострадавшим от неурожая (1891–1892 гг.), в пользу Тобольского епархиального Братства св. вмч. Дмитрия Солунского (с 1880-х гг.), «на братство во имя Царицы Небесной на призрение припадочных и умалишенных детей» (создано в Петербурге в 1900 г. под покровительством императрицы Александры Федоровны), в пользу общества спасения утопающих (с 1891 г.), на сооружение храма в Москве в память освобождения от крепостной зависимости (с 1896 г.) и др.

---

[492] Там же. Д. 13. Л. 282–283, 284–285 об.

[493] Там же. Л. 235–236.

[494] Там же. Л. 164.

Так, если в 1856 г. Сургутскому благочинному были отправлены лишь два напоминания от ТДК о кружечных сборах в пользу Попечительства о бедных духовного звания[495], то в 1903 и 1906 гг. «приглашений к пожертвованиям» насчитывалось более 20 за год[496]. Многие общецерковные сборы (тарелочные и кружечные: на миссионерские нужды, в пользу Иерусалимской церкви Гроба Господня, на сооружение и содержание беднейших православных церквей империи и др.) были ежегодными и проводились в определенные дни церковного календаря, о чем епархиальные власти заранее напоминали благочинному.

Об общих размерах сборов можно судить по данным приведенной ниже таблицы.

Таблица 2

Пожертвования, собранные в сельских церквях Сургутского уезда в 1892 г. (в руб.)

Церкви / виды пожертвований	1	2	3	4	5	6	7	8	Всего
Ваховская	–	2,18	4,12	–	–	8,43	–	1,14	15,87
Юганская	3,02	0,66	0,73	0,5	3,35	16,35	0,25	0,35	25,21
Нижне-Лумпокольская	–	6,77	6,52	–	1,2	17,1	–	1,55	33,14
Верхне-Лумпокольская	–	4,87	3,13	–	0,3	15	–	0,35	23,65
Ларьякская	–	0,5	1,1	0,4		13,25	–	0,26	15,51
Всего	3,02	14,98	15,6	0,9	4,85	70,13	0,25	3,65	113,38

1 – на Епархиальное Попечительство бедных духовного звания; 2 – на ЦПШ; 3 – пострадавшим от неурожая; 4 – на Братство св. вмч. Дмитрия Солунского; 5 – на распространение православия между язычниками; 6 – на Тобольские епархиальные училища; 7 – на Японскую миссию; 8 – в пользу православных Св. Земли

Таким образом, размеры сборов были небольшими, тем не менее, по самому незначительному поступлению священнику следовало предоставлять необходимую отчетность. Эти суммы считались «переходящими». Более существенными являлись «церков-

[495] Там же. Д. 1. Л. 11 об., 149–150.

[496] См., напр.: ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 20. Л. 16–16 об.; Д. 25. Л. 5, 7, 10, 36, 40–41, 93, 98–98 об.; Д. 26. Л. 20, 23–23 об., 63, 85, 123–130.

ные суммы» и «капиталы, предназначенные в пользу причта». Разумеется, основными должны были являться пожертвования, выделяемые на саму церковь. Например, в 1886 г. от березовского купца А.П. Чечурова поступил «вечный вклад» на сумму 4 975 руб. на содержание Обдорской Петро-Павловской церкви[497]. В 1884 г. на эту же церковь поступили «10 000 рублей от крестьянина Астафьева и 1 500 рублей, пожертвованные потомственным почетным гражданином Александром Михайловичем Сибиряковым»[498].

В основном же значительные суммы собирались тогда, когда возникала необходимость ремонта или перестройки храма. Если первые храмы, воздвигнутые вскоре после массового крещения «инородцев» Филофеем Лещинским, возводились за казенный счет, то в дальнейшем забота об их поддержании в надлежащем виде, украшение и перестройка ложились почти исключительно на самих прихожан или же частных благотворителей (см. раздел 2, гл. 2). «В селе Шеркальском в новой церкви в главном приделе (Спасском) не сделаны еще иконостас по неимению средств, – сообщал в отчете за вторую половину 1889 г. Березовский благочинный, – на что впрочем в настоящее время продолжается сбор пожертвований по выданному мною подписному листу и как мне известно, пожертвований собрано уже до 600 рублей, что с церковным капиталом составит до 2 000 руб. – сумму достаточную на постройку однопридельного иконостаса»[499].

Иногда жертвовались не деньги, а материалы, утварь. Так, на обивку внутренних стен Нижне-Лумпокольской церкви по сведениям на 1884 г. разными лицами было выделено около 400 аршин холста[500]. Для Нижне-Лумпокольской церкви крестьянин с. Тундринского Г. Силин приобрел колокол весом 11 пуд. 28 ф. стоимостью 500 руб.[501] Тот же А.П. Чечуров в 1873 г. в Обдорскую Петропавловскую церковь пожертвовал колокол в 101 пуд. 8 ф., стоимостью с доставкой 1 900 руб. серебром[502]. Благотворители передавали также священнические облачения, иконы (иногда целые иконостасы, как это сделали ирбитские купцы Василий и Иван Зыряновы для Николаевской церкви

---

497 ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 38. Л. 13.

498 Там же. Оп. 11. Д. 1410. Л. 51–52 об.

499 Там же. Д. 1523. Л. 333.

500 Там же. Д. 1410. Л. 10–13а об.

501 ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 22. Л. 223.

502 РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 554. Л. 23.

с. Чемашевского, истратив 1 500 руб. серебром), оклады, отдельные предметы для богослужений. Все это требовало тщательного учета со стороны причта, внесение в приходно-расходные книги и другие документы.

Для дополнительного обеспечения членов причта предусматривались кружечные сборы. Например, в Сургуте такая кружка была помещена на паперти, на ней имелась надпись: «В пользу причта градо-Сургутской церкви». Эти доходы делились в соответствии с установленными правилами по определенной пропорции между членами причта.

Впрочем, суммы в сельских храмах Тобольского Севера собирались не очень значительные. В начале 90-х гг. XVIII в. в Юганском и Ваховском приходах Сургутского заказа ежегодно поступало дохода от 13 руб. до 26 руб., в то время как в Сургутских городских церквях они могли измеряться сотнями рублей[503].

По нашим подсчетам, в начале XIX в. средний доход одной сельской церкви Тобольского Севера (без учета жалованья) составлял около 27 руб. в год (для сравнения – в двух Омских церквях он достигал 450 и 460 руб. соответственно)[504]. Никакими денежными накоплениями сельские церкви в этот период не обладали. Однако уже к началу 1880-х гг., как следует из рапортов протоиерея П. Попова, инспектировавшего церкви Березовского и Сургутского уездов, «капиталами наличными и в билетах, хотя и не на значительную сумму, все церкви обеспечены, а некоторые весьма значительными, как Обдорская, более сорока тремя с лишком тысячами, Сургутская до 3 500 р., Кондинский монастырь свыше 8 000 рублей, Березовские церкви обе до 4 600 рублей», Юганская – до 3 500 руб., Шеркальская – 2 730 руб., Чемашевская – 1 100 руб., Мужевская – около 900 руб., Ларьякская – около 700 руб. и др.[505] Как «очень бедная» деньгами отмечена Полноватская церковь, имевшая 238 руб. наличными и билетами[506]. В среднем же в Тобольской епархии размер ежегодных пожертвований (включая «доходы от имений») на одну церковь составлял в 1840 г. – около 98 руб., в 1873 г. – около 296 руб.[507].

---

[503] См.: ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 16. Д. 75. Л. 4.

[504] Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 87. Д. 846.

[505] Из истории Обдорской миссии... С. 121, 130, 139, 151; Сургутский уезд... С. 322; ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1410. Л. 10–13а об.

[506] Из истории Обдорской миссии... С. 140.

[507] Подсчитано по: Извлечение из отчета обер-прокурора святейшего синода за 1840 год. СПб., 1841. Приложение. С. 10–11, 94–95; Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора святейшего синода

С развитием кредитно-финансовой системы в нашей стране накапливаемые в приходах деньги направлялись в банки (как государственные, так и частные). Обязательной становится страховка церковных построек от пожаров. Уже в середине XIX в. содержатся упоминания о переводе средств в Московскую сохранную казну[508]. В пореформенный период предпочтение отдавалось банковским структурам. В некоторых случаях финансовой грамотности духовенству приходилось учиться на собственном горьком опыте, как, впрочем, и многим другим жителям России. В 1882 г. Сургутская Троицкая церковь лишилась 4 тыс. руб., вложенных причтом в небезызвестный Скопинский банк – прообраз финансовых пирамид конца XX в.[509] В дальнейшем практика внесения церковных денег в частные кредитные учреждения была прекращена, средства хранились в отделениях государственных банков.

К основным обязанностям приходского духовенства следует отнести проведение «свечных операций», т. к. продажа свеч являлась для них важнейшим источником дохода. «Если свечной сбор по епархии принять за доказательство усердия или холодности к Богослужениям, то таковой сбор по Тобольской епархии за отчетный год составил чистой прибыли до 50 тыс. руб.»[510] – писал в отчете за 1873 г. преосвященный Тобольский и Сибирский Ефрем (Рязанов).

Данный вопрос можно рассмотреть на примере Ларьякской Знаменской церкви. Свечи приобретались причтом частью в Иоанно-Введенском монастыре, частью на Ирбитской ярмарке. Последние были дешевле и считались лучшего качества. Ежегодно в 1830-е гг. их закупалось в Ларьякском приходе от 0,5 до 1 пуда[511] (8–16 кг), в пореформенный период уже от 3,5 до 5 пудов (56–80 кг), в начале XX в. – более 6 пудов в год. В 1888 г. за счет продажи свеч Ларьякский причт выручил 147,2 руб. Из этой суммы около 1% отчислялось на содержание Тобольского мужского духовного училища[512].

графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1873 год. СПб., 1874. Приложения. С. 16–17, 124–125;

[508] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

[509] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 56–63 об.

[510] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 554. Л. 20 об.

[511] КУ ГАЮ. ЦФ. Оп. 6. Д. 13. Л. Б.н.

[512] Ведомость об отчислении вырученных от продажи свеч и восковых огарков в 1888 году денег на содержание Тобольского духовного училища в 1891 году, составленная училищным Съездом духовенства // ТЕВ. 1891. № 1–2. С. 22–29.

Еще один источник финансовых поступлений – *оплата за требы*. Как известно, эта плата оставалась одной из важнейших статей доходов причта, «ибо она была твердой и обязательной, тогда как размеры добровольных пожертвований сильно колебались в зависимости от времени, места обычаев и обеспеченности прихожан»[513]. Изначально ее размеры не устанавливались и определялись на основе личной договоренности в каждом конкретном случае. Никаких расценок не существовало, что превращало соглашение в некое подобие торговой сделки. Чтобы пресечь «домогательства» духовенства Сенатом в 1765 г. были введены твердые цены: крещение и погребение младенца – 3 коп., молитва родильнице – 2 коп., венчание и погребение взрослых – 10 коп. Строго запрещается превышать положенные нормы[514]. Впрочем, указ оказался неисполнимым, поскольку на правительственную таксу сельскому духовенству существовать было невозможно, «вымогательства» продолжились, что в полной мере касалось и Тобольского Севера.

Из-за неразвитости денежного обращения в XVIII в. в качестве вознаграждения за требы здесь принималась пушнина. Как сообщал сургутский заказчик Н. Попов в феврале 1782 г., жители Ваха и Куль-Егана жаловалось на священника Я. Кайдалова, что он берет с них за венчание по 100 белок[515]. (При стоимости белки в то время в 1–2 коп. речь могла идти, таким образом, о 1–2 руб. в переводе на денежный эквивалент. Впрочем, цена белки – одной из основных денежных единиц Тобольского Севера вплоть до начала XX в. – была подвержена колебаниям из-за лесных пожаров, опустошавших кормовую базу этого зверя, с тенденцией к возрастанию: от 2–5 коп. в начале XIX в. до 20–40 коп. в начале XX в.)[516].

В «доношении» ларьякской приходской общины от 24 декабря 1791 г. приводится еще один случай: когда осенью 1788 г. остяк Прасин сосватал у другого «ясашного» Алексея Камина дочь, священник требовал за венчание 9 соболей, выдру и шкуру медведя, а весной следующего года дополнительно просил еще 300 белок. Далеко не все аборигены имели возможность выде-

---

[513] Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Кн. XVIII. Ч. I. С. 357.

[514] ПСЗРИ. 1-е. Т. XVII. № 12378.

[515] Анисимкова М.К., Кузьмина А.С. «На священных берегах Ваха» (историко-этнографический трактат). Нижневартовск, 1999. С. 27.

[516] См.: Tsys Valery V. Barter Trade in North Western Siberia in the Late of 19th – Early 20th Centuries // Bylye Gody. 2015. Vol. 37. Is. 3. P. 595–601.

лить столь значительные средства. Поэтому «у прочих у кого дать нечего, те сосватавшие оставляют своих невест и уезжают без ничего, потому что он священник за венчание просит великую плату...»[517]. Были случаи, когда причт получал по 20, 30 или 50 белок «по собственному нашему [инородцев] желанию». Однако обычная оплата за венчание составляла в Березовском уезде в 1770-е гг. 5 белок[518].

В другом деле, касающемся венчания в январе 1814 г. настоятелем Белогорской Троицкой церкви А. Протопоповым остяка Лыгысова, указано, что священник просил за совершение обряда 5 руб., но получил один рубль деньгами и халат набойчатый стоимостью 7 руб. (сам священник оценил халат в 4 руб.) в залог. Так как халат не был выкуплен, священник его передал остяку, «чтоб он доставил за тот халат азиатскую малицу»[519].

Подобного рода дела, которые встречаются в документах фонда Тобольской духовной консистории, говорят о двойственном, в целом весьма трудном положении, в котором оказалось духовенство на Тобольском Севере. Оно в материальном плане находилось в зависимости от прихожан, в массе своей пока еще недавно принявших крещение и не готовых жертвовать средства на церковные нужды. Необходимость содержать себя и свою семью, поддерживать в надлежащем благолепии храм объективно подталкивали причт оказывать определенное давление на прихожан. Этому благоприятствовали и удаленность края от административных центров, и юридическая неграмотность остяков. Получить оплату за венчание (а таковых в приходе в то время могло совершаться вряд ли более 5–10 в год) – едва ли не единственная в то время легальная возможность пополнить скудный бюджет.

Уже в 1880-е гг. оплата треб мехами ушла в далекое прошлое. Вот как об этом говорилось в одном из рапортов местного причта: «Беличьих шкур в церковь приносится столько, что об них и говорить не стоит. Может быть, они и приносились, но не ныне, а в былое время»[520]. Требы оплачивались наличными деньгами. Их высокая стоимость, особенно венчания, по-прежнему была предметом недовольства. Так, например, в путевом журнале П. Попова отмечается, что «с крайним негодованием отзывались инородцы о Сартыньинском священнике Григории Пирожникове... за притязательность при требоисправлении, за

---

[517] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 4. Д. 1206. Л. 1а об.–2.

[518] Книжные сокровища Югры... С. 409–410, 423.

[519] РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 589. Л. 8–8 об.

[520] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 78.

крещение он всегда требовал будто бы не менее рубля, за брак от 7 до 15 рублей»[521]. Сходные суммы (от 7 до 14 руб.) брались за венчание и в Мало-Атлымском приходе, что также вызывало недовольство прихожан[522].

В других случаях никакой таксы за требы не устанавливалось. Как сообщал в отчете за первую половину 1889 г. Сургутский благочинный, «вымогательства какой-либо платы за браки и прочие требы причт Сургутской церкви ни в каком случае не допускает и всегда довольствуется добровольным вознаграждением за свой труд»[523]. В Ваховском (Локосовском) приходе «плата за браки назначена здесь приговором прихожан, утвержденным бывшим Высокопреосвященнейшим Архиепископом Георгием[524], 3 р., но причт получает иногда менее, а за прочие требы вознаграждения почти нет»[525]. Еще более сложной была ситуация в Ларьякском приходе. «О вознаграждениях за требоисправления нечего и говорить... отчего причт и живет очень бедно», – писал в 1884 г. настоятель прихода Е. Словцов[526]. Но из-за небольшого числа браков этот источник дохода в любом случае нигде в сельских приходах Тобольского Севера не мог быть существенным.

В полугодовых отчетах настоятель прихода обязательно информировал благочинного о состоянии и условиях хранения переходящих сумм церковного капитала, для чего следовало вести приходно-расходные книги. По указу из ТДК от 31 мая 1774 г. велено ежегодно присылать ведомость со сведениями о том, «сколько при которой церкви в котором году вступило церковной казны в приход и из оных употреблено расход, и сколько в остатках состоит на лицо»[527]. Причты подвергались «строгому внушению вести приход и расход денег своевременно, т. е. по окончании каждого месяца»[528]. Согласно «Правилам о порядке записывания приходов и расходов в церковные шнуровые книги и представления отчетных ведомостей», причт и церковный староста обязаны по окончании каждого года составлять из приходно-расходных книг «перечневые» ведомости обо всех доходах и

---

[521] Сургутский уезд... С. 330.

[522] Там же. С. 318.

[523] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 58.

[524] Георгий (Ящуржинский) (1775–1852 г.) – архиепископ Тобольский и Сибирский с 30 июня 1845 г. по 4 апреля 1852 г.

[525] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 70.

[526] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15. Л. 97 об.

[527] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 16. Д. 75. Л. 3.

[528] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

расходах по церкви и предоставлять благочинному в 2-х экземплярах: «один – полный для консистории, а другой – только о церковных собственно доходах» для передачи в Правление духовного училища «для соображений училищного съезда окружного духовенства»[529].

В целом же, как следует из рассмотрения входящей документации Сургутского благочиния за 1856 г., значительная часть поступавших от причтов бумаг (18 из 37, т. е. около 50 %) связана с решением финансовых вопросов, получением и расходом средств на приходские нужды: кружечные и кошельковые сборы, продажа свеч и др.[530] В 1903 г. ситуация существенно не изменилась. Из 138 документов, полученных Сургутским благочинным от причтов, 108 (78,3%) посвящено финансовым и хозяйственным вопросам: сбору и отправке пожертвований, ремонту храмов, выдаче жалования и пособий и др.[531]

Особое значение имело *наличие жилья* для духовенства и членов их семей. Так, по «Ведомости» церквей Тобольской епархии за 1806 г. лишь в двух храмах севера Западной Сибири – Нахрачинском и Болчаровском – священники владели собственными домами[532]. Поэтому прихожане обязывались возводить жилье для причта. Епархиальная власть иногда вынуждена была понуждать верующих к строительству. Один из таких указов был издан ТДК 30 марта 1885 г. и касался прихожан Березовской Воскресенской церкви[533].

Как правило, недвижимостью обзаводились лишь те члены причта, которые проживали на Тобольском Севере не менее двух поколений. В таком случае дома или строились своими силами (чаще) или покупались (подобное могли себе позволить, как правило, благочинные). Для остальных могло быть два варианта проживания: 1) в общественных домах, специально предназначенных для этой цели; 2) на наемных квартирах.

В последнем случае требовались «квартирные деньги». Сумма на наем жилья в конце XIX в. составляла около 5 руб. в месяц. Для дополнительных работ (ремонт ограды, строительство караульной сторожки и т. п.) приговорами прихожан могли объявляться дополнительные единовременные сборы по 1 руб. или более с души или семьи. Например, в 1893 г. среди прихожан

---

529 ГАТомО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 286. Л. 68–70.

530 Подсчитано по: ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1.

531 Подсчитано по: Там же. Д. 25.

532 РГИА. Ф. 796. Оп. 87. Д. 846. Л. 23–27.

533 Православные приходы Березовского края... С. 254–255.

Березовской Богородице-Рождественской церкви проводился сбор добровольных пожертвований «на постройку бани при доме приходского священника»[534].

Отдельно регулировались вопросы, касающиеся различных хозяйственных переделок, ремонтов, проводившихся членами причтов в общественных домах. Например, если настоятель вкладывал собственные средства в работы по благоустройству общественного здания, он мог потребовать компенсации понесенных расходов из церковных сумм.

В отдаленных «инородческих» приходах, где рассчитывать на «сознательность» верующих не приходилось, содержание причта частично ложилось на плечи государства, а население облагалось ежегодными сборами. Точнее говоря, второе дополняло первое. Так, в Няксимвольской Николаевской церкви на рубеже XIX–XX в. в дополнение к ясаку прихожане должны были выделять на приходские нужды 132 руб. трапезнику, 60 руб. просфорне и поставлять дров на 54 руб.[535] Не всегда эти требования выполнялись, что подтверждается клировой ведомостью Полноватской церкви за 1888 г.: «Дом у настоятеля от прихожан. Дом у псаломщика от прихожан, но ветхий. Прихожане дома не отапливают и не ремонтируют по беспечности и ненастойчивости местного гражданского начальства»[536].

Об изменении уровня обеспечения жильем приходского духовенства с начала XIX в. дает представление таблица 3, составленная по клировым ведомостям церквей Березовского округа за 1847 г., Березовского и Сургутского уездов за 1888 г., «Справочной книги Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г.».

Таким образом, большинство членов причта к концу рассматриваемого периода занимало дома, специально выстроенные или купленные для них прихожанами. Некоторые обзаводились своим жильем. Но, например, в Мужевском приходе от прихожан требовалось возмещение понесенных священником затрат в течение нескольких следующих после звершения постройки лет. Преобладание собственных домов в середине XIX в. – свидетельство того, что местное духовенство относилось преимущественно к представителям священнических династий, давно укорененных на Тобольском Севере. Изменения происходят в связи с повышением мобильности духовенства, размыванием его сословной замкнутости. Наличие причтовых домов, принадлежавших при

[534] Там же. С. 206.

[535] Там же. С. 224.

[536] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 38. Л. 36.

Таблица 3

Обеспеченность жильем членов причта приходских церквей Березовского и Сургутского уездов[537]

Церковь (приход)	1847 год			1888 год			1913 год		
	А	В	С	А	В	С	А	В	С
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
градо-Березовский Воскресенский собор	2	2	1	2	–	2	3	–	1
Богородице-Рождественская г. Березова	3	–	–	1	–	1	1	–	1
Мужевская Михаила Архангела	2	–	–	1	1	–	3	–	–
Кушеватская Троицкая	–	2	–	1	1	–	2	–	–
Полноватская Успенская	1	2	–	2	–	–	2	–	–
Сосвинская Рождества Христова	–	2	–	2	–	–	2	–	–
Щекуринская	Нет сведений			Нет сведений			2	–	–
Чемашевская Николаевская	–	1	1	2	–	–	2	–	–
Шеркальская Спасская	–	3	–	2	–	–	2	–	–
Мало-Атлымская	–	2	–	1	–	1	2	–	–
Ваховская Богоявленская	–	3	–	–	–	2	2	–	–
Ларьякская Знаменская	–	3	–	1	1	–	1	–	1
градо-Сургутская Троицкая	«домов собств. и казенных нет»			–	1	2	–	–	3
Юганская Богоявленская	–	3	–	1	–	1	2	–	–
Верхне-Лумпокольская Христорождественская	–	3	–	1	1	–	1	–	1
Нижне-Лумпокольская Богородице-рождественская	Не действовала			1	1	–	2	–	–

[537] Сост. по: ГБУТОГА. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 22, 38; Справочная книга Тобольской епархии на 1913. Тобольск, 1913.

Окончание табл. 3.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Обдорская Петропавловская	–	3	–	3	–	–	2	–	–
Нижне-Вартовская Сергиевская	Не существовала						2	–	–
Тундринская Пантелеймоновская	Не существовала						1	–	1
Елизаровская во имя иконы Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радость	Не существовала						1		1
Сухоруковская Духосошественская	–	3	–	Не действовала			1	–	–
село-Троицкого Троицкая	–	3	–	2	–	–	2	–	–
Няксимвольская Николаевская	Не существовала						2	–	–
Селияровская Успенская	1	2	–	Нет сведений			2	–	–

Примечание. А – причтовые дома, выстроенные прихожанами; В – собственные дома членов причта; С – частные квартиры, где проживали члены причта.

ходу, давало возможность для более оперативного перемещения духовенства, а также создавало для него в целом более комфортные условия существования в сравнении с наемными квартирами. Содержание и благоустройство храма, причтовых домов являлось общим делом для всех прихожан. Необходимость решать эти задачи служило объединяющим фактором (вместе с выплатой ясака, выполнением различных мирских повинностей).

Еще одно направление воздействия причта на прихожан связано с *назначением церковных старост*. В инородческих приходах у духовенства не было другого выхода, кроме как содействовать рекомендации на эти должности представителей коренного населения. Сам порядок назначения и характер исполняемых старостами обязанностей требовал от последних знания денежного счета, умения заполнять приходно-расходные книги и другую документацию. Так, в отдаленных от административных центров и основных мест расселения русских крестьян Ларьякском или Сосьвинском приходах раз в трехлетие на эти должности избирались ясачные остяки: Кирилла Воюптин (1812 г.), Егор Ер-

даков (1817 г.), Федор Леньтин (1821 г.), Филипп Аннахумов (1840 г.)[538] и др. Каждый раз новый староста приводился к присяге, после чего принимал по описи денежную казну и церковное имущество.

Казалось бы, в этом заключался удобный инструмент приобщения «инородческой» элиты к азам финансовой грамотности, а сами церковные старосты, как правило, выбиравшиеся из наиболее влиятельных и богатых прихожан, могли послужить удобным орудием аккультурации местного населения. Однако его правильному применению мешала позиция самого духовенства, а также, вероятно, и нежелание обременять себя дополнительными обязанностями зажиточных остяков и вогулов. Вот как об этом в 1856 г. сообщалось в записке на имя преосвященного Тобольского и Сибирского, составленной по распоряжению губернатора В.А. Арцимовича: «Выбор инородцев в церковные старосты часть из видов корысти и происходит следующим образом: когда инородцы соберутся в церковь, то священник или пономарь объявляет, что нужно избрать нового старосту. Вместе с тем... сам назначает на ту должность такого зажиточного инородца, который живет от церкви на далеком расстоянии, иногда до оной до 500 верст.

Инородцы, не имея никакого понятия о выборах, к исписанному на не понятном для них языке листу бумаги прикладывают свои тамги, заверяющие надпись, и составленный таким образом приговор представляется на утверждение в духовную консисторию. Новый церковный староста, незнающий не только счета в деньгах, потому что все инородцы большею частью занимаются меною товара на товар, а долги считают по нарезкам на кусочке дерева и ни одного русского слова, принужден оставить промысел, семейство и хозяйство и ехать в приход для постоянного там нахождения до тех пор, пока не откупится у приходского духовенства от исполнения трудной для него обязанности»[539]. Даже в начале XX в. церковные старосты – «инородцы» в отдаленных приходах, таких как Няксимвольский, оставались неграмотными и прилагали тамгу к приговору о своем избрании[540]. Траты из церковной казны находились под контролем старост, а также, при необходимости, общих собраний прихожан.

С экономикой края связана такая обязанность причта, как *информирование населения* о сдаче в аренду промысловых и сель-

---

[538] Православные приходы Березовского края... С. 44–47, 51.

[539] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 106–106 об.

[540] Православные приходы Березовского края... С. 233.

скохозяйственных угодий. Соответствующие просьбы настоятели получали через представителей светской власти – окружных исправников.

Важный вопрос, в решении которого принимало участие духовенство, – *изменение демографической ситуации в регионе и мест расселения*. Как духовными, так и светскими властями считалось, что появление православных крестьян на Тобольском Севере окажет благотворное влияние на аборигенов. Подобные мысли начинают высказываться в официальных документах уже в николаевскую эпоху. Речь в данном случае шла как о русских, так и о зырянах. Так, в рапорте преосвященного Тобольского об обозрении вверенной ему епархии в 1846 г. отмечалось, что переселение из-за Урала зырян является насущной необходимостью: «Желательно было, чтобы сею щелию (проходом через Северный Урал. – *В.Ц., О.Ц.*) прошли селиться на сторону Обдорскую зыряне, которые на то изъявили согласие... тогда бы... рассадились бы селения подобно их по рекам Ижме и Печере и тут бы процвело благочестие Ижемских зырян, у коих уже 3-й храм каменный строится... Молодые холостые самоеды научившись при постройке в том селе церкви и домов разным мастерствам и искусствам, а потом сочетавшись браком с зырянками, отличными любительницами домоводства, обзавелись собственными домами, домоводством и скотоводством, подобно зырянам»[541].

В 1856 г. Св. Синод после рассмотрения журнала Совета Главного управления Западной Сибири «по предположениям о постепенном введении образования между сибирскими инородцами и распространения между ними хотя бы некоторой гражданственности» признал нужным: «Для заведения при миссионерских станах миссии и при учрежденных из иноверцев селениях пашен и огородов, равно для обучения инородцев ремеслам, поселять в означенных местах по нескольку православных семейств, опытных в земледелии, огородничестве и ремеслах»[542].

В последующие годы, с одной стороны, шло активное переселение в Зауралье отдельных групп коми-зырян, осваивавших долину Сев. Сосьвы и прилегающие районы по Нижней Оби, с другой стороны, предпринимались попытки создания опорных пунктов русской хозяйственной колонизации на Ямале.

В 1865 г. миссионер П. Попов положил основание двум станам: 1) в 350 верстах от Обдорска на левом берегу Обской губы на Хаманеем, где была освящена закладка дома крестьянина

[541] РГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 90. Л. 2 об.

[542] Там же. Оп. 146. Д. 731. Л. 2 об.

Дмитрия Рочева, и «из разговоров с тамошними инородцами о пользе оседлой жизни видно, что пример Рочева найдет последователей из них, если он докажет на деле эту пользу». Доказать, как считал миссионер, было легко, т. к. здесь имелись «превосходные сенокосные луга, изобилие рыбы, строевой и дроворубный лес, звериный промысел»; 2) в 1 000 верст от Обдорска между Пуром и Тазом на мысу, выдающемся в Тазовскую губу, где был построен дом мещанина Михаила Мамеева[543].

В дальнейшем миссионеры периодически посещали упомянутые станы, а в своих отчетах сообщали о пригодных для оседлого заселения местах. Так, в отчете за 1867 г. упоминались новокрещеные Стефан Коновин Тямат и Стефан Тограсов Ателоко, которые «заявили желание оседло водвориться на избранном ими острову Еранподы и обучать грамоте детей своих»[544]. Тот же протоиерей П. Попов при обозрении Обдорского края в 1886 г. беседовал с инородцами на следующую тему: «Предлагал я им лучше кочевого оседлый образ жизни, знакомил их со способами устройства теплых домов и битых печей, наподобие домов русских крестьян в местах степных, объяснял им пользу разведения коров...»[545].

Однако эти попытки целенаправленного воздействия на экономическую ситуацию на территории крайнего северо-запада Сибири нельзя признать в полной мере успешными. Крошечные островки расселения отдельных русских семейств так и не стали очагами оседлости для коренных жителей и никак не повлияли на общую обстановку в крае. В то же время, опыт переселившихся за Урал зырян показал, что они не столько способствовали изменению образа жизни и хозяйства самоедов и остяков, сколько превратились для них в серьезных экономических конкурентов. Заметки путешественников конца XIX в. содержат неоднократные упоминания о хищнической эксплуатации зырянами оленьих пастбищ и вытеснении ими самоедов с постоянных мест обитания.

Таким образом, финансово-хозяйственная деятельность духовенства Тобольского Севера отличалась большим разнообразием и была обусловлена как спецификой природно-климатических условий региона, его особым географическим положением, так и необходимостью обеспечивать собственные повседневные нужды в условиях господства натурального хозяйства, сохранявшего промысловую ориентацию.

---

[543] Там же. Л. 39 об.

[544] Там же. Л. 68 об.

[545] Из истории Обдорской миссии... С. 168.

К ее особенностям следует отнести следующее.

1. Ограниченные возможности для получения дополнительных доходов. Более скромные размеры различных обязательных сборов в сравнении с более густонаселенными приходами с преобладающим русскоязычным населением юга Западной Сибири и, тем более, Центральной России.

2. Постепенное сокращение занятий, непосредственно не относящихся к профессиональной деятельности духовенства: участие в промыслах, торговле, земледелии. Вероятно, одной из причин этого являлось развитие хозяйственной специализации региона и рыночных отношений в целом. С вовлечением в рыночные отношения не было возможности и необходимости духовенству конкурировать с приезжавшими на Тобольский Север купцами и промысловиками. К тому же, более строгими становятся и требования к священно- и церковнослужителям со стороны непосредственного начальства и общественного мнения. Стремление к наживе могло восприниматься как постыдное для духовного лица, несовместимое с его моральным обликом, а наращивание государственной поддержки позволило к рубежу XIX–XX в. в значительной степени снять для духовенства остроту финансовых проблем.

3. Все большая с течением времени регламентация проводимых с участием причта хозяйственных и финансовых операций. В конечном счете, ни одно сколько-нибудь значимое действие по постройке, ремонту тех или иных церковных зданий и сооружений, организация денежных сборов не могли быть проведены без разрешения епархиального начальства. Сделать в храме дополнительную печь, отремонтировать крыльцо, насыпать на потолок земли для утепления – во всем нужно было просить разрешения, по меньшей мере, у благочинного.

4. Огромная роль личностного фактора при решении стоявших перед духовенством хозяйственных задач. С этим же фактором связана и определенная имущественная дифференциация среди приходского духовенства. Либерализация религиозной политики по отношению к сибирским «инородцам», явно наметившаяся во времена просвещенного абсолютизма и усилившаяся в последующие годы, привела к тому, что если не исчезли, то стали весьма ограниченными инструменты открытого давления на прихожан. Поэтому «инородцы» могли пренебрегать исполнением своих христианских обязанностей. Лишь наиболее активные, авторитетные, оборотистые и напористые священники имели возможность влиять на свою паству и получать теми или иными способами средства на содержание – свое и вверенного их по-

печению храма. Так или иначе для коренного населения приходской священник был представителем другого мира, носителем определенных властных атрибутов. В том числе и этим определялось его влияние на жизнь и быт аборигенов.

Глава IV
ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА МЕДИЦИНУ, КУЛЬТУРУ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Долгое время на Тобольском Севере не имелось собственных медицинских учреждений. Местному населению приходилось довольствоваться услугами шаманов, знахарей, приемами народного врачевания. Использовались различные средства, в основном растительного происхождения, практиковалась магическая обрядность.

На научную основу медицинская помощь на территории края становится в XIX в. В 1835 г. открывается больница в Сургуте, в марте 1844 г. – в Березове, а в 1895 г. – в Обдорске[546]. В некоторых волостных центрах создаются фельдшерские пункты. В первую очередь данные учреждения предназначались для коренного населения – остяков, вогулов, самоедов. Русскоязычные жители обращались к врачу или фельдшеру вплоть до начала XX в. на платной основе.

В то же время опасные эпидемии различных инфекционных заболеваний на Севере были не редкостью[547]. Высокой являлась детская смертность[548]. Поэтому в условиях крайне слабого распространения сети больниц и фельдшерских пунктов, нехватки кадров медицинских работников, государство часть практических вопросов по предупреждению, профилактике заболеваний возложило на православное духовенство. За пределами уездных центров вплоть до начала XX в. это была, пожалуй, едва ли не единственная категория населения, имевшая хотя бы начальное образование.

---

[546] ГБУТО ГА. Ф. И-152. Оп. 47. Д. 211. Л. 123, 125.

[547] ПСЗРИ. 1-е. Т. 40. № 30464. С. 447; Козлов З. Описание прихода села Мужей, Березовского уезда, Тобольской епархии // Тобольское церковное древлехранилище. Тобольск, 1903. Вып. 2. С. 57; Березовская хроника // Сибирский листок: 1901–1907. Тюмень, 2003. С. 31.

[548] См.: Внутренние известия // Сибирский листок: 1890–1894. Тюмень, 2003. С. 111–113; Цысь В.В. Нижневартовский приход в начале XX в. Ч. 2: Демографическое развитие, экономика // Западная Сибирь: История и современность: Краеведческие записки. Нижневартовск, 2011. Вып. XI. С. 112–113.

В Сибири одним из самых распространенных и массовых заболеваний в течение XVII–XVIII в. оставалась оспа. Первые успешные попытки обуздать это страшное зло связаны с вакцинацией и вариоляцией. Как известно, инициатором их внедрения являлась Екатерина II, привившая коровью оспу себе и своим внукам. С целью популяризации указанного метода борьбы с оспой на места рассылались соответствующие печатные издания, рассказывавшие о необходимости и значении прививок. Первичные медицинские знания можно было почерпнуть, в том числе, из специальной литературы. Так, в церковной описи имущества Ларьякской Знаменской церкви за 1832 г. среди книг приходской библиотеки названы две медицинские: «Способ избавиться от оспенной заразы посредством всеобщего прививания коровьей оспы» (издана в Петербурге в 1803 г. в типографии Государственной медицинской коллегии) и «Пастырское увещание о предохранительной оспе коровьей» (сочинение вологодского епископа Евгения (Болховитинова), изданное в московской синодальной типографии в 1811 г.)[549]. Последнее сочинение было признано необходимым к распространению благодаря инициативе митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия (Подобедова), который, обеспокоенный здоровьем нации, передал рукопись на рассмотрение министру полиции А.Д. Балашову со следующей просьбой: «Ежели последует Высочайшая воля, то можно будет увещевание сие напечатать в духовных типографиях и разослать по всему государству»[550].

В сентябре 1811 г. министр препроводил рукопись к обер-прокурору А.Н. Голицыну с объявлением «Высочайшей воли» на эти предложения. Св. Синод одобрил распространение «Пастырского увещевания» вологодского епископа и принял решение распространить по духовному ведомству, напечатав «в обоих синодальных типографиях гражданским шрифтом по числу церквей империи, лавр, монастырей»[551]. В свою очередь министр полиции отдал распоряжение гражданским губернаторам (в том числе и тобольскому) «о приведении в действие постановления Св. Синода», а также о контроле за ведомостями, которые должны составлять члены Оспенных комитетов «с духовной стороны»

---

[549] Опись церковному и ризничному имуществу Ларьякской Знаменской церкви Сургутского уезда // Книжные сокровища Югры... С. 440.

[550] ГБУТО ГА. Ф. И-707. Оп. 1. Д. 3. Л. 438.

[551] Там же.

в каждом губернском и уездном городе[552]. В состав Комитетов избрать из «почетнейшего духовенства», из благочинных протоиереев, после утверждения епархиальным архиереем. Последним необходимо было проследить о начале преподавания воспитанникам духовных училищ навыков привития коровьей оспы, а также составления в приходах «записей по метрикам какой именно оспы младенец умер»[553]. По решению Св. Синода «Пастырское увещевание» епископа Евгения в воскресные и праздничные дни, «не менее трех раз в году», должно было читаться священником своим прихожанам.

В октябре 1811 г. благочинный березовских церквей Иоанн Вергунов был утвержден членом березовского «Комитета предохранительной оспы», основание которого пришлось на 21 октября 1811 г.[554] В вопросах распространения медицинских знаний среди населения ему подчинялись приходские священники Тобольского Севера[555].

Духовным отцам следовало вести просветительскую работу среди местного населения, «всемерно стараясь склонять прихожан к прививанию их детей.., внушая важные пользы оной, обнаруживая ужасы, происходящие от натуральной оспы»[556]. В силу бытовавшего среди крестьян предубеждения оспу нужно было называть не «коровьей», а «предохранительной».

В 1813 г. распоряжением тобольского губернатора Ф.А. фон Брина в духовные правления были разосланы книги О.К. Каменецкого «Наставление каким образом поступать должно с больными, где нет лекарей...»[557].

Подобного рода указания о распространении первичных медицинских знаний с помощью научно-популярной литературы, а также через специально составляемые для этой цели инструкции, причты Тобольского Севера получали неоднократно[558]. В частности, в 1856 г. по резолюции преосвященного Феогноста

---

[552] Там же. Л. 439.

[553] Там же. Л. 440.

[554] Там же. Л. 441.

[555] ГБУТО ГА. Ф. И-706. Оп. 1. Д. 3. Л. 18 об.

[556] ГБУТО ГА. Ф. И-707. Оп. 1. Д. 3. Л. 441 об.

[557] Там же. Л. 376; Каменецкий О.К. Наставление, каким образом поступать должно с больными, где нет лекарей, как их содержать и какую им пищу производить должно во время продолжения болезней, и во время выздоровления от оных. СПб., 1813. 16, 8 с.

[558] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

(Лебедева) священникам Березовского округа было предписано приобрести не менее 12 экземпляров «простонародного русского лечебника» по цене 1 руб. за книгу[559].

Приходское духовенство в известной степени выполняло просветительскую работу, являясь институциональной основой формирующейся общественной самодеятельности. Оно должно было заниматься просвещением местного населения, распространением информации о том, какие предупредительные меры могут быть приняты против инфекций, а при необходимости, и оказанием первичной медицинской помощи.

В «Тобольских епархиальных ведомостях», которые выписывались в каждом приходе, публиковались инструкции по борьбе с различными заразными заболеваниями. В одной из них указывалось, что «приходские священники в церкви и при всяком удобном случае живым словом убеждения должны вразумлять своих простых прихожан, что меры, направленные в борьбе с дифтеритом и имеющие в виду сохранение здоровья и жизни детей, оправдываются учением православной церкви... Необходимо, чтобы приходские священники, как люди просвещенные и пользующиеся доверием и уважением своих прихожан, при всяком удобном случае, руководствуясь “наставлением как предохранять детей от заболевания дифтеритом”, знакомили своих прихожан с мерами предохранения детей от заражения и способами первоначальной подачи пособия заболевшим и внушали доверие к деятельности врачей и тем мерам, какие будут ими предприняты для уничтожения заразы дезинфекциею»[560].

В 1888 г. преосвященный Аврамий (Летницкий) прислал Тобольскому губернатору текст проповеди одного из сельских священников о мерах борьбы с сибирской язвой с тем, чтобы содержание было проверено и дополнено врачебной управой. Предполагалось, что духовенство «в своих поучениях внушало своим прихожанам правильные понятия о свойствах повальных болезней и о разумных мерах против них». Исправленный вариант проповеди вскоре публикуется на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей»[561].

---

[559] Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. I / Ред.-сост. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2007. С. 90.

[560] О мерах к прекращению дифтерита // ТЕВ. 1885. № 20. Отдел неофиц. С. 461.

[561] Наставление о том, что такое Сибирская язва, от чего она бывает и как предохранять и лечить лошадей и других животных (а также человека) от этой болезни // ТЕВ. 1890. № 15–16. Отдел неофиц. С. 360–371.

В одном из номеров епархиального издания за 1893 г. большая часть «неофициального отдела» посвящается борьбе с холерой. Выпускались как материалы для собеседований с народом на соответствующую тематику, так и советы по лечению заболевших до прибытия врача, сведения об использовании «летучей аптечки»[562]. Публиковались также рекомендации о сборе, хранении и употреблении лекарственных трав[563].

Таким образом, совместные медико-санитарные усилия окружной врачебной службы, оспенного комитета и причтов должны были оградить население от распространения заразных болезней.

Помимо просветительской работы на духовенство возлагался учет заболеваний. По «Уставу Медицинской Полиции» в уездных городах в оспенный комитет входил «благочинный протоиерей», а к его функциям относилось «приведение в известность в каждой губернии числа малолетних детей у коих не было еще оспы и ведением им правильного счета»[564]. По поручению Березовского окружного оспенного комитета благочинный требовал от причтов предоставления сведений о проживающих на территориях прихода «детях, в живе находящихся» по сравнению с материалами предыдущей ревизии[565], наблюдения «в отметках по метрическим книгам, какой младенец от какой оспы умер... какому младенцу, в каком селении или юртах, и каких лет привита оспа, и с каким успехом»[566].

В последующие десятилетия в полугодовых рапортах настоятели приходов заполняли «регистры о всех вновь родившихся живых и умерших, делая против имени отметки: привита ли была умершему младенцу оспа или нет»[567]. Они же докладывали о характере эпидемии, сносились с городскими властями, предупреждая о появлении «повальных и заразительных болезней»[568], составляли в двух экземплярах так называемый «оспенный ре-

---

[562] Поучение по случаю появления в нашей местности холеры // ТЕВ. 1893. № 7–8. Отдел неофиц. С. 119–122; Для народной беседы о холере // ТЕВ. 1893. № 7–8. Отдел неофиц. С. 123–129; В чем состоят холерные заболевания // ТЕВ. 1893. № 7–8. Отдел неофиц. С. 129–139.

[563] Ландышев Е., свящ. О сборе и хранении врачебных трав // ТЕВ. 1890. № 11–12. Отдел неофиц. С. 285–288; № 19–20. Отдел неофиц. С. 453–456.

[564] Свод учреждений и уставов врачебных по гражданской части // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 13. С. 170.

[565] ГБУТО ГА. Ф. И-706. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

[566] ГБУТО ГА. Ф. И-707. Оп. 1. Д. 3. Л. 441 об.

[567] Там же.

[568] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 5. Л. 87.

естр», который пересылали благочинному. Тот каждые полгода (в начале января и июня) сообщал данные во врачебную управу и оспенный комитет[569], с тем чтобы принять предупредительные меры по защите новорожденных от этой опасной инфекционной болезни, а оспопрививатели могли запастись достаточным количеством материала для своего округа[570]. В 1882 г. Березовский окружной оспенный комитет вновь предписал настоятелям церквей «каждомесячно доставлять в волостные и инородные правления списки о родившихся», а благочинным наблюдать за аккуратным исполнением этого требования[571].

В 1892 г. в Томской и Тобольской губерниях во время холерной эпидемии приходские священники по распоряжению духовных и светских властей ежемесячно делали выборку из метрических книг об умерших от эпидемических болезней и эти сведения доставляли в полицейские управления и врачебным управам[572]. Выработанный способ регистрации смертности от заразных болезней по метрическим записям через приходских священников определением Св. Синода от 11 марта/14 апреля 1893 г. возложен на три следующих года на церковные причты как обязанность, введенная в епархиях Европейской России еще в 1890 г. Министр внутренних дел в циркулярном предложении губернаторам от 19 января 1890 г. предложил «принять меры к тому, чтобы церковные причты... были поставлены в известность, что, в течение первых 10 дней каждого месяца они должны вносить в карточки цифровые данные за предшествующий месяц»[573]. В результате церковные причты помогали формировать медицинскую статистику, служившую основой для дальнейших конкретных действий врачей и фельдшеров.

---

[569] РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 412. Л. 147.

[570] ГБУТО ГА. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 77. Л. 91–91 об.

[571] Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. I / Ред.-сост. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2007. С. 246.

[572] См.: Караваева Е.В. Деятельность епископов Западной Сибири по формированию санитарно-гигиенической культуры крестьянства в конце XIX – начале XX в. (на примере Томской епархии) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. Вып. 3–4. С. 116; Холера и меры предупреждения ее развития // ТЕВ. 1892. № 13–14. Отдел офиц. С. 138–139; Лебедев М. По поводу прошлогодней холерной эпидемии // ТЕВ. 1893. № 7–8. Отдел неофиц. С. 118–119.

[573] Айвазов И.Г. Законодательство по церковным делам в царствие императора Александра III-го. М., 1913. С. 74.

Имели место случаи, когда сообщения и рекомендации настоятелей церквей ускоряли процесс организации медицинских учреждений в отдаленных районах Тобольского Севера. Например, в 1892 г. ларьякский священник Н.А. Силин писал благочинному, что в середине февраля появилась болезнь, свирепствующая в самом селе: «Тут нет такого дома, где не было всех или наполовину больных». Называются ее симптомы: воспаление горла, сухой кашель, боль всей груди и т. д. Священник выражал опасение, что с наступлением тепла болезнь примет широкий размах, т. к. «болотистые местности не дадут сухого и свежего воздуха». Средств для действенной помощи больным в Ларьяке не имелось. Поэтому Н.А. Силин выражал надежду, что «если бы остался фельдшер в селе, тогда можно было бы надеяться на некоторую помощь, а теперь только руками разведешь, со скорбью понимаешь головой и подумаешь: неужели люди тут в глуши не имеют права на медицинскую помощь? Едва ли так. Все это вынудило меня довести до сведения Вашего [сургутского благочинного], как члена комитета народного здравия... с покорнейшей просьбой к вам о. благочинный обратить благосклонное внимание Сургутского Комитета народного здравия на выше изложенное может быть и наш голос о помощи из далекой глуши будет услышан...»[574]. Ранее, в отчете за 1888 г. он высказывался по этому вопросу: «Удивительно, почему бы медицинскому ведомству не позаботиться о ваховской местности, где не раз уже повторялись случаи острых болезней. О прививках же детям коровьей оспы в это полугодие и говорить нечего, о ней едва ли и совсем не забыли, не только в полугодие, но в течение даже целого года»[575]. Просьба не осталась без ответа. Окружным врачом в Ларьяк назначается лекарский ученик «для определения появившейся болезни», а вскоре здесь был открыт фельдшерский пункт.

Следует отметить, что из сибирского духовенства власть старалась черпать кадры для подготовки медицинских работников. Еще 27 августа 1825 г. императором Александром I было утверждено «Положение» Сибирского комитета «О высылке каждогодно... в отделения Медико-Хирургической Академии из существующих в Сибири духовных семинарий воспитанников, и о употреблении их по окончании курса наук на службу в одном Сибирском крае». Предполагалось, что «таковые врачи, будучи

---

[574] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 13. Л. 96.

[575] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 75.

привязаны к Сибири узами родства и привычкою к тамошним обычаям, охотно возвращались бы на родину»[576]. По реформе духовных семинарий в 1840 г. в Тобольской духовной семинарии были введены новые учебные предметы, такие как сельское хозяйство, съемка и черчение планов, основы медицины и оспопрививание[577].

В конце XIX – начале XX в. некоторые выпускники Тобольской духовной семинарии выражали желание продолжить образование на медицинском факультете Томского или другого университетов (Юрьевского, Харьковского, Санкт-Петербургской медицинской академии). В период с 1878 по 1907 г. таковых насчитывалось по меньшей мере 29[578]. Среди них можно отметить доктора медицины, начавшего обучение в Томском, а завершившего в Берлинском университетах Ф.Ф. Бердникова; доктора медицины, владельца лечебной клиники в Омске А.П. Морковитина[579]. Ряд бывших учащихся Тобольской духовной семинарии работали сельскими врачами в различных местностях Западной Сибири.

Во время поездок миссионеры и приходские священники по возможности оказывали посильную помощь коренному населению. В 1853 г. Главным управлением Западной Сибири высказывалось пожелание, чтобы «священники, отправляемые миссионерами, были хоть сколько-нибудь знакомы с медициною или же, в противном случае, чтобы к каждому приходу был прикомандирован один фельдшер, дабы во время нахождения в кочевьях инородцев они могли приносить последним пользу и в медицинском отношении»[580]. Это намерение не было реализовано. Тем не менее, при встрече с тобольским губернатором В.А. Арцимовичем в 1857 г. настоятель Кондинского Свято-Троицкого монастыря Арсений обратил его внимание на то, что авторитет шаманов у инородцев строится в первую очередь на их умении лечить. После этого губернатор распорядился снабдить Кондин-

---

[576] ПСЗРИ. 1-е. Т. XL. № 30464. С. 447.

[577] Судницин А.Н. Речь, произнесенная на торжественном акте, 21 сентября 1893 г., по случаю 150-летнего юбилея Тобольской духовной семинарии // ТЕВ. 1893. № 21–22. Отдел неофиц. С. 420.

[578] Подсчитано по: Бирюков Н. Протоиерей П.Д. Головин, ректор Тобольской духовной семинарии (1877–1904 гг.). (Некролог и погребение). Тобольск, 1911. С. 62–141.

[579] Там же. С. 86, 101.

[580] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 190.

ский монастырь необходимыми «врачебными средствами и достаточным медицинским руководством»[581].

Оказанием элементарной медицинской помощи занималась Обдорская миссия. Можно привести пример из путевого журнала священника Н. Герасимова за 1870–1871 гг.: «Вечером пришли ко мне в лодку несколько инородцев просить лекарства для глаз. Давши им совет как можно чаще промывать холодной водою глаза, веки, дал им деревянного масла, которого опустить в глаз саму малую каплю и произведет раздражение, и вместе со слезой... выйдет всякая дрянь, и чрез то зрение делается чистою»[582]. Предполагалось, что знающие инородческие языки сотрудники миссии во время своих поездок смогут убедить остяков и самоедов в пользе вакцинации. В 1905 г. была поддержана инициатива обучить оспопрививанию псаломщика Обдорской миссии А.Е. Козлова и выпускницу миссионерской школы Е. Максимову (остячку по национальности). За каждую удачно сделанную прививку из средств Обдорского Братства св. Гурия выплачивалось по 20 коп.[583] Всего же за 1905–1906 гг. была сделана 101 вакцинация[584]. В 1906 г. при миссии было оборудовано особое больничное помещение для инородческих детей. Оно состояло из двух комнат для аптеки и палаты на четыре кровати. Заведующей больницей определяется монахиня Евфросиния, ранее несшая аналогичное послушание в Вировской обители (Польша)[585].

Краткую характеристику роли первичной медицинской помощи в повседневной деятельности духовенства можно найти в отчете епархиального преосвященного за 1911 г.: «В меру собственных знаний (приобретенных не столько путем научно-теоретическим, сколько практически), духовенство не оставляет прихожан без со-

---

[581] Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 26. Отдел II. Часть неофиц. С. 236.

[582] Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.): источники / сост., предисл. и коммент. В. Темплинг, вст. ст. и коммент. С. Турова. Тюмень, 2007. С. 110.

[583] Иринарх игум. Празднование первой годовщины Обдорского миссионерского Братства во имя свят. Гурия, архиеп. Казанского // Православный благовестник. 1905. № 23. С. 326.

[584] Иринарх игум. Обдорское миссионерское Братство св. Гурия // Избранные труды: В 2 т. / Сост. и авт. вступ. ст. Л.Ф. Липатова. М., 2011. Т. 2. С. 320.

[585] Общее собрание Тобольского епархиального комитета православного миссионерского общества // ТЕВ. 1907. № 10. Отдел неофиц. С. 287.

ветов врачебных, гигиенических, а в пристойных случаях и помогает лекарствами, более употребительные из которых (хина, йод, разные слабительные) имеются почти в каждом священническом доме»[586].

Следующее направление медицинской деятельности приходского духовенства связано с наблюдением за санитарно-гигиеническими нормами при погребении умерших и поддержанием в надлежащем состоянии мест захоронения[587]. В ведении церкви находился общий надзор за благоустройством кладбищ, что, в частности, предписывалось одним из пунктов указа Тобольской духовной консистории благочинным и настоятелям церквей: «Всевозможно располагать настоятелей церквей и старост заботиться о поддержании чистоты на кладбищах, каковая достижима при условии ежегодной очистки мусора... к насаждению деревьев на кладбищах принять все зависящие меры, так как деревья служат одним из лучших способов к обезвреженію кладбищ и самым дешевым украшением их»[588].

Иногда приходилось отступать от принятых в христианстве правил. Так, Сургутский городовой врач в 1887 г. в случаях смертей от эпидемии просил благочинного нарушить христианский обряд «ввиду могущего произойти от сего распространения заразы от инфекционного трупа» и распорядиться о «скорейшем» отпевании усопшего «ранее положенного церковного срока», т. е. предавать тело земле в день кончины[589]. В 1888 г. настоятель Обдорской миссии получил рекомендацию не отпевать в церкви умерших от скарлатины и дифтерической ангины[590]. Спустя два года березовский благочинный предписал причтам принимать предохранительные меры при погребении умерших от дифтерита: убеждать прихожан, чтобы они не прикладывались и не прикасались к телам, приобщать к святым дарам больных дифтеритом детей особой лжицей из отдельных сосудов, отпевать в закрытых гробах, хоронить покойников как можно глубже (не менее 2,5 аршина) и др.[591]

---

[586] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2488. Л. 16.

[587] ГБУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 13. Л. 187а.

[588] Там же. Д. 25. Л. 296 об.

[589] ГБУТО ГА. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 77. Л. 150, 153, 159.

[590] Церкви Обдорска: летопись в документах. Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. I / Ред.-сост. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2007. С. 260.

[591] Там же. С. 263.

В переписке причта с присутственными местами встречаются прошения от сургутской городской больницы и полицейского управления о погребении за счет церкви и о совершении молебнов на кладбищах «об усопших не имевших родственников»[592]. Таковыми чаще являлись «инородцы» из дальних юрт, помещенные в сургутскую больницу на лечение, либо переселенцы с пароходов, умершие в пути, реже – находившиеся в командировке по служебным обязанностям в Сургутском крае.

До 1894 г. переселенческое движение за Урал шло главным образом водным путем через Тюмень до Томска по Туре, Иртышу и Оби. Смертность переселенцев оставалась высокой. Как отмечали дореволюционные исследователи, крестьяне, покидая из-за малоземелья родные места, пускались в путь малоподготовленными к дальней дороге, нередко с малолетними детьми, терпели во время следования в Сибирь множество лишений и тягот[593]. За 1887 г. сургутским окружным полицейским управлением сообщалось о трех смертях на пароходах, проходящих из Тюмени в Томск мимо Сургута. В подобных случаях капитан или представитель судовладельца обращался к полиции и причту сургутской Троицкой церкви «предать тело... земле по христианскому обычаю»[594].

В январе 1895 г. преосвященный Агафангел (Преображенский) в письме Тобольскому губернатору сообщал, что по донесению сургутского благочинного место на пароходной пристани в 7 верстах от Сургута, где погребаются умершие проездом из Европейской России в Сибирь и обратно, «а равно и вновь отведенное местною администрацией близ Сургута кладбище для холерноумерших не обнесено никакою оградою», и просил принять меры по благоустройству кладбища. Сообщение было переадресовано Сургутскому уездному исправнику, который силами городского общества произвел установку ограды вокруг кладбища[595].

---

[592] ГБУТО ГА. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 77. Л. 9, 15–16, 26, 136, 149.

[593] См.: Ядринцев Н. Публицистика и переселенческий вопрос // Сибирский листок: 1890–1894. Тюмень, 2003. С. 282; М.К. Переселенцы в тобольской губернии // Сибирский листок. 1890–1894. Тюмень, 2003. С. 354; Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора подворного исследования. СПб., 1896. Т. 2. Ч. 1. С. 26, 29.

[594] ГБУТО ГА. Ф. И-189. Оп. 1. Д. 77. Л. 15–16 об.

[595] ГБУТО ГА. Ф. И-152. Оп. 34. Д. 135. Л. 1.

приходского духовенства взять на себя эту дополнительную обременительную обязанность.

* * *

Еще более значимым следует признать вклад Русской православной церкви в организацию учебных заведений для населения Тобольского Севера.

Частью политики аккультурации являлось создание школ, где дети «инородцев» могли получать образование подобно их сверстникам из русских селений Европейской России и Сибири. В этом вопросе светская власть должна была неизбежно обращаться за помощью и содействием к православному духовенству. Важнейшей задачей РПЦ во все времена признавалось выполнение так называемой «внутренней миссии», т. е. религиозное окормление православных верующих, забота об их нравственном состоянии. Решение данной задачи подразумевало использование определенной системы методов, к числу которых следует отнести издание и распространение религиозно-нравственной литературы, проповедническую деятельность, просвещение через образовательные учреждения, подконтрольные церкви. Одной из таких форм, с помощью которой осуществлялось распространение и укрепление в народе православной веры, следует признать создание церковно-приходских школ (ЦПШ).

Попытки организации школьного обучения на Тобольском Севере относятся еще ко второй половине XVIII в. 22 декабря 1760 г. и 9 января 1761 г. митрополит Тобольский и Сибирский Павел (Конюскевич) приказал учредить во всех заказах (благочиниях) епархии славяно-русские и латинские школы. Эти образовательные учреждения функционировали сравнительно недолго, подвергались постоянным реорганизациям, имели узкосословный характер и предназначались почти исключительно для детей духовенства, т. к. обучение было направлено на подготовку кадров священно- и церковнослужителей. Программы отличались оторванностью от практических нужд местного населения и схоластичностью, что, в частности, проявлялось в использовании латинского языка и соответствующих учебников (так называемые «Великие Альвары», изданные в Польше). Приемы преподавания стояли ниже всякой критики, т. к. учителями являлись

Первым учебным заведением, имевшим стабильное финансирование, подготовленные учительские кадры и проработанную программу преподавания на севере Западной Сибири стало организованное 30 августа 1818 г. Березовское уездное училище. До середины 1830-х гг. оно оставалось единственным учебным заведением края. В его стенах образование получали почти исключительно русскоязычные жители административного центра Тобольского Севера г. Березова. Согласно принятому в 1804 г. Уставу учебных заведений, подведомственных университетам, целью создания таких училищ являлось: 1) «Приготовить юношество для гимназий, если родители пожелают дать детям своим лучшее воспитание, и 2) открыть детям различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности»[596].

Хотя отрицать определенное положительное значение первых опытов школьного строительства в крае нельзя, тем не менее, большинство населения региона в этом вопросе оставалось вне сферы внимания духовных и светских властей. Создание образовательных учреждений для «инородческих детей» относится уже к николаевской эпохе и связано, с одной стороны, с попытками возобновить прерванный в период просвещенного абсолютизма процесс христианизации коренного населения, с другой – с необходимостью следовать указаниям верховной власти о развитии в стране сети начальных учебных заведений.

Многочисленные реформы в сфере народного образования, предпринятые Николаем I, имели четко выраженный консервативный характер. В обучении молодежи первое место отдавалось «нравственности», а знания должны были получаться в соответствии с сословной принадлежностью. Поэтому религии во всех звеньях системы начальных учебных заведений отводилась важнейшая роль.

Уже в «Уставе гимназий и училищ уездных и приходских...» 1828 г. «ближайший за [приходским] училищем надзор» поручался «благочинному священнику»[597]. Принимается и ряд других законодательных актов. Можно отметить указ 1836 г. об открытии народных школ при церквях и монастырях, указ 1842 г., повелевавший Министерству государственных имуществ оказы-

---

[596] Устав учебных заведений, подведомственных университетам // Школа Тобольской губернии в XVIII – начале XX вв.: хрестоматия. Тюмень, 2001. Т. 1. С. 71.

[597] ПСЗРИ. 2-е. Т. III. № 2502.

вать финансовую помощь созданию приходских школ в своих землях и др.[598] Особое значение имел Устав духовных консисторий 1841 г., в 14-й статье которого предписывалось епархиальным правлениям заботиться об открытии церковно-приходских школ[599]. Однако составители данных законодательных актов ограничиваются лишь общими указаниями о необходимости организации или совершенствования учебных заведений. Конкретные меры по их практической реализации зависели от местных властей.

Так или иначе, школьное строительство не могло не затронуть и Тобольский Север. Региональная специфика наложила отпечаток на этот процесс. Как и по всей стране, деятельность церковных и светских властей тесно переплеталась. Однако необходимо обратить внимание на различие целей, которые ими ставились, когда речь шла о просвещении «инородцев». Для первой это один из путей христианизации коренного населения. Грамотность была нужна не сама по себе. Ценилась возможность с ее помощью глубже понять и усвоить основные истины христианского вероучения. Среди гражданских чиновников, в свою очередь, следует различать позиции местной администрации уездного (окружного) и губернского уровней. Приоритетом для окружного исправника являлись социально-политическая стабильность, регулярное и аккуратное поступление ясака. Все, что могло внести смятение в умы «инородцев», нарушить привычный ход вещей, считалось потенциальной угрозой. С этой точки зрения христианизация была совершенно излишней. Соответственно попытки активизации миссионерской работы, частью которой признавалось школьное строительство, воспринимались в лучшем случае нейтрально, а часто с плохо скрываемой враждебностью. Этим в том числе объясняется неудача Обдорской миссии, просуществовавшей несколько месяцев в начале 1830-х г.[600] От окружной администрации поступали жалобы на «насилия» духовенства, якобы принуждавшего остяков отдавать своих детей в школы, и на то, что «мальчики эти... претерпевают

---

[598] См.: ПСЗРИ. 2-е. Т. VI. № 4199; ПСЗРИ. 2-е. Т. XVII. № 15794; ПСЗРИ. 2-е. Т. XIX. № 17828.

[599] Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб., 1902. С. 283; Устав духовных консисторий. СПб., 1841. Ст. 14.

[600] Подробнее см.: Цысь О.П. К истории создания и упразднения Обдорской миссии в 20-х – 30-х гг. XIX в. // Вестник угроведения. 2017. № 4. С. 158–167.

во всем недостаток»[601]. Подобное отношение сохранялось и позднее. «Светская власть, впрочем, и в настоящее время не особенно сочувствует и содействует миссионерскому делу в этом крае...», – отмечал писатель и путешественник К.Д. Носилов[602].

Для губернатора, любого приезжего инспектора были важны более «глобальные», общегосударственные задачи, решение которых направлялось на интеграцию региона в общеимперское политическое и социокультурное пространство. Предпринимаемые шаги изначально имели «точечный», экспериментальный характер. В случае успеха полученный опыт следовало распространить и использовать в более широких масштабах.

Церковный историк XIX в., биограф тобольских епархиальных архиереев А.И. Сулоцкий сообщал: «Преосвященный [Афанасий] на вопрос синодального управления: какие меры почитает он лучшими для обращения инородцев?» – ответил: «Принимая в расчет кочующую жизнь остяков и самоедов, я не нахожу другого средства распространения между ними христианства, кроме того, чтобы из среды их же брать (принимать) детей (способных) в духовную семинарию и впоследствии способным из них давать места священнические в приходах остяцких...». Афанасий предлагал завести для тамошних детей два низших училища: одно в Березове, а другое «в опустевшем почти Кондийском монастыре»[603].

На это предложение последовал Высочайше утвержденный доклад Св. Синода от 6 июня 1836 г., положивший начало Кондинской миссии. Ее организация с целью обращения и утверждения в вере остяков предполагала преобразование Кондинского монастыря в миссионерский, «избрав оный средоточием, отколе миссия могла бы действовать на окрестные волости Остяцкие и далее по тундрам»[604]. Намечалось открыть училище при монастыре, «в котором обучались бы только Закону Божию и Русскому языку, чтобы со временем служить толмачами для миссионе-

---

[601] См., напр.: Представление от 1 апреля 1852 г. директора училищ Тобольской губернии генерал-губернатору Западной Сибири о распространении просвещения среди коренного населения Березовского края // История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск, 2006. С. 176.

[602] Носилов К. Кондинский монастырь и его миссионерская деятельность // Православный благовестник. 1898. Т. II. № 12. (июнь). Кн. 2. С. 165.

[603] Сулоцкий А., прот. Жизнеописание Афанасия, архиепископа Тобольского и Сибирского // Странник. 1867. Январь. С. 48.

[604] ПСЗРИ. 2-е. Т. XI. № 9269.

сейчас. В XIX в. для его реализации не было ни подготовленных кадров, ни средств, ни политической воли. Вопрос, в первую очередь, опять же упирался в источники финансирования учебных заведений. В проекте 1852 г. предлагалось обложить население специальным налогом в размере 1 белки с мужской души, что при цене белки в 7 коп. серебром должно было принести только в Сургутском отделении Березовского округа до 200 руб. дохода и могло обеспечить содержание 10 детей; взимать пошлину с приезжающих на Север промышленников в размере 1 коп. с рубля; увеличить оплату за аренду рыболовных угодий («песков»)[623]. Проект 1856 г. предполагал выделение средств из казны в размере не менее 35 руб. на ученика, не считая оплаты на содержание здания училища[624]. Тем не менее, ни одна из названных инициатив не была поддержана.

Таким образом, 1830–50-е гг. являлись временем зарождения и становления образовательных учреждений для коренного населения Тобольского Севера. Однако шаги, предпринимаемые в данном направлении, были пока еще робкими и непоследовательными, опиравшимися не на систему продуманных мер, а осуществлявшиеся в виде различных спорадических действий православной церкви, государственной власти или предпринимателей. Вообще же частная инициатива была едва ли не основным реальным двигателем просвещения «инородцев» в рассматриваемый период. Стремление унифицировать государственную идеологию через распространение христианского воспитания в начальной школе в царствование Николая I в отношении коренного населения Тобольского Севера не подкреплялось системой продуманных мер. Ситуация изменилась лишь в середине 1880-х гг. после создания системы церковно-приходских школ, которые широко распространились в последующий период на Тобольском -

селения Тобольского Севера. Однако шаги, предпринимаемые в данном направлении, были пока еще робкими и непоследовательными, опиравшимися не на систему продуманных мер, а осуществлявшиеся в виде различных спорадических действий православной церкви, государственной власти или предпринимателей. Вообще же частная инициатива была едва ли не основным реальным двигателем просвещения «инородцев» в рассматриваемый период. Стремление унифицировать государственную идеологию через распространение христианского воспитания в начальной школе в царствование Николая I в отношении коренного населения Тобольского Севера не подкреплялось системой продуманных мер. Ситуация изменилась лишь в середине 1880-х гг. после создания системы церковно-приходских школ, которые широко распространились в последующий период на Тобольском

ских школ", – если в русском православном населении школа грамоты продолжает дело семьи, то в населении инородческом она принимает на себя все дело христианского воспитания»[625].

На Тобольском Севере несколько школ открывается уже в 1886 г.: с. Обдорск при Петропавловской церкви (25 января), с. Кушеват при Троицкой церкви (март); с. Ларьяк при Знаменской церкви (октябрь), г. Сургут при градо-Троицкой церкви (ноябрь). Позднее аналогичные начальные церковные учебные заведения создаются и в других населенных пунктах Тобольского Севера: с. Мужи при Михаило-Архангельской церкви (октябрь 1887 г.), с. Шеркалы при Спасской церкви (октябрь 1889 г.), с. Щекурья при Богоявленской церкви (январь 1893 г.). В самом г. Березове ЦПШ была открыта при Воскресенском соборе 1 октября 1894 г.[626] Только в течение 1886–1894 гг. на территории Сургутского и Березовского уездов было открыто 9 ЦПШ и школ грамоты, в которых к 1896 г. проходили обучение 119 мальчиков и 74 девочки[627]. В 1897–1898 гг. создаются школы в с. Ваховском, Верхне-Лумпокольском и Нижне-Лумпокольском, в 1902 г. – в с. Юганском.

Свою лепту в организацию начальных церковных школ внесло духовенство. Например, необходимость и полезность создания школы в с. Обдорском, начиная еще с 1882 г., высказывается членами Обдорского причта. Но по отзыву ревизора миссии протоиерея П. Попова, «местных источников не имеется, нет и благотворителей, которые бы согласились содержать школу на свои средства»[628]. Финансовую помощь решил оказать Тобольский комитет Русского Православного миссионерского общества. Следуя намеченным в уставе задачам (п. 7 – «доставлять материальные пособия на устройство и содержание миссионерских

---

[625] Программы учебных предметов для церковно-приходских школ, утвержденные Святейшим Синодом. Тобольск, [б. г.]. С. 5.

[626] Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894–95 учебный год. Тобольск, 1896. С. 28–29; Тобольский епархиальный адрес-календарь. Тобольск, 1884. С. 76–81.

[627] Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894–95 учебный год... С. 28. Приведены данные по 8 школам. Нет сведений по Кондинской миссионерской школе.

[628] Журнал 20-годичного общего собрания членов Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского общества 10 июля 1885 г. // ТЕВ. 1886. № 10–11. Офиц. отдел. С. 257.

школ»), общее собрание комитета выносит решение в июле 1885 г. о необходимости приступить к обучению в Обдорске инородческих детей, учредив «церковно-миссионерскую» школу, провести все подготовительные работы.

Информация о состоянии и числе церковных школ находила отражение в рапортах, составлявшихся благочинными на имя епархиального архиерея: «В вверенном мне благочинии, – писал в начале 1890 г. благочинный Березовских городских и окружных церквей св. И. Сургутсков, – церковно-приходские школы состоят в селах Обдорском, Мужевском, Чемашевском и Сосвинском, в селе Кушеватском находится школа грамотности. В последнее время открыта церковно-приходская школа в селе Шеркальском местным псаломщиком Собриным. Учебно-воспитательное дело во всех сих школах ведется в общем удовлетворительно»[629].

В свою очередь некоторые стороны деятельности начальных школ характеризовались в рапортах приходских священников, представляемых на имя благочинного. «Было предлагаемо инородцам и об отдаче их детей в школу, которая есть в селе и что школа эта открыта с 1-го февраля н. г. [нынешнего года], – писал священник Ларьякской Знаменской церкви Николай Силин 12 июня 1889 г., – и что ученики и ученицы школы приучаются к церковному пению на клиросе под руководством их учительницы, и что как приятно должно быть родителям, когда их малютки – дети устно участвуют в отправлении общественного богослужения и так далее в этом роде; но остяки, по свойственной им склонности к суеверию, пока ограничиваются одним молчанием; – что же делать, – терпение есть лучшая гарантия на успех и надежда не должна ослабить энергии тех, кому вверена забота об образовании полудиких детей севера»[630].

Нужно отметить, что из-за отсутствия подготовленных педагогических кадров, финансовых и иных трудностей школы иногда действовали весьма непродолжительное время – один-два года. Затем они закрывались, и спустя несколько лет их приходилось создавать заново. Так, Ларьякская церковная школа открывалась и закрывалась многократно – в 1843–1857 гг., октябрь 1886–1887 гг., февраль 1889 – 1898 гг. В 1904 г. здесь открывается школа, подведомственная Министерству народного просвещения.

Церковные школы севера Западной Сибири находились в ведении Тобольского епархиального училищного совета. В 1888 г.

---

[629] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 333–336 об.

[630] Там же. Л. 73–78 об.

были утверждены правила, разрешающие учреждение уездных отделений совета, а также регламентирующие их деятельность. В 12 городах Тобольской епархии такие отделения были организованы, в том числе в Березове и Сургуте. Наблюдателем церковных школ Сургутского округа был назначен благочинный Стефан Тверитин, Березовского – Иоанн Сургутсков. Их задачи заключались в инспектировании заведующих школ и учителей, выполнении цензорских обязанностей по отношению к содержанию образования. Благочинный должен был способствовать материальному обеспечению школ: рассылать жалованье преподавателям, деньги на постройку школьных помещений, содействовать приобретению учебных пособий и др. Он же заведовал книжными складами, собирал сведения о числе необходимых каждой школе учебников, распределял их в пределах своего округа. Благочинный председательствовал в комиссии по испытанию учеников на получение ими льготных свидетельств по воинской повинности, выпускных экзаменах. Он же нередко вел переговоры с сельскими властями, обществами на предмет помощи школьному делу, составлял итоговый отчет о работе школ на территории благочиния.

В 1894/1895 г. в состав Березовского уездного отделения входили: исполняющий должность председателя священник Березовского собора Е. Никитин, он же секретарь и казначей; штатный смотритель Березовских училищ В. Ухалов, Сургутского училища – С. Тверитин (председатель, казначей, секретарь), учитель Сургутского приходского училища Г. Измаилов[631].

Состав уездных отделений изменился в 1896 г. после утверждения «Положения об управлении церковными школами Ведомства Православного Исповедания». В них стали включать помимо духовных еще и светских лиц – крестьянских начальников, смотрителей начальных училищ, членов городского самоуправления. Председательствовал в уездном отделении обязательно священник или протоиерей.

В 1901 г. в Березовское уездное отделение училищного совета входили: благочинный (с 1900 г.), протоиерей Богородице-Рождественской церкви М.М. Вишневский, постоянные члены – Березовский уездный исправник А. Смирнов, становой пристав И. Нагибин, мировой судья Н. Арнаутов, учителя Березовского уездного училища Ф. Ларионов, А. Гущин, купец И. Нижегородцев; по должности – штатный смотритель Березовского

[631] Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894–95 учебный год... С. 30.

уездного училища П. Грязнов; в Сургутское: уездный наблюдатель А.И. Сивиллов (председатель), уездный исправник И. Евсеев, священник Сургутского Троицкого собора П.Г. Ликвентов (казначей), городской староста Г. Клепиков, мещане А. Тетюцкий, Е. Земцов, учитель Сургутского приходского училища П. Киреев[632].

Основная нагрузка по руководству школьным делом выпадала на наблюдателя церковных школ, который должен был периодически проверять их состояние в ходе инспекционных поездок, что в условиях севера Западной Сибири было не так-то легко. В частности, в 1913/1914 уч. г. Сургутский уездный наблюдатель пробыл в пути 30 дней, преодолев в общей сложности 1 714 верст и посетив 6 школ по одному разу и 7 школ по два раза. В двух школах он присутствовал на выпускных экзаменах. Березовский уездный наблюдатель за это же время совершил три поездки, побывав в 9 школах[633].

Задача наблюдателя заключалась не только в том, чтобы указать на выявленные недостатки и потребовать их устранения, но и помочь в организации школьного дела. При необходимости им могли даже проводиться «образцовые» уроки для неопытных педагогов.

В церковных школах, как правило, имелся один учитель, который вел все предметы. Исключение делалось для Закона Божьего, преподавание которого возлагалось на кого-либо из членов причта (преимущественно настоятеля храма). Однако в первые годы существования церковных школ ощущался дефицит педагогических кадров. Поэтому священнослужителям нередко приходилось совмещать пастырские обязанности с заведыванием школой и преподавательской деятельностью. Как правило, преподавание в школе священнику никак не оплачивалось. Не всегда у них имелся достаточный для этого уровень подготовки. Так, в 1891 г. в рапорте благочинного Березовских церквей священника И.С. Голошубина епископу Тобольскому Иустину (Полянскому) указывалось: «Сам подбор учителей здешних школ далеко не определяет тех надежд, какие возлагаются на них епархиальным начальством. Учителя таких школ по большей части из недоучек, а потому весьма естественным является то, что они преследуют исключительно одну цель – научить детей правильно

[632] Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1901 г. Тобольск, 1900–1901. С. 26.

[633] Школьный листок при ТЕВ. 1915. № 4. С. 46.

читать и писать по-русски, а дальнейшее оставляется на произвол судьбы»[634].

Членам причта иногда очень сложно было совмещать обязанности по окормлению верующих и преподавание. В частности, священник И.Е. Егоров, по замечанию Березовского благочинного М. Путинцева, «человек весьма развитой, характера твердого, жизни примерной», прекрасно ведущий «вверенное ему учительское дело в Обдорской миссионерской школе» заявлял в одном из рапортов, что как учитель он не имеет «ни времени, ни возможности участвовать в специально миссионерском деле распространения веры христианской между язычниками»[635].

Однако часто духовенство весьма успешно справлялось с возложенными на него обязанностями. Например, в одном из рапортов Сургутского благочинного С. Тверитина указывалось: «Священник села Нижне-Лумпокольского о. Филипп Тверитин и Псаломщик города Сургута Флегонт Попов особенно пред прочими отличаются честностью и исполнительностью по службе и благонравием, последний из них занимает должность учителя в церковно-приходской школе»[636]. И.Е. Егоровым были разработаны практические задания, способствующие тренировке детей коренного населения в чтении на русском языке, такие как «Наша семья», «Наши юрты», «Обдорск», «Город Тобольск» и др. Он также активно занимался переводческой деятельностью, написанием учебной литературы. В Тобольске были изданы его работы «Книга для обучения самоедских детей читать и писать» (1893 г.), «Книга для обучения остяцких детей читать и писать» (1898 г.), «Священная история на остяцком языке» (1900 г.), «Священная история по-самоедски» (1903 г.).

Должности учителей замещались также и светскими лицами. Значительная группа педагогов формировалась из детей сельских священнослужителей, чиновников и купцов. Как правило, это были молодые люди 19 лет и старше, закончившие ЦПШ, Тобольскую Мариинскую женскую школу, епархиальное или уездное училище. Например, дочь чиновника А. Рязанова преподавала в Березовской школе, дочь псаломщика М. Милованова, купеческая дочь Тетюцкая – в Сургутской школе. Об учителе Мужевской школы, сыне псаломщика Николае Тимофеевиче

---

[634] Из истории Обдорской миссии: Источники / Сост. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2004. С. 181.

[635] Там же. С. 216, 220.

[636] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 56–63 об.

Карпове Березовский благочинный писал, что «это молодой человек, владеющий инородческим языком, как своим родным»[637]. Учительство возлагалось и на псаломщиков, как правило, ранее проходивших обучение в духовном училище.

По данным на 1901 г. социальный состав учителей школ Тобольского Севера существенно не изменился. Во всех 12 школах (6 ЦПШ и 6 школ грамоты) заведующими и законоучителями являлись священнослужители. Пятеро из них имели незаконченное семинарское образование, двое окончили курс духовного училища, И.Е. Егоров – Омскую учительскую семинарию. Трое вышли из разных классов духовного училища. Штатных учителей из числа светских лиц стало больше. Они имелись уже в 6 школах. Таким образом, еще в первые годы XX в. учителей-клириков по-прежнему было значительное большинство. В Березовской, Щекурьинской, Сосьвинской школах они совмещали все три должности, т. е. заведующего, учителя и законоучителя.

К концу первого десятилетия XX в. в целом сформировались уже постоянные кадры учителей церковных школ – светских лиц. В подавляющем большинстве педагогами являлись молодые женщины, закончившие Мариинскую школу в Тобольске, прогимназию, епархиальное училище. В ведении священнослужителей остается заведование школами и законоучительство. Данное обстоятельство должно было обязательно положительно сказаться на уровне преподавания в церковных школах и способствовать облегчению труда приходских пастырей. В учебных заведениях крупных населенных пунктов (Сургут, Березов, Обдорск) уже имелось по нескольку педагогов, специализировавшихся на различных уровнях обучения.

Штатные учителя получали вознаграждение от Тобольского епархиального училищного совета. В 1894/1895 уч. г. эта сумма могла колебаться от 100 до 200 руб. в год. Более высокое жалованье выплачивалось педагогам со средним образованием. Например, А. Резанова, окончившая Мариинскую женскую школу, получала 200 руб. в год, выпускник учительской семинарии И.Е. Егоров – 180 руб. Учителя-псаломщики получали, как правило, 30–60 руб. в год. Учитель Сосвинской ЦПШ обучал детей по найму родителей, получая с каждого ученика по 1 руб. в месяц.

В Обдорской школе жалованье выплачивалось Тобольским комитетом Русского Православного миссионерского общества (РПМО). Для члена причта работа в школе была все-таки побоч-

[637] От Березова до Обдорска. (Из путевых записок бывшего благочинного церквей Березовского округа) // ТЕВ. 1895. № 3. Отдел неофиц. С. 45.

ным занятием. Он мог получать деньги, исполняя пастырские обязанности. Например, И.Е. Егорову, помимо вышеуказанных 180 руб., выплачивалось 176 руб. 40 коп. из казначейства, 68 руб. 60 коп. из миссионерских сумм, т. е. всего 425 руб. в год. Сложнее приходилось светскому учителю. Ему одного жалованья было явно недостаточно для обеспечения безбедного существования на севере Западной Сибири. По мнению Березовского благочинного И. Голошубина, «учителя для такого отдаленного края можно только найти рублей на 600 в год... на вознаграждение учителей устава, пения и ремесла потребуется 200 рублей в год»[638]. К 1904 г. жалованье учителя в Сургутском уезде возросло до 300 руб. (если он один преподавал в школе) или 240 руб. (когда учителей в школе было двое) в год[639]. В дальнейшем жалованье народных учителей постепенно увеличивалось, достигнув 840 руб. в год в 1917 г.

Следует отметить, что материальное обеспечение школ было серьезной проблемой, в разрешение которой посильную лепту вносили общественно-религиозные организации Тобольской епархии. Основной капитал в сумме 100 руб. имелся только в Сургутской женской ЦПШ. Эти деньги через учительницу рукоделия Тетюцкую пожертвовал наследник престола Николай Александрович. Когда во время своего путешествия по Сибири в 1891 г. он проезжал мимо Сургута, ему была поднесена подушка, изготовленная ученицами школы. Деньги были положены в Тобольское отделение государственного банка. Проценты с них расходовались на закупку материалов по обучению рукоделием.

Средства на содержание церковно-миссионерских школ поступали из Москвы от руководящих органов РПМО, а также и от его Тобольского комитета. Еще в июне 1885 г. общим собранием Комитета обсуждался вопрос о необходимости поиска средств для миссионерских школ. Решено было обратиться к начальнику губернии о выделении из казенных сумм 515 руб. 70 коп. ежегодно. Со стороны Тобольского комитета РПМО изыскивается 100 руб. на покупку учебных принадлежностей и 150 – на содержание трех инородческих детей, с тем условием, что эти дети в дальнейшем продолжат обучение в Тобольском духовном училище[640]. Необходимо отметить роль РПМО в открытии интерната

---

[638] Из истории Обдорской миссии: Источники... С. 184.

[639] РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 197. Л. 3.

[640] Журнал 20-годичного общего собрания членов Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского общества... С. 258–259.

при Обдорской школе. Инициатором создания инородческого пансиона явился Тобольский губернатор Н.М. Богданович. Во время инспекционной поездки по Березовскому краю, совершенной в 1893 г., он обратил внимание на Обдорскую миссию, которая находилась, по его мнению, «в печальном состоянии». В миссионерской школе не обучался ни один ненец или ханты, «инородцы не высказывают ни малейшего желания отдавать детей своих в школы»[641]. Таким образом, миссионерская школа в Обдорске не могла служить своему прямому назначению. В качестве одной из мер, которые должны были изменить неблагоприятную ситуацию, губернатором предлагается открыть интернат для инородческих детей. В 1895 г. епархиальным архиереем перед Св. Синодом и РПМО ставится вопрос о необходимости устройства общежития для детей коренных жителей. 12 января 1898 г. вышел указ Св. Синода № 151, разрешающий учреждение инородческого интерната при школе на 15 человек. Здание пансиона было построено в 1900 г. «с употреблением из сумм Комитета 3 372 руб. 99 коп.»[642]. С 1904 г. часть обязанностей по обеспечению школы и интерната взяло на себя Обдорское братство св. Гурия. Так как членами Братства являлись в основном жители Обдорска, у них имелось больше возможности непосредственно на месте заботиться о нуждах учебно-воспитательных заведений миссии. К 1916 г. в инородческом пансионе при Обдорской миссии содержалось 14 детей и в инородческом приюте 12 детей. Тобольским комитетом РПМО ежемесячно выделялось на каждого из них по 6–7 руб. Общая сумма расходов достигала 2 100 руб. в год. С конца 1916 г. средства, выделяемые на пансион и приют, были увеличены до 10 руб. в месяц на человека. Тем самым ежегодные расходы возросли до 3 120 руб. Кроме того, учительница Обдорской миссионерской школы получала от комитета жалованье в размере 400 руб. в год[643].

Особое место в системе учебных заведений занимала школа при Кондинском свято-Троицком монастыре. Она считалась миссионерской и в финансовом отношении находилась в привилегированном положении в сравнении с другими начальными учебными заведениями Тобольского Севера.

---

[641] Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894–95 учебный год... С. 19.

[642] Отчет Тобольского епархиального комитета православного Миссионерского общества за 1900 г. // ТЕВ. 1901. № 18. Отдел неофиц. С. 9.

[643] ГБУТО ГА. Ф. И-58. Оп. 1. Д. 5. Л. 6–7.

После организации женской общины в начале 1890-х гг. в школе занимались только девочки. Монахини в качестве послушания, без оплаты выполняли обязанности кухарки, дворника, прачки, сторожа. Среди послушаний отмечены и такие: «в нынешнюю зиму присматривает за учениками в общежитии и [занимается] вязанием чулков учащимся»[644]. Так как дети остяков поступали из малоимущих семей, сестрам приходилось изготавливать для них все необходимое – от белья до верхней одежды. Монахини выполняли все внутренние работы в школьном здании (покраска, побелка, обивка обоями и т. п.), а также первоначально являлись и педагогами.

«Девочек монахини обучают начальной грамоте, – сообщал в 1892 г. участник экспедиции на Северный Урал А.А. Сыромятников, – рукоделью и хозяйству и в гигиеническом отношении держат их, вероятно, удовлетворительно...»[645]. В отчете обер-прокурора приводятся сведения о рясофорной послушнице Н.Д. Лепехиной, которая в «инородческой школе» преподает славянское чтение, чистописание, арифметику[646].

Свои наблюдения оставил К.Д. Носилов: «Школа маленьких остяков помещалась в главном здании женской общины – напротив храма. В большой, довольно светлой комнате дети сидели уже на местах. Меня встретила молодая девушка, по чертам лица которой я узнал сразу, что она инородка. Оказалось, что она жительница далекого Алтая и приехала сюда, желая послужить бедным остякам... Пока мы разговаривали с инокиней Ниной [Лепехиной], в школу вошел молодой священник, который отрекомендовался законоучителем, и начался снова урок. Дети бойко и толково читали молитвы и хорошо справлялись с вопросами своего законоучителя»[647].

В середине 1890-х гг. настоятельница Анна поставила вопрос о привлечении к обучению и мальчиков, о чем она просила свою сестру – игуменью Миропию: «Я хочу взять 3-х мальчиков, спать они могут у Петра Ивановича, а учиться в училище. Спросила

---

[644] ГБУТО ГА. Ф. И-197. Оп. 2. Д. 37. Л. 10 об.–11.

[645] Подревский Н.Н. Поездка на Северный Урал летом 1892 года / Сост. по дневникам гг. Сыромятникова и Андреева Н. Подревский. Тюмень, 2004. С. 19.

[646] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899. С. 107.

[647] Цит. по: Очерки истории Югры. С. 245.

бы ты Владыку, ежели нельзя сюда взять мальчиков, то уж в юрты придется [ездить], оно бы нам меньше хлопот и больше пользы. В юртах то там и больши и малы поучатся: кто считать, вязать... и уж непременно шить»[648]. В последние годы XIX в. школа становится смешанной.

Численность обучающихся достигла максимума в 1903 г. (28 человек), затем несколько снизилась, составив в 1913 г. 13 инородческих детей[649], в 1914 г. – 13 (в том числе 12 инородцев и 1 русская, 9 мальчиков и 4 девочки)[650]. Возможно, здесь сказалась конкуренция с одноклассным училищем МНП, организованном в с. Кондинском в 1904 г. (до этого действовало как земское).

Финансовую помощь оказывал Тобольский комитет РПМО. Указом Св. Синода от 12 января 1898 г. Кондинской ЦПШ от Центрального комитета миссионерского общества устанавливается пособие в размере 500 руб., которое регулярно выплачивалось вплоть до начала 1910-х гг., когда было сокращено до 140 руб.[651] Кроме того, школа получала проценты со специального капитала в 1 500 руб., пожертвованного обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым. В начале 1916 г. Кондинский монастырь обратился с просьбой к Тобольскому комитету РПМО об увеличении денежных средств на школу до 450 руб. Просьба была удовлетворена лишь отчасти. В мае 1916 г. принимается решение об увеличении выплат со 140 до 300 руб.[652] В 1917 г. субсидии комитета возросли до 400 руб., в 1918 г. – до 600 руб. Деньги тратились на доплату к жалованью учителя, заготовку дров, покупку мыла, муки, тканей на одежду воспитанникам и другие нужды[653]. Из приведенных выше цифр вполне очевидно, что основную роль в финансировании школы играло государство и одна из крупнейших российских общественно-религиозных организаций.

По сведениям З. Козлова, общие затраты на содержание церковно-приходской школы Кондинского монастыря с 1899 по 1910 г. составили 12 555 руб. 75 коп., или около 1 141 руб. в

---

[648] ГБУТО ГА. Ф. И-197. Оп. 1. Д. 77. Л. 108 об.–109.

[649] Там же. Оп. 2. Д. 37. Л. 3 об.

[650] Отчет Тобольского епархиального Комитета Высочайше утвержденного Православного миссионерского общества за 1914 год // ТЕВ. 1915. № 36. Отдел офиц. С. 452.

[651] ГБУТО ГА. Ф. И-58. Оп. 1. Д. 5. Л. 6–7.

[652] Там же. Ф. И-197. Оп. 2. Д. 37. Л. 3 об.

[653] Там же.

год[654]. По нашим подсчетам, средний бюджет аналогичной сельской школы на Тобольском Севере в это же время не превышал 400–500 руб.[655] Таким образом, по уровню оснащения, снабжения, благоустройства это учебное заведение, как, впрочем, и другие монастырские школы Тобольской епархии (при Иоанно-Введенском, Абалакском, Тобольском Знаменском монастырях), выделялись из общей массы, что следует связать с особым вниманием к решению просветительских, миссионерских задач на Тобольском Севере со стороны епархиальной власти и общественно-религиозных организаций.

В 1898 г. епархиальным архиереем Антонием (Каржавиным) при посещении монастыря было высказано пожелание о необходимости возведения нового удобного помещения для училища[656]. В течение следующих трех лет (с 1898 по 1901 г.) на средства монастыря и субсидию РПМО в размере 276 руб. велось строительство школьного здания на 25 человек, с кухней, комнатой для учительницы и общежитием для «инородцев»[657].

Классная комната имела 5 окон, длину 7 аршин 10 вершков (около 5,5 м), ширину – 8 аршин (5,76 м), высоту – 4 аршина 1 вершок (около 2,92 м). Комната под общежитием имела аналогичные размеры. Стены были обиты обоями, потолки и полы выкрашены[658]. Общежитие было предназначено для девочек-остячек, а мальчики жили отдельно – в монастырском корпусе.

Педагогами монастырской школы в конце XIX – начале XX в. являлись женщины (за исключением законоучителя – священника). С 1891 по 1899 г. это была рясофорная послушница, дочь священника Нина Дмитриевна Лепехина, выпускница Тобольского епархиального женского училища (до переезда на Тобольский Север преподавала в Иоанно-Введенской татарской школе). Денег за преподавание она не получала. Н. Лепехина выучила остяцкий язык, и чтобы облегчить детям занятия, сама занималась переводом азбуки и учебников.

---

[654] Козлов З. Исторический очерк... С. 125.

[655] Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере... С. 108–109.

[656] ГБУТО ГА. Ф. И-197. Оп. 1. Д. 82. Л. 99.

[657] Цысь О.П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Нижневартовск, 2008. С. 197.

[658] Козлов З. Исторический очерк... С. 123.

Особо следует отметить А.В. Крючеву – «правоспособную» учительницу, мещанскую вдову, выпускницу низшего отделения Мариинской женской школы в Тобольске. Она преподавала в монастырской школе с 1899 г. вплоть до ее закрытия, после установления советской власти работала в Кондинской школе I ступени. За многолетний труд на ниве народного просвещения в 1912 г. А.В. Крючева была награждена серебряной медалью для ношения на Александровской ленте. Именно при ней в Кондинской школе было впервые введено «правильное» обучение по программе ЦПШ.

Уроки начинались с 8.30 утра и продолжались до 14 часов дня. Началом учебного года считалось 1 октября, но фактически в это время приступали к учебе лишь русские дети. Хантыйских детей привозили в школу по 1–2 человека в разное время с 15 октября по 15 декабря[659].

Н.Д. Лепехина пыталась учить «инородческих» детей прямо в их юртах, «чтобы не отрывать их от семьи и домашней обстановки». Об этой практике упоминала в приведенном письме настоятельница Анна. Однако, по словам К.Д. Носилова, «это оказалось уже не по силам, и она снова была вызвана в монастырь учить детей, уже в благоустроенной школе, а не где-нибудь в грязной юрте, где и холодно, и голодно, и тяжело»[660].

«В Николин день остяков много было у Нины, – писала настоятельница общины, – ребята пели и певчие наши туда пришли. Пение было целый вечер. Остяки говорят: ладно что мы здесь, а то бы в деревне пировали»[661].

Деятельность Н.Д. Лепехиной следует связать с новыми тенденциями церковной педагогики, отразившимися в работах С.А. Рачинского и Н.И. Ильминского, где родному наречию в школьном обучении детей «инородцев» отводилось важное место. Эти традиции проявились в пореформенный период в обучении в сельской местности в целом и «инородческого» населения в частности.

Во-первых, наличие большого числа небольших селений, в каждом из которых в отдельности церковная школа не могла быть организована, привело к появлению так называемых «передвижных школ». Они не имели постоянного места расположения и перемещались из одной деревни в другую по истечении

---

659 Там же. С. 124.

660 Носилов К. Кондинский монастырь. С. 168.

661 ГБУТО ГА. Ф. И-197. Оп. 1. Д. 77. Л. 110 об.

учебного года. Тем самым достигалась экономия средств, а детей не нужно было забирать от родителей в интернаты.

Во-вторых, был учтен опыт и методические разработки известного педагога-просветителя, миссионера Н.И. Ильминского, автора концепции «инородческого образования», считавшего, что результата можно достичь лишь в случае преподавания на родном языке.

Однако в случае с «маленькой школкой» Н.Д. Лепехиной достичь успеха, сделав процесс обучения более доступным, не удалось. Этому помешали как недостаточная подготовленность самой учительницы, так и объективные условия, препятствовавшие организации занятий. В отличие от русской избы в хантыйском чуме не имелось столов, лавок, достаточного освещения, чтобы обучать детей письму, счету. Приходилось ограничиваться чтением вслух и механическим заучиванием, что не позволяло выполнять школьную программу. Поэтому с конца 1890-х гг. пришлось вернуться к традиционным методам и формам преподавания.

С 1891 по 1906 г. в школе переменилось четыре законоучителя и заведующих. С 1906 по 1914 г. эти должности занимал священник Зосима Георгиевич Козлов (1872 – после 1936 гг.) – выпускник Березовского уездного училища, автор ряда краеведческих статей и очерков, публиковавшихся на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей». Его сменил священник Лев Заровский.

Об отношении коренного населения к обучению в это время можно судить по наблюдениям редактора-издателя «Сибирского листка» А.А. Сыромятникова, относящимся к 1892 г.: «Вообще девочек остяки отдают учиться крайне неохотно, находя для женщин образование излишним; если же мы застали десять девочек [в монастырской школе], то их отдали лишь благодаря голодному году, чтобы дома не кормить. Напротив, мальчиков остяки, преследуя практические цели, отдают учиться довольно охотно. “Мальчик, говорят, выучившись, сделается приказчиком или писарем”»[662].

Иного мнения придерживалась настоятельница Кондинской общины Анна (Дружинина), в беседе с К.Д. Носиловым отмечавшая, что «те девушки, какие жили и учились в их монастыре, считаются лучшими невестами и их охотно сватают, предпочитая другим, т. к. они знают русскую жизнь, разные рукоделия и могут вести хозяйство уже по русскому образцу, который считается инородцами за идеал»[663].

---

[662] А.А.С. Поездка на Северный Урал. С. 270.

[663] Носилов К. Кондинский монастырь. С. 168.

В частном письме в Иоанно-Введенский монастырь (1895 г.) она была уже не столь оптимистично настроена: «Что мы будем делать, остяки просят ребят мальчиков учить, а девочек говорят не к чему. Дадут ненадолго и опять гостить просят домой, то рыбу чистить, то с ребенком водиться. Мы говорим, пошлите парня в Тобольск, они говорят далёко»[664].

В отчете за 1898 г. настоятельница отмечала, что раньше остяки с неохотой отдавали детей в монастырскую школу, но после того, как нынешним летом двое девочек были отправлены в Тобольск «в большое училище» (епархиальное женское), переменили свое мнение[665]. Важно отметить, что местные крестьяне не несли никаких затрат на содержание монастырской школы, чего нельзя сказать об обычных сельских ЦПШ.

Таким образом, отношение коренного населения к школе было непоследовательным и противоречивым. Осознание полезности обучения для некоторых детей (например, сирот) не привело к пониманию целесообразности грамотности в целом. Не отдавали детей в миссионерские школы не только по причине крайней бедности. С раннего возраста детей вовлекали во все производственно-промысловые процессы в качестве помощников в хозяйственной деятельности семьи. Отдавая же их в школу, родители теряли маленьких работников, и кроме ущерба для своего хозяйства ничего не получали.

Следует обратиться к рассмотрению количественного состава учащихся церковных школ. В отчете епархиального училищного совета за 1894/1895 уч. г. указывалось, что в Березовском уезде из 2 228 православных детей школьного возраста посещало ЦПШ 123 учащихся, школы грамоты – 39. В училищах МНП и других ведомств обучалось еще 152 человека. Соответственно в Сургутском уезде из 1 085 детей обучался в церковных школах 31 человек (в Сургутской одноклассной женской ЦПШ 22 и в Ларьякской школе грамоты 9), в училищах МНП и других ведомств – еще 80 человек. Не охвачены обучением оказались в Березовском уезде 85,9% детей, в Сургутском – 89,8 %. В целом в Тобольской епархии в это же время школы не посещали 82,5 % детей[666]. То есть данные показатели в северных уездах были ниже,

---

[664] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-197. Оп. 1. Д. 77. Л. 108 об.

[665] Там же. Д. 89. Л. 6.

[666] Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1894–95 учебный год. Тобольск, 1896. С. 86–87; ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 27. Д. 1248. Л. 113 об.

молодое поколение слабее было включено в систему школьного образования. Доля обучающихся по отношению к общей численности населения в Сургутском уезде составляла лишь 1,54%.

О составе учащихся церковных школ северных уездов Тобольской губернии в начале XX в. можно составить представление на основании таблиц 4–6.

Таблица 4

Учащиеся церковных школ к 1901 г.[667]

Уезд	ЦПШ двухклассные		ЦПШ одноклассные	Школы грамоты		Итого
	мальчики	девочки		мальчики	девочки	
Березовский	24	–	85	11	1	121
Сургутский	–	24	–	26	16	66

Примечание. Отсутствуют сведения по Шеркальской ЦПШ, Чемашевской, Сосьвинской школам грамоты.

Таблица 5

Учащиеся церковных школ к 1908 г.[668]

Уезд	ЦПШ двухклассные		ЦПШ одноклассные		Школы грамоты		Итого
	мальчики	девочки	мальчики	девочки	мальчики	девочки	
Березовский	2	34	130	39	19	31	255
Сургутский	–	44	–	–	30	16	90

Таблица 6

Учащиеся церковных школ к 1915 г.[669]

Уезд	Второклассная учительская	Двухклассные		Одноклассные		Итого
		мальчики	девочки	мальчики	девочки	
Березовский	34	–	–	222	121	377
Сургутский	–	–	51	124	73	248

[667] Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1901 г. Тобольск, 1900–1901. С. 57–58.

[668] Справочная книга Тобольский епархии на 1908 г. Тобольск, 1908. С. 43–44.

[669] Школьный листок при ТЕВ. 1915. № 11. С. 80–81.

В Сургутском уезде доля учащихся относительно общей численности населения возросла к 1912 г. до 3,56%. В целом численность учащихся в школах церковного ведомства на Тобольском Севере увеличилась с 193 до 625 человек, т. е. в 3,2 раза. Темпы роста были весьма значительны, однако все же далеко недостаточны для того, чтобы считать проблему решенной. В городах Европейской России обучалось к тому времени около половины детей школьного возраста, в сельской местности – около 28%[670].

До середины 1890-х гг. очень немногие школы имели собственные помещения, приспособленные для учебного процесса. Так, Ларьякская школа грамоты действовала сначала в «инородческом доме» с «платою от общества 12 рублей в год»[671], затем переместилась в дом священника, где и существовала вплоть до своего закрытия в 1898 г. Сургутская школа располагалась в частном жилом доме. Наблюдатель церковных школ Сургутского благочиния С. Тверитин вынужден был констатировать, что «школа нуждается в удобном помещении, и о приобретении которого советом положено отпустить до 700 рублей. Общество же от всякого вспомоществования школе отказалось... Теперешнее помещение оплачивается родителями учащихся по 3 рубля в месяц»[672]. В Березовском уезде собственные здания имелись лишь в церковной школе самого Березова (в здании бывшего приходского училища). В Обдорске ЦПШ находилась в нижнем этаже дома настоятеля христианской миссии, в остальных населенных пунктах – в церковных сторожках. В с. Мужи под школу в 1888 г. был пожертвован деревянный дом купцом С. Окуневым. На его же средства в 1898 г. школа была перестроена[673]. В с. Сосьвинском школа размещалась в доме Березовского мещанина Козьмина, который не брал платы за аренду этого помещения.

Ситуация стала меняться лишь с улучшением финансирования школ с конца 1890-х гг. и усилением материальной поддержки со стороны губернских и епархиальных властей. К 1908 г.

---

[670] ГБУТО ГА. Ф. И-152. Оп. 23. Д. 240. Л. 98.

[671] Солодкин Я.Г. Из истории церкви Знамения Пресвятой Богородицы в селе Ларьякском (Ларьяке) // От Ваха до Агана: Эколого-краеведческий альманах. Тюмень, 2002. С. 23.

[672] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 27. Д. 1248. Л. 114.

[673] Ведомость о церкви во имя Святого Архистратига Михаила и Прочих Бесплотных Сил, что в селе Мужах Березовского уезда за 1904-й год // Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Екатеринбург, 2005. С. 226.

собственные здания были уже у 8 школ: Березовской, Обдорской, Мужевской, Шеркальской, Чемашевской, Нижне-Лумпокольской, Кондинской. В Саранпауле, Локосово, Югане, Верхне-Лумпокольском помещения нанимались обществами. В церковной сторожке оставалась лишь Сосьвинская школа.

Для обеспечения школ учебными пособиями при Тобольском епархиальном училищном совете создается склад для книг, рекомендованных программой. Для школ, находящихся на севере Западной Сибири Совет открывает в 1887/1888 уч. г. в Сургуте и Самарово книжные склады, в которых заведующие могли безвозмездно получать литературу для своих школ. Литературы было вполне достаточно. Имелись азбуки, словари, прописи, карты, таблицы кратких молитвословий, арифметические задачники, пособие «Родное слово», методические пособия: «Методическое обучение» (Гербоча), «Обучение церковно-славянской грамоте» (Ильминского), «Руководящие заметки для учащих по нашему родному краю» (Баранова) и др. В некоторых школах создавались свои библиотеки, содержавшие учебную литературу и книги для внеклассного чтения исторического и духовно-нравственного содержания, высланные епархиальным училищным советом. Библиотеки также пополнялись за счет пожертвований. Например, Сосьвинской школе 250 экземпляров Священного Писания подарил известный купец, золотопромышленник, исследователь Севера А.М. Сибиряков.

Преподавание в ЦПШ, школах грамоты регламентировалось изданными Св. Синодом программами и включало чтение русское и славянское, письмо, чистописание, арифметику (счисление), Закон Божий, пение. Реальный объем и качество преподавания в школах грамоты часто зависели от учителя. Церковные обряды и свято чтимые праздники, иконы и молитвы окружали ребенка со дня рождения. Школа грамоты виделась как прямое продолжение домашнего воспитания «христианских навыков». Она не определена «сроками, курсами и программами, ни степенью развития и образования учителя, и уживается во всяком, даже самом тесном помещении», – указывалось в программе учебных предметов для ЦПШ[674]. От учителя требовались не только и не столько глубокие знания по предметам, а прежде всего высокие морально-нравственные качества: «главным образом должно искать искренней набожности, православной церковности и сердечной мягкости, а в научном отношении доста-

[674] Программы учебных предметов для церковно-приходских школ, утвержденные Святейшим Синодом. Тобольск, [б. г.]. С. 4.

точно, если они умеют верно читать по церковно-славянски и по-русски...»[675].

Закон Божий считался главным предметом в ЦПШ. Все остальные дисциплины должны были ставиться по отношению к нему в определенную зависимость, т. е. обучающие задачи неизбежно отходили на второй план, превращаясь лишь в элемент, который обязательно присутствует при выполнении задач воспитательных. Предполагалось, что в результате «дети не могут не чувствовать благодарности к церкви за ее материнскую заботливость»[676]. В воскресные, праздничные дни учащиеся должны были быть в церкви за всенощной. Наиболее благонравные допускались в алтарь для помощи причту в проведении богослужения (вынос свечей, подача кадила, чтение часов и т. п.). Дети, имевшие хороший голос, привлекались к пению на клиросе. Окончивший курс ЦПШ должен был уметь читать (книги «церковной и гражданской печати»), пользоваться четырьмя арифметическими действиями, аккуратно и без ошибок писать, объяснять значение и смысл молитв, основных христианских догматов.

В целом можно сказать, что начальные церковные школы Тобольского Севера внесли посильную лепту в распространение просвещения в крае, укрепление местного населения в православной вере. У истоков церковной школы стояли представители местного духовенства. Именно они обеспечили работу школ на самом трудном первом этапе их существования. В дальнейшем улучшается финансирование церковных школ, появляются постоянные кадры из светских учителей, имевших специальную педагогическую подготовку.

Наиболее плодотворной оказалась деятельность Сургутской, Березовской, Кондинской и Обдорской школ, где общими усилиями учителей, самоуправления, церковной общественности удалось добиться того, что школы стали здесь постоянно действующими учреждениями, которым не грозило закрытие из-за нехватки средств или педагогов.

Однако темпы роста собственно школьной сети на севере Западной Сибири были все же недостаточны для того, чтобы считать проблему начального образования детей решенной. В некоторых школах учителя не обладали высокой квалификацией, опытом работы. Еще одной проблемой являлась изоляция учителей от педагогических центров. Не всегда они могли найти поддержку и

---

[675] Там же.

[676] Заметки о преподавании по новой программе одноклассной церковно-приходской школы. Тобольск, 1904. С. 15.

должную методическую помощь, ознакомиться с новинками учебной литературы. Сложными были условия жизни народного учителя на севере Западной Сибири в социально-экономическом плане. Не все школы отличались материально-бытовой устроенностью, в некоторых из них наблюдалась частая смена кадров.

Тем не менее, церковные школы сумели завоевать доверие и поддержку местного населения. Об этом говорит и тот факт, что после революции, уже при новой большевистской власти, жители севера Западной Сибири всячески сопротивлялись изгнанию из школьной программы Закона Божия, рассматривая данную дисциплину как необходимый элемент нравственного воспитания подрастающего поколения.

Глава V
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Большую роль в сохранении объектов культурного наследия играло законодательство Российской империи[677]. Первым в России, кто озаботился сохранением документов и, как следствие, наличием и состоянием архивов, явился Петр Великий. Согласно главе XLIV «О архивах» Генерального регламента, после того, как документы пролежали три года «в канцелярии или в конторе», необходимо было сдать эти материалы в архив архивариусу под роспись, кроме тех, которые требовались для справок (нормативные документы: уставы, регламенты и др.). Данное указание, законодательно закреплявшее создание архивов, способствовало учреждению архива Святейшего правительствующего синода и правил архивной работы[678].

В течение синодального периода продолжалась работа по совершенствованию архивного хранения документов как в светских, так и духовных учреждениях, периодически выходили в свет постановления высших властей, регламентирующие содержание архивов в надлежащем порядке.

Генерал-прокурор князь А.А. Вяземский доложил Правительствующему сенату, что в присутственных местах архивы содер-

---

[677] Карпова Л.В., Потапова Н.А., Сухман Т.П. Охрана культурного наследия России XVII–XX в.: хрестоматия. М., 2000. Т. 1. 147 с.; Лукашевич А.А. К истории делопроизводственной документации России XVIII в. // Отечественные архивы. 2004. № 4. С. 7–13.

[678] ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3534. С. 141–160.

жатся «не в должном порядке» (даже принадлежащая Вотчинной конторе книга найдена на Петровском острове в снегу), и высказал мнение, что подобные происшествия принесут обществу немалый вред, почему и предложил всем присутственным местам и канцеляриям «сделать наистрожайшее предупреждение» о содержании архивов в надлежащем порядке. Правительствующий сенат указом «О определении в архивариусы людей трезвых и неподозрительных и о свидетельствовании архива ежегодно» приказал отбирать в архивариусы людей «трезвого жития и неподозрительных, в пороках и иных пристрастиях не примеченных», ежегодно проверять архивы самими присутствующими «с прилежным наблюдением». «Присутствующие» за «непорядочное содержание архива» и за «не смотрение над находящимися при них архивариусами» подвергались «ответу» по мере «учиненного им в сем случае пренебрежения и последовавшего от того какого-либо рождающего злоупотребление непорядка»[679].

В журнале Тобольской духовной консистории (далее – ТДК) имеется запись от 23 октября 1768 г. о получении указа конторы Московского синода от 19 сентября 1768 г. «О содержании архивов в надлежащем порядке» и избрании людей «трезвого жития, неподозрительных ... пристрастия не примеченных», т. е. надежных людей для работы в архивах ТДК и духовных правлений. Указ велел всем повытчикам дела «иметь в исправном хранении, а в архиве без себя и без своего ведома копии ... недопущали и для случающихся справок взятые на время из архива дела – духовные росписи и метрики – ни мало по канцелярии не задерживая в архив возвращали, а ежели усмотрится затем, что в архиве и содержании дела непорядочно перемешаны или взятые для справок ... окажутся на полу и на стульях за то с виновных иметь быть поступать по строгости узаконения без упущения». Духовные правления получили указ в течение 10 ноября 1768 г. – 6 февраля 1769 г. в зависимости от удаленности правления от ТДК (т. е. Тобольска) и отправили рапорты о получении распоряжения[680].

Епархиальное начальство обязывало своих подчиненных следовать установленным правилам, следило за исполнением предписаний духовных властей. ТДК указами предписывала всем духовным правлениям «по прошествии каждого года свидетельствовать правленскую архиву присутствующим, и по неисполнении доно-

[679] ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVII. № 13127. С. 682–683.

[680] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 2. Д. 1841. Л. 1–30.

сить консистории»[681]. После очередного такого указа от 19 июня 1820 г. Тюменское духовное правление составило рапорт от 1 января 1822 г. (№ 3), в котором сообщало, что архив правления находился «в целости, кроме не оказавшихся при сдаче бывшими письмоводителями сего правления коллежским регистратором Петром Корелиным и канцеляристом Иоанном Волковым разных дел и указов, которые и поныне ими неисправлены». П. Корелин вскоре уволился из духовного ведомства по своему желанию. 5 августа 1822 г. ТДК сообщила в Тобольское губернское правление, чтобы П. Корелина принудили к приведению в порядок дел и их сдаче в архив[682].

За успехи в совершенствовании работы архивов ТДК и духовных правлений предполагались различные награды – от денежного поощрения до орденов – в зависимости от величины принесенной пользы и труда. Получить награду можно было либо за особенные успехи, выходящие за рамки обычной канцелярской работы, либо за сверхурочный неоплачиваемый труд. Решение о виде награды принимал Св. Синод после поступления представления на кандидата от его епархиального начальства.

Однако не все представленные к рассмотрению Св. Синода кандидаты удостаивались награды. Так, Иван Михайловский не получил ожидаемого вознаграждения за «исправное ведение архива правления». И. Михайловский служил с 1811 г. копиистом Березовского духовного правления (далее – БДП) «с рачением и прилежанием», за что в 1815 г. ему был присвоен чин подканцеляриста[683], а через пять лет – канцеляриста[684]. В 1820 г. И. Михайловский решил перейти в светское ведомство[685]. Уже после своего увольнения он старался привести архив БДП «в устройство и порядок» согласно предписанию ТДК. 9 января 1822 г. протоиерей духовного правления Иоанн Вергунов в рапорте № 9 просил епархиальное начальство наградить канцеляриста за его труд. 14 января архиепископ Амвросий (Келембет) велел «доложить со справкой»[686].

Составляя справку, ТДК выяснила, что, во-первых, после того как Тюменское духовное правление сообщило о пропавших де-

---

[681] Там же. Оп. 9. Д. 824. Л. 1–7.

[682] Там же. Д. 144. Л. 2–6.

[683] Там же. Оп. 7. Д. 1527. Л. 1–4.

[684] Там же. Оп. 8. Д. 1087. Л. 1–7.

[685] Там же. Д. 2024. Л. 1–8.

[686] Там же. Оп. 9. Д. 824. Л. 1–1 об.

лах при сдаче их в архив письмоводителем Корелиным, 27 июня 1821 г. присутствующим всех духовных правлений было указами предписано ежегодно «свидетельствовать» архив, т. е. проверять наличие и сохранность его документов, и доносить о результатах проверки, во-вторых, согласно утвержденному архиепископом докладу ТДК от 24 декабря 1820 г., И. Михайловский, служивший с 4 января 1819 г. «при делах» в должности письмоводителя БДП, по собственной просьбе был уволен в светское ведомство «для избрания рода жизни». Иначе говоря, содержание в порядке дел архива входило в круг его обязанностей[687].

ТДК на своем заседании 10 апреля 1822 г., разбирая данное дело, выяснила, что в БДП находилось на служении два копииста – Григорий Красков и Василий Попов; бывший канцелярист И. Михайловский был уволен в светское ведомство еще в 1820 г.; указанное духовное правление вопреки предписанию епархиального начальства не представило остаточные за 1821 г. от неполного комплекта приказных служителей деньги, в то время как почти от всех других подведомственных учреждений они были получены. Вследствие того, что БДП назначило И. Михайловского письмоводителем без ведома духовного начальства, он должен был заниматься архивными работами согласно своим обязанностям, а не ради награды, поэтому ее ТДК отказалась выдать[688]. Как уже отмечалось, награду за успехи по службе получали только те чиновники, которые выполнили значительный труд, выходивший за круг их прямых обязанностей и оставшийся без оплаты.

Секретарь В. Лебедев указал в отчете ТДК среди недостатков ветхое помещение архива. Под руководством секретаря были завершены и переданы дела в архив, впервые составлен алфавитный список дел за 125 лет, в целях обеспечения сохранности дел изменена форма их хранения с горизонтального укладывания их друг на друга на вертикальное размещение с обертыванием бумагой каждого дела, начали заводить и картонные папки с трафаретной обложкой. За инициативность и трудолюбие В. Лебедев в 1862 г. был награжден орденом св. Анны, а архивариус П. Пудовиков – двойным окладом жалования[689].

Анализ дел о награждении служащих духовных консисторий и духовных правлений синодального периода свидетельствует о наличии системы и установленного процесса награждений в РПЦ,

---

[687] Там же. Л. 2–2 об.

[688] Там же. Л. 3–4 об.

[689] Там же. Оп. 11. Д. 674. Л. 1–42.

ховного правления и с подписью благочинного»[692]. Описи имущества были введены в 1771 г., но обязательство вести их в церквях закреплялось только инструкцией церковных старост за 1808 г. Достоверность информации контролировалась запрещением подчисток, подписями членов причта и старосты, «скрепой» и печатью консистории.

Этой же инструкцией были утверждены и правила записи дохода и расхода в церквях. Поступившие деньги старостам следовало записывать по окончании месяца отдельно от кошелькового сбора, от свечной продажи и разных вкладов, расход записывать «немедленно» с «ясным показанием» когда, что именно и у кого куплено или сделано, сколько выдано денег и кому. Деньги велелось записывать цифрами и прописью, избегая подчисток и поправок. По окончании года староста с причтом должны были составить перечневую ведомость доходов и расходов за год по форме, подписать и доставить вместе с приходо-расходными книгами благочинному, который после проверки отсылал книги обратно, ведомость отправлял через духовное правление в духовную консисторию, где составлялась общая ведомость для представления архиерею[693].

Согласно указу Св. Синода от 11 июня 1808 г., в духовных консисториях и по их предписанию в духовных правлениях следовало заготовить нужное число приходо-расходных книг по количеству церквей по образцам: по две книги на церковь для записи отдельно прихода и расхода, денег и вещей. Старые книги после ревизии велелось хранить в церковной ризнице для справок, а также не менять книги, пока они не будут полностью исписаны. На основании данных книг староста с причтом церкви должны были [illegible]

...[690].

В течение XVIII в. положение церковного старосты изменилось. Постепенно роль общины в подборе кандидата снизилась. Полномочия церковных старост существенно ограничились. Они занимались преимущественно ведением церковной документации в приходах, в основном отчетов о состоянии церковной казны и произведенных расходах. В XVIII — начале XX в. они также являлись основными церковными благотворителями, занимались попечительской деятельностью.

Староста, согласно инструкции от 17 апреля 1808 г., был «поверенным прихожан церкви, выбранным из их числа, доверия достойный человек, для хранения и употребления церковных денег и вообще для сохранения всякого церковного имущества»[691]. Согласно инструкции, они проверяли церковное имущество при вступлении на должность по описи, которая должна была иметься в каждой церкви «за шнуром и печатью консистории или ду-

Особенностью церковно-земского строя к началу синодального периода в истории РПЦ было весьма ощутимое проявление выборного начала в лице церковных старост, отражавшего существенную роль общинных институтов и традиций в жизнедеятельности приходских сообществ. Жизнь земская (гражданская) и церковная здесь тесно переплетались. В XVII в. помимо выполнения перечисленных финансово-хозяйственных функций, церковные старосты вместе с земскими сотскими, десятскими и целовальниками выбирали или нанимали священников и других причетников, контролировали их в имущественно-налоговых вопросах, определяли денежное, хлебное и земельное содержание, предоставляли денежные и хлебные ссуды нуждающимся крестьянам и посадским людям, сдавали в оброк церковные

[690] Черкасова М.С. Община и церковь на севере России накануне петровских реформ // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2017. № 48. С. 109.

[691] ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXX. № 22971. С. 185–191.

ное содержание причта, составлявшем не менее 100 руб., а консистория о всех пожертвованиях в епархии должна была доносить Св. Синоду к 1 января, 1 мая и 1 сентября каждого года[696].

Церковные старосты вместе с причтом и «почетнейшими» прихожанами ежемесячно свидетельствовали приходно-расходные книги. Духовная консистория по ее уставу должна была следить, чтобы в данные книги заносили данные «о кошельковых, кружечных, доброхотнодательских и по разным сборам суммах, поступающих в наем церковных лавок и домов», и чтобы отчеты за проданные венчики и разрешительные молитвы представлялись от причтов и церковных старост в консисторию через благочинных по окончании года[697].

В инструкции церковного старосты от 12 июня 1890 г. сообщается, что церковные старосты проверяли церковное имущество не только по описям, а также и по приходо-расходным книгам, составляли особый акт с подписями всех присутствовавших лиц[698].

Церковные сторожа обязаны были охранять кружки, а причт с церковным старостой периодически проверять их на целостность, ежемесячно высыпать деньги из кружек, записывать сумму в заведенную для этого книгу, присутствующие при этом должны были подписывать каждую статью в книге. Деньги с книгой вручались члену приказа или думы для доставления в присутственное место[699].

В пореформенной России широкое распространение получили церковно-приходские попечительства. Они состояли из священнослужителей, церковного старосты, волостного старшины и нескольких прихожан. Большинство средств попечительства тратили на благоустройства церквей. Церковных старост награждали золотыми и серебряными медалями за заслуги как попечителей[700]. Однако, к сожалению, документов о награждении церковных старост сохранилось мало.

Ежегодно они представлялись их непосредственным начальством к награждению за заслуги перед церковью. Был установлен порядок делопроизводства по данному вопросу. Настоятели передавали благочинному представление к награждению церковных

---

[696] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVI. Отд. 1. № 14409. С. 222.

[697] Там же.

[698] ПСЗРИ. Собр. 3. Отд. 2. Т. X. С. 465–470.

[699] ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXII. Отд. 1. № 20786. С. 21–22.

[700] Власова А.В., Смирнов С.С. Мотивы благотворительной деятельности уральского купечества в конце XVIII – начале XX века // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2004. № 2. С. 147.

старост к 1 мая, а благочинные – преосвященному к 10 мая[701]. Причты составляли в сентябре рапорты с представлением о награждении[702]. Этапы делопроизводства награждения церковных старост раскрывают дела ТДК, хранящиеся в ГБУТО ГА.

Как свидетельствуют архивные материалы, самое главное, что оценивалось Св. Синодом при принятии решения о награждении и выборе награды – увеличение церковных доходов за время службы конкретного церковного старосты.

В ГБУТО ГА нами было обнаружено 12 дел о награждении церковных старост ТДК: 3 дела о выдаче медалей[703] и 9 – похвальных листов[704]. Одно из дел коллективное – о награждении двух церковных старост медалями. Всего было выдано 3 золотые и 1 серебряная медали. Все 3 дела о награждении медалями относятся ко второй половине XIX в., а из дел, посвященных выдаче похвальных листов, только одно приходится на этот период, остальные же – на 1820-е гг.

Как показывают документы ГБУТО ГА, помимо награждения медалями и похвальными листами, различные учреждения могли выносить им благодарность. Награждение должно было производиться в «порядке очередности», о чем часто упоминается в журналах ТДК, но на деле достаточно сложно проследить такой порядок. Судя по рассмотренным делам, церковным старостам могли сразу вручить золотую медаль, пропуская серебряную, и не упоминая в наградном списке о наличии у награждаемого похвального листа. Бронзовая медаль вручалась в память о войнах.

Документирование назначения на службу выпускников учебных заведений в РПЦ. Функционирование системы духовного образования было одной из главных задач деятельности Русской право-

---

[701] Чижевский И.Л. Церковное письмоводство: Собр. правил, постановлений и форм к правильному ведению оного / Сост. на основании законов и указов св. правительствующего Синода. 2-е изд., испр. и доп. Харьков, 1881. С. 165.

[702] Малевинский А.С. Инструкция благочинному приходских церквей, изъясненная указами Святейшего Синода, распоряжениями епархиального начальства, Сводом законов и церковной практикой: Настоят. кн. для каждого священно- и церковнослужителя и церковного старосты / Сост. свящ. А. Малевинский. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1899. С. 255–260.

[703] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 844. Л. 1–41; Д. 1005. Л. 1–58; Д. 1212. Л. 1–34.

[704] Там же. Оп. 8. Д. 1414. Л. 1–4; Д. 2173. Л. 1–9; Оп. 9. Д. 1044. Л. 1–3; Д. 1054. Л. 1–4; Д. 1092. Л. 1–11; Оп. 10. Д. 137. Л. 1–6; Д. 175. Л. 1–4; Д. 1558. Л. 1–6; Оп. 11. Д. 1004. Л. 1–9.

славной церкви, активно влиявшей на общественную и политическую жизнь страны. Разветвленная сеть сословных и всесословных учебных заведений, находившихся в ведении Св. Синода, представляла серьезный сегмент системы образования дореволюционной России. Выпускники учебных заведений, в основном духовных, формировали в синодальный период церковные причты и церковные учреждения Тобольской епархии.

Архивные материалы свидетельствуют о наличии во второй половине XVIII – начале XX в. «пакета» документов, необходимого для назначения выпускников разных учебных заведений на различные должности к церквям Тобольской епархии. Все дела начинаются с «покорнейшего прошения» на имя архиерея. На обратной стороне просительного документа вносились обязательства назначенного учителя пению по нотам и грамоте, «показание» просителя, что он не имел родственников из числа причта в названном селе, свидетельство экзаменатора (для церковнослужителей) либо характеристики просителя от ректора духовной семинарии (для священнослужителей). Далее состав документов для церковнослужителей и священнослужителей отличался. При принятии на службу причетника вторым документом была выписка из журнала Тобольской духовной консистории (протокол) с приказом о высылке указа о решении епархиального начальства, а третьим документом – рапорт духовного правления о получении указа. Последующая документация относилась только к священнослужителям, производство дела фиксировалось не на отдельных документах, а сплошь на листах: выписки из духовных росписей той церкви, к которой собирались определить ученика, ставленнический допрос по пунктам (возраст, *«несостояние»* в подушном окладе, отсутствие судимости, штрафов, ведение трезвого образа жизни, семейное положение, обязательство не называть отсутствовавших на исповеди и у святого причастия бывшими там, увещать раскольников и «не делать им никакой обиды», отсутствие родственников при вышеуказанной церкви), заключение ректора духовной семинарии под «показанием» выпускника, разрешающий приказ владыки и направление кандидата на обучение в церковь, запись от учителя об успешном усвоении программы, разрешение преосвященного произнести присягу, запись о прохождении исповеди и святого причастия выпускника с целью выявления препятствий к посвящению и свидетельство священника об исповедании, распоряжение о выдаче ставленной грамоты, запись Тобольской духовной консистории о наделении грамотой новоиспеченного служителя.

Некоторые выпускники были менее требовательны в выборе места служения, им оказывалось достаточно занять положенную

должность в любом приходе. Так, ученик Тобольской духовной семинарии Александр Нисковский, «оставаясь безнадежным в отыскании себе невесты духовного звания ... решился избрать уже невесту светского звания», на что просил разрешения архиепископа Варлаама II (Успенского) 25 августа 1865 г. Справка о вакантных священнических местах в Сосвинской церкви Березовского ведомства, которую владыка запросил в тот же день, расположена на обратной стороне листа. 31 августа А. Нисковскому был выписал билет для заключения брака. В прошении от 3 ноября выпускник, прилагая билет и свидетельство причта о венчании, ожидал посвящения в священники и уже на следующий день получил удовлетворительный ответ в резолюции. Сначала ученика посвятили в стихарь и в диаконы, что подтверждает имеющийся в деле традиционный допрос, типографские присяга и «дополнительная» подписка об исполнении присяги посвящаемым. На исповеди 8 ноября не было выявлено препятствий к рукоположению, состоявшемуся в тот же день. 13 ноября завершилось обучение новоиспеченного диакона, и на следующий день была назначена еще одна исповедь и рукоположение в священники. Испытание закончилось 24 ноября, на другой день была выдана ставленная грамота. 30 октября прихожане Спасской церкви Семиярской станицы известили о смерти их священника и просили предоставить ему замену. Епархиальное начальство исполнило их просьбу 9 декабря, направив туда А. Нисковского[705].

ТДК решала не только конфессиональные вопросы. Институт семьи и брака с XVIII в. находился в компетенции церкви. Именно в духовную консисторию могли обратиться женщины, желая развода или в поиске спасения от своих и чужих мужей, надеясь на возмездие. Отложившиеся в государственном архиве г. Тобольска дела ТДК хранят многочисленные истории женских судеб и отражают общие тенденции эволюции статуса и роли женщин в российском обществе до начала прошлого века включительно.

В XVII в. начало созревать убеждение в необходимости оградить личность жены от произвола мужа, вследствие чего впервые произошло вмешательство светской законодательной власти в семейные отношения. На протяжении XVII–XIX столетий, несмотря на все попытки государства улучшить положение женщин в семейно-бытовых отношениях, жены по-прежнему подвергались

[705] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 783. Л. 1–10.

притеснениям со стороны мужей. Данное обстоятельство было связано с устоявшимися в народе традициями и пониманием «правильных» взаимоотношений между супругами – подчинением жены мужу, а также с нежеланием власти на местах претворять в жизнь новые законы. Поэтому, в особенности в «глубинке», нередкими являлись случаи насилия мужей над женами и даже убийства последних. Наказания же за совершение подобных преступлений оставались незначительными[706].

Битье мужьями жен в патриархальной семье с целью «вразумления» по обычному праву преступлением не являлось. Жители села были убеждены в праве мужика «наказывать», или, как говорили в деревне, «учить» свою бабу. Но убийство супруги воспринималось крестьянами как тяжкий грех и преступление[707]. Поэтому, если женщина понимала, что побои супруга скоро доведут ее до смерти, и это могли подтвердить свидетели, например, начальство мужа, то церковь могла если не развести, то хотя бы разрешить пострадавшей жить отдельно от обидчика.

С принятием христианства на Руси брачно-семейные отношения регулировались церковью. К ведению церковного суда относились, помимо всех религиозных, преступления, касавшиеся брачного семейного союза и чистоты нравов. В Кормчих книгах в «Первом каноническом послании св. Василия Великого к Амфилохию Иконийскому» приводилось правило о расставании супругов. Жена должна была принимать мужа и сохранить семью в любом случае, что бы ни происходило, даже если муж изменяет и бьет ее: «Ибо аще потому, яко биема была, и не стерпела ударов: то подобало паче претерпети, нежели разлучатися с сожителем». Жестокое обращение мужа с женой практически не становилось причиной развода[708], что подтверждают и архивные документы. В ответ на жалобу женщины епархиальные власти могли предложить в лучшем случае отдельное проживание.

---

[706] Игнатович В.Э. Борьба с насилием в быту: историко-правовой анализ российского законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 15.

[707] Безгин В.Б. Убийство супруга(и) в крестьянской семье (конец XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1(63). С. 27.

[708] Родина И.В. Родственно-семейные отношения насилия и зависимости в обычаях и нормах России: исторический аспект // Научный журнал «Общество и право». 2006. № 3(13). С. 18–19.

Следует отметить, что избиение жен было распространенным явлением среди всех сословий[709]. Женщины страдали не только от своих мужей, но и от других мужчин.

На одни побои суд мог не обратить внимание, для возбуждения дела в суде и в сообщении ТДК для наложения епитимии должны были иметься более печальные последствия. 10 июня 1802 г. ТДК получила сообщение из Тобольского уездного суда об избиении вогулом Кондинской волости Яковом Родионовым беременной жены вогула Татьяны Яковлевой, что повлекло за собой выкидыш. По этой причине, после проверки дела в Тобольской палате суда и расправы 19 мая 1802 г., Тобольский уездный суд определил «выписать из дела принадлежащие термины» и сообщить в ТДК: оказалось, что на Татьяну набросилась вся семья Родионовых – вначале Марья Алексеева, затем ее дочь Анна и потом муж Яков Родионов. После краткого объяснения приводится подробное изложение всех обстоятельств дела: ясашные вогулы Кондинской волости Аминских юрт «Протопий» Родионов и его сосед, сын указанного Якова Влас Родионов, в феврале 1802 г. (число рассказчик забыл) наварили брагу для продажи приезжающим из других селений вогулам. В этот день в гости к Протопею «для питья браги» зашла жена его соседа Марья Алексеева с дочерью Анной, и «не известно с чего начала ему ... и жене его выговаривать, что он, Протопей, лежит болен, но жена его ... за живого уйдет замуж и ругали ее всячески, на что жена его отвечала, что замуж за другого, ни за кого она выйти не намерена, и, не дав более ничего говорить, схватив они жену его за волосы, сшибли с ног». «Протопий» и гостивший у него вогул Илья Васильев из Леушинской волости оттащили нападавшую и вытолкнули за дверь, а ее дочь Анна осталась в доме, «ругаясь всячески». Позже в дом к «Протопию» пришел сын Марьи Федор и, схватив первого за волосы, «бил сколько ему было угодно»; на помощь пострадавшему пришел опять-таки Илья Васильев. Следом появился Яков Родионов и избил беременную жену «Протопия» Татьяну Яковлеву, которая лишилась ребенка и даже спустя какое-то время, после похорон, чувствовала «во всем корпусе болезнь». В доме в тот момент находились «Протопий», Влас и еще два свидетеля – проживавший в Аратинских юртах вогул Дмитрий Алетин[710] и девица из Никотинских юрт Анна Шакова[711], то есть пять взрослых, из которых

[709] Там же. С. 19.

[710] Фамилия написана неразборчиво.

[711] Фамилия написана неразборчиво.

четверо – мужчины, трое из них были здоровы, тогда как муж потерпевшей «Протопий» болел. Остается неясным, почему они позволили Якову бить лежащую Татьяну кулаками – неужели все настолько боялись Якова или он был настолько сильнее остальных? Одной из причин данного преступления стало, возможно, распитие с самого утра браги. Допрошенная Татьяна подтвердила показания «Протопея» и добавила, что ее спасли Илья Васильев и Влас. На следующий день после выкидыша «Протопий» объявил о случившемся десятнику Аминских юрт Андрею Иванову, а затем старшине Кондинской волости Козьме Павлову[712].

13 июня 1802 г. ТДК на своем заседании заслушала обстоятельства дела. Выписка из журнала ТДК представляет интерес, так как первая ее половина написана аккуратным почерком, а потом, на середине предложения, меняется составитель и дальше разобрать текст практически невозможно. По какой причине сменился автор данного так называемого протокола, неизвестно, возможно, ему пришлось срочно отлучиться. 17 июня архиепископ Варлаам I одобрил решение ТДК, 23 июня был отправлен указ (№ 200) священнику Кондинской волости Стефану Тюшеву[713] о присмотре за наказанным по 23 правилу Анкирского Собора пятилетней епитимией Яковом Родионовым. Подтверждение преосвященного в виде резолюции отсутствует, имеется только упоминание о том, что оно записано в книгу под № 53[714].

Вызывают интерес «женские» прошения, поступавшие в ТДК от представительниц различных сословий, их особенная эмоциональная окраска. Описания нанесенного ущерба, содержащиеся в медицинских свидетельствах и просительных документах, больше походят на тексты триллеров, чем на официальные документы, невозможно не сопереживать «героиням» дел ТДК.

Судя по документам Государственного архива в г. Тобольске, наказывали только тех мужчин, чьи побои приводили к более или менее серьезным последствиям. Избиение чужой жены обычно наказывалось более строго, чем своей.

Процесс производства ТДК по делам о причинении телесного вреда женщинам со стороны мужчин в конце XVIII – начале XIX в. длился несколько месяцев, в виде редкого исключения – несколько лет, и обычно включал следующие этапы: 1) подача просительного документа со стороны потерпевшей (через духов-

---

[712] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 5. Д. 948. Л. 2–5.

[713] Фамилия написана неразборчиво.

[714] ГБУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 5. Д. 948. Л. 6–7.

ное правление, если она проживала в провинции, в таком случае духовное правление переписывало ее просьбу), либо от начальства ее супруга напрямую в ТДК, если преступление совершил муж, или, в случае смерти женщины либо выкидыша, – сообщение Тобольского уездного суда (через духовное правление, если преступление совершалось не в Тобольске) или Тобольского губернского правления с требованием о наказании от Тобольской палаты суда и расправы; 2) рассмотрение поступившей документации на заседании ТДК, составление определения в конце XVIII в., позже – выписки из журнала ТДК; 3) проставление резолюции архиепископом; 4) отправка указа ТДК начальству мужа или в духовное правление; при необходимости извещали Синод[715].

Архивные материалы свидетельствуют о сложившейся тенденции документирования просьб: чем выше был уровень образованности женщины, тем реже эмоции отражались в содержании прошений, усиливалась лаконичность, увеличивалось количество отсылок к нормативным правовым актам того времени. Таким образом, на епархиальное делопроизводство оказывали влияние уровень грамотности, а также характер авторов просительных документов.

[715] Спичак А.В. Делопроизводство Тобольской духовной консистории по вопросам о причинении мужчинами телесного вреда женщинам (конец XVIII – начало XIX вв.) // Православие. Наука. Образование. 2019. № 1(7). С. 20.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимодействие церкви и общества на севере Тобольской епархии, как и в целом в Российской империи, происходило на нескольких уровнях. Оно могло осуществляться в ходе совместной богослужебной деятельности духовенства и прихожан, проведения календарных и храмовых праздников, крестных ходов, исполнения христианских треб, проповедническо-миссионерской работы. Однако влияние церкви являлось комплексным и многоаспектным, оно не ограничивалось исключительно выполнением пастырских обязанностей, причем в отдельных сферах было более, в других – менее глубоким, меняясь в зависимости от периода и локализации. Следует при этом говорить как о влиянии духовенства на светскую власть и общество, так и об обратном воздействии, определявшем социальный статус, занятия, повседневную жизнь и быт, материальное благополучие служителей церкви.

На севере Тобольской епархии сложились не только особые условия, в которых священно- и церковнослужители выполняли свои основные обязанности, вели проповедническо-миссионерскую деятельность и искали источники существования. Здесь у духовных лиц имелась возможность применять многовариантные методы и формы воздействия на происходившие в региональном социуме процессы. Духовенство было опорой, проводником курса правительства, помогая основной массе населения Северо-Западной Сибири – коренным жителям – освободиться «от пут невежества» через принятие православной веры. Социально-просветительское служение давало возможность укоренить на «инородческом севере» черты новой, европейской цивилизации. Однако в большей степени это влияние удалось распространить на русских переселенцев, вовлекаемых в общий процесс строительства православного мира на землях Сибири. В некоторых отношениях это влияние носило в значительной степени формальный, хотя и важный для населения характер (например, предоставление услуг при выдаче справок), в других было определяющим на начальном этапе становления и развития определенной институции (таких, как информационная деятельность, медицинская помощь, сельское хозяйство, учет), но со временем снижалось. Подчас такое влияние оставалось неизменным на протяжении всего рассматриваемого периода (строительство храмов, обучение подрастающего поколения). Правительству удалось мобилизовать духовенство на оказание содействия светским властям в освоении пространств и ресурсов Севера, дать

государству возможность для достижения своих целей в переустройстве общества.

На протяжении синодального периода из-за значительного увеличения объема документооборота стремительно возрастал объем работы с документами как в приходских церквях, так и в учреждениях по управлению церковью. К положительным чертам бюрократизации можно отнести достаточно полную фиксацию всех аспектов вопросов внутренней жизни церкви, отражение в документах значительного объема информации о просителях. Введение законодательно установленных форм документов и правил их оформления и ведения должно было предотвратить пропуск записей духовными лицами и чиновниками.

Русская православная церковь принимала участие в становлении в крае, несмотря на его суровые природно-климатические условия, традиционной русской земледельческой культуры, практикуя занятия животноводством, опыты по посеву хлебов, выращиванию овощей. Церковная благотворительность способствовала не только укреплению такого качества, как милосердие и распространение христианской заботы о ближнем, но и помогала лучше понять, чем живет страна, осознать себя ее органической частью.

Развитие начального церковного образования в рассматриваемый период происходило по инициативе государственной и церковной власти, но при активном участии и тесном взаимодействии приходского духовенства и рядовых прихожан. Быстрый и динамичный рост сети церковных школ оказался возможен, особенно в первые годы ее существования, только при поддержке этого начинания снизу, пусть даже необходимость и позитивность данного процесса и не сразу осознавались населением. Сибирские крестьяне были во многом обязаны духовенству, которое стояло у истоков начального образования во многих районах края. Оно должно было решать нелегкие задачи: найти меценатов, сочувствующих делу народного образования, поддерживать школы скудными церковными средствами, выполнять обязанности учителя. Хотя государство возложило на клириков обязанности, к которым они не были подготовлены и которые отнимали у них немало времени, необходимого для собственно церковной деятельности, духовенство в целом справилось с этими задачами, обеспечив существование школ на первом – самом трудном этапе их существования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РАЗДЕЛ I

Опубликованные источники

Акишин М.О. Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям. XVII–XVIII в. // Уральский исторический вестник. 1994. № 1.

Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собр. и редакт. А.М. Гневушев. М., 1914.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. II.

Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1884. Т. II.

Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. Вып. I–II.

Дворецкая Н.А., Медведев П.А. Новый список сибирской летописи Абрамовского вида // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986.

Зиннер Э.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.

Книги разрядные, изданные с Высочайшего соизволения II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1853. Т. I; СПб., 1855. Т. II.

Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К. Ромодановская и О.Д. Журавель. Новосибирск, 2001 (История Сибири: Первоисточники. Вып. X).

Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. I.

Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. II.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. III.

/Найденов Н.А./ Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885.

Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сб. док. Екатеринбург, 2004.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 236. № 31.

Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М., 1985.

Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987.

Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1989. Кн. 2.

Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996 (История Сибири: Первоисточники. Вып. VII).

Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. XIV. Первая половина.

Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34.

Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36.

Разрядная книга 1475–1605. М., 1994. Т. IV. Ч. I.

Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. II.

Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. VIII.

Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы. М., 2007.

Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008.

Сказания сибирских казаков: Памятники фольклора XVII–XX в.: Литературная обработка Анатолия Преловского. М., 2003.

Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 2004. Вып. 6: Томск: Нарым: Березов.

Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994 (История Сибири: Первоисточники. Вып. IV).

Литература

Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии / Сост. Ю.Л. Мандрика и В.А. Чупин. Тюмень, 1998.

Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

Алферова Г.В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI–XVII веках // Вопросы истории. 1977. № 7.

Архипова М.Д. Киприан Старорусенков и начало складывания земельной собственности Тобольского владычного дома // Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии. Нижневартовск, 2002. Ч. 1.

Балуева Н.М. Православные храмы Октябрьского района // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII – XIX веков / Отв. ред. Е.И. Дергачева-Скоп и В.Н. Алексеев. Тобольск, 2005.

Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2.

Белобородов С.А. Столица северного края: Очерки истории Самарова – Остяко-Вогульска – Ханты-Мансийска. М., 1996.

Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008.

Бординских Г.А. Названия церквей городов Чердыни и Соликамска как исторический источник // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. («Строгановские чтения») (17–19 сентября 2004 г.). Березники, 2004.

Бродников А.А. К вопросу о времени строительства первых храмов в Енисейском остроге // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI в. Новосибирск, 2015.

Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII в. Уфа, 2010.

Буланин Д.М. Симеон // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я: Дополнения.

Буцинский П.Н. Соч.: В 2 т. / Под ред. С.Г. Пархимовича; сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 1999. Т. 1–2.

Введенский А. Библиотека и архив у Строгановых в XVI–XVII в. // Север. Вологда, 1923. Кн. 3–4.

Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. Екатеринбург, 2018.

Вершинин Е.В. Челобитные аборигенного населения Сургутского уезда (XVII в.) // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004.

Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004.

Вилков О.Н. Некоторые аспекты административной и строительной культуры Тобольска в конце XVI – начале XVIII в.: Препринт. Новосибирск, 1999.

Внукова О.В. Складывание основных категорий зависимого населения Западной Сибири на раннем этапе ее русской колонизации (конец XVI – начало XVII вв.) // Мат-лы регион. науч. конф., посвященной памяти профессора Ю.П. Прибыльского (19 апреля 2013 г.). Тобольск, 2013.

Главацкая Е.М. «Потому что от мечетев церквам Божиим бывает перешкода...»: Из истории этнорелигиозных контактов в Северо-Западной Сибири в XVII – начале XVIII в. // Тюркские народы: Мат-лы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2002.

Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX в. Екатеринбург; Салехард, 2005.

Глазьев В.Н. Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 2001. Вып. 2.

Гоголев Д.А., Ярков А.П. Утилитарное – сакральное – музейное (Об истоках формирования сибирских коллекций) // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Мат-лы III научно-практ. конф. (26–29 ноября 2013 г., г. Сургут). Сургут, 2013. Ч. I.

Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Ермак и Строгановы: к проблеме подготовки и начала экспедиции в Сибирь // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. («Строгановские чтения») (17–19 сентября 2004 г.). Березники, 2004.

Голомянов А.И. Народные представления о Ермаке и сибиряках-«чалдонах» // I Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: Мат-лы регион. науч. конф. (21 декабря 2008 г., г. Новосибирск). Новосибирск, 2009.

Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984.

Дворецкая Н.А. Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XIV.

Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965.

Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000 (Сер. «Книга и литература»).

Дергачева-Скоп Е.И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С.У. Ремезова. Статья 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири: Материалы к «Истории русской литературы Сибири». Новосибирск, 1971.

Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. «Житие Ермаково, как Сибирь взял...» (Одна из трансформаций жанра воинских житий в XVII в.) // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX в. Новосибирск, 2005.

Дёмин А.С. Писатель и общество в России XVI–XVII веков (Общественные настроения) / Отв. ред. О.А. Державина. М., 1985.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960 (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. LV).

Дубман Э. Князь Григорий Засекин (Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов). Самара, 1995.

Зайцев Г.С. Православие и казачество в истории присоединения Сибири к России: прошлое и настоящее // Православное наследие в культуре России: история, актуальность диалога: Мат-лы всерос. научно-практ. конф. Челябинск, 2012 (X славянский научный собор «Урал: Православие: Культура»).

Зинченко С.Н. Особенности социального и национального состава сибирских казаков конца XVI – XVII в. // Присоединение Сибири к России: новые данные: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием (9–10 декабря 2014 г.). Тюмень, 2014.

Зольникова Н.Д. Макарий (Кучин) // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. К–Р.

Зольникова Н.Д. Тобольская и Тюменская епархия // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. С–Я.

Зольникова Н.Д., Покровский Н.Н. Русская православная церковь // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. К–Р.

Зуев А., Слугина В. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // Российская история. 2015. № 3.

Зуев А.С. Аборигенная (инородческая) политика России в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. А–И.

Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII вв. Новосибирск, 2017.

Илюшечкина Т.Н. Голландская версия Описания Сибири: к литературной истории памятника // II Ремезовские чтения 2005: Провинция в русской культуре / Сост. и отв. ред. Е.И. Дергачева-Скоп и В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2008 (Сер. «Книга и литература»).

История казачества Азиатской России: В 3 т. Екатеринбург, 1995. Т. 1: Конец XVI – первая половина XIX в.

История Ямала: В 2 т. / Под общ. ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург, 2010. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 2: Российская колонизация.

Ишмулкин С.К. Вспомогательный аппарат местного управления Тобольского разряда в XVII веке // Рукописи XVI–XXI в.: исследования и публикации. Новосибирск, 2013.

Кадырбаев А.Ш. Ермак и «взятие Сибири»: тюркский контекст // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы междунар. конф. (22–23 апреля 2011 г., г. Курган). Курган, 2011.

Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. IX.

Кирдяшова И.С. Градостроительная эволюция г. Тюмени с основания до начала XX в. // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень, 2004. Вып. VI.

Козляков В. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М., 2011.

Конев А.Ю. Неизвестный источник о крещении Лобана (Онжина) Юрьева: к истории кодских князей и их потомков (XVII – начало XIX вв.) // Вестник Нижневарт. гос. ун-та. 2018. № 4.

Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989.

Крамор Г. Загадка ветхой книжечки // Югра. 2007. № 1–2.

Кружинов В.М. Тюмень: вехи истории. Екатеринбург, 1997.

Кузьмина А.С. Культовое зодчество Кодского княжества Западной Сибири // Культурологические исследования в Сибири. 2002. № 1(7).

Лаврентьев А.В. Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века и их источники (Новый Летописец, Свод 1652 года, Латухинская Степенная книга) // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII в. М., 1986.

Мануйлова И.А., Ярков А.П. О традициях иконописи в регионе // Тобольск – врата Сибири: Актуальные вопросы истории города и региона XVII–XX в. Тобольск, 2012.

Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска XVII – первой половины XVIII вв.: приходские церкви // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: Сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием (14 ноября 2014 г., г. Сургут, СурГУ). Курган, 2015.

Манькова И.Л. Сибирский архиепископ Симеон и тобольские воеводы: опыт эмпирического исследования в свете теории конфликта // Уральский исторический вестник. 2012. № 3(36).

Мельник А.Г. Описи церквей и монастырей как источник по истории почитания русских святых в XVI–XVII в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Мат-лы XXIV Междунар. науч. конф. (2–3 февраля 2012 г., г. Москва). М., 2012.

Мельник А.Г. Пядничные иконы русских святых XVI – начала XVII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 3(37).

Мельников Б.В. Некоторые аспекты церковной политики Российского государства в Сибири (XVII век) // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: Тез. докл. и сообщ. межвуз. регион. науч. конф. Омск, 2000.

Миненко Н.А. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб., 2004.

Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960.

Морохин А.В. Симеон, архиепископ Тобольский и Сибирский (1651–1663) (страницы биографии) // Мининские чтения: Мат-лы науч. конф. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (10 декабря 2002 г.). Нижний Новгород, 2003.

Нигматзянов И.Р. Имагология хана Кучума в Есиповской летописи и исторические реалии // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. (21–22 апреля 2017 г., г. Курган). Курган, 2017.

Никитин Н.И. О «старой» ермаковской сотне (к истории одного мифа) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. М., 2012.

Никитин Н И. Служилые люди Западной Сибири в XVII веке. Новосибирск, 1988.

Новосадский И.В. Возникновение печатной книги в России в XVI в. // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935.

Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Сост. Н.Н. Оглоблин. М., 1895–1901. Ч. 1–4.

Оглоблин Н. Дело о самовольном приезде в Москву тобольского архиепископа Симеона, в 1661 году (Очерк из жизни XVII в.) // Русская старина. 1893. № 10.

Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995.

Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.

Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1.

Папков А.И. Складывание церковной структуры в южных уездах Российского царства в конце XVI – начале XVII в. // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века, раннее Новое время: Сб. ст. памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010.

Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004.

Пестерев В.В. Русская колониальная администрация в борьбе с фантомами сибирской государственности // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы междунар. конф. (22–23 апреля 2011 г., г. Курган). Курган, 2011.

Пилипчук Я.В. «Пегая Орда»: К вопросу о средневековой истории селькупов // Культура: Наука: Образование: Проблемы и перспективы: Мат-лы V Междунар. науч. конф. (09–10 февраля 2016 г., г. Нижневартовск). Нижневартовск, 2016. Ч. II.

/*Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К.*/ Предисловие // Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994 (История Сибири: Первоисточники. Вып. IV).

Попова И.А. География распространения книг в Сибири XVII века // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень, 2004. Вып. VI.

Преображенский А.А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию академика М.В. Нечкиной. М., 1976.

Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972.

Пузанов В.Д. Дети боярские и дворяне Западной Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2019. № 4.

Пуль Е.В. Основные этапы истории верхотурского Свято-Николаевского мужского монастыря // Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997.

Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982.

Резун Д.Я. Предисловие // Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996 (История Сибири: Первоисточники. Вып. VII).

Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993.

Ремнев А.В. Ермак в исторической памяти, имперских и национальных сценариях и нарративах // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011.

Ромодановская Е. Есиповская летопись: К 370-летию первой летописи Сибири // Сибирские огни. 2006. № 8.

Ромодановская Е.К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002 (Избр. труды).

Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976.

Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3(21).

Силаева И.А. Взаимоотношения церковных и светских властей в Сибири XVII столетия в трудах Н.Н. Оглоблина // Изв. Алт. гос. ун-та. 2019. № 2.

Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI – начало XVII вв.). Тюмень, 2006.

Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4.

Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986.

Смирнов М.В. Иконостас Ермака Тимофеевича // II Емельяновские чтения: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. (11–12 мая 2007 г., Курган). Курган, 2007.

Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007.

Соболева Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной куль-

туры в исторических и литературных памятниках XVI–XX в. Новосибирск, 2005.

Соболева Л.С. Художественная концептуализация похода Ермака в летописных и богослужебных текстах конца XVI – начала XVII в. // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV–XVIII в. Екатеринбург, 2006.

Солодкин Я. Был ли угличский колокол в сибирской ссылке? (о происхождении одного мифа) // Мир Севера. 2015. № 1.

Солодкин Я. Начало православия в Западной Сибири // Югра. 2000. № 7–8.

Солодкин Я.Г. «Беседуя к вашей любви...»: Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск, 2017.

Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск, 2015.

Солодкин Я.Г. К оценке волнений «иноземцев» Березовского уезда в 1607 году: «шатость» или мятеж? // Меншиковские чтения 2011: Мат-лы чтений. СПб., 2012. Вып. 8: Березово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) (12–13 ноября 2011 г.).

Солодкин Я.Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: очерки ранней истории. Нижневартовск, 2018.

Солодкин Я.Г. О некоторых спорных вопросах основания Березова (К ранней истории казачества первого русского города в Нижнем Приобье) // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2017. Вып. 20.

Солодкин Я.Г. О формировании ранней официальной версии «взятия» и начала освоения Сибири // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окруж. научно-практ. конф., посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея (24–27 ноября 2003 г., г. Сургут). Сургут, 2003.

Солодкин Я.Г. Первые православные храмы Сибири // Гуманизация культуры и образования в Ханты-Мансийском автономном округе на пороге третьего тысячелетия: Мат-лы окруж. научно-практ. конф. Нижневартовск, 2000.

Солодкин Я.Г. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002.

Солодкин Я.Г. Тобольская администрация в Смутное время: состав, хронология деятельности, сословная принадлежность // Теория и практика государственного и муниципального управления. Тюмень, 2011. Вып. 5.

Софронов В.Ю. К вопросу о периодизации истории Русской православной церкви в Сибири // VI Емельяновские чтения: Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвященной 1150-летию российской государственности, 75-летию со дня рождения д-ра ист. наук, проф. Н.Ф. Емельянова и 60-летию исторического факультета КГУ (26–28 апреля 2012 г., г. Курган). Курган, 2012.

Софронов В.Ю. К вопросу о сибирской симфонии: возможен ли альянс церкви и государства // Актуальные вопросы истории Сибири: VII научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина (9–10 октября 2009 г., г. Барнаул). Барнаул, 2009.

Софронов В.Ю. Сибирская симфония: государство и церковь как союзники в процессе освоения Сибири // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики: Докл. и сообщ. Всерос. научно-практ. конф., посвященной 300-летию образования Сибирской губернии (20–21 ноября 2008 г., г. Тюмень). Тюмень, 2009.

Сухорукова Н.В. Православие в Сибири // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окруж. научно-практ. конф., посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея (24–27 ноября 2003 г., г. Сургут). Сургут, 2003.

Темплинг В.Я. А была ли церковь? ... (О строительстве первой церкви в Обдорске) // Сибирский исторический журнал. 2006/07. Тюмень, 2006.

Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII веков. М., 1968.

Туров С.В. Святыни града Березова // Историческая наука в Тюменском государственном университете: Мат-лы регион. научно-практ. конф., посвященной 75-летию вуза и 60-летию исторического факультета. Тюмень, 2005.

Туров С.В. Храмы на речных островах // Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу. Екатеринбург, 2007.

Тыжнов И. Заметки о городских летописях Сибири. СПб., 1898. Ч. 1: Летописи города Тобольска.

Ульянова А.Е. Сургутское казачество в конце XVI – XVII в.: численность, состав, материальное обеспечение // Актуальные проблемы истории Западной Сибири. Сургут, 2006.

Ульянова А.Е. Функции сургутских казаков в конце XVI – XVII в. // Проблемы истории Сибири XVI–XX в. Нижневартовск, 2005. Вып. 1.

Харина Н.С. Жизнь и хозяйственная деятельность первого тобольского архиепископа Киприана // История Сибири в биографиях. Сургут, 2009.

Харина Н.С. Присоединение сибирских территорий и строительство первых церквей в Западной Сибири // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. Сургут, 2008.

Харина Н.С. Формирование и развитие церковно-корпоративного землевладения Тобольского архиерейского дома в XVII в. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2013. Ч. 8.

Феофилакт (Моисеев), игумен. Святитель Иов – первый русский патриарх (К 400-летию учреждения патриаршества): 1589–1989 // Богословские труды. М., 1990. Сб. 30.

Фоминов А.В. Нерешенные вопросы истории «польских» городов Московского государства: основание Валуек и гибель Царева-Борисова // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2013. Вып. 16.

Цысь О.П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX в. Нижневартовск, 2013.

Цысь О.П. Четыреста лет сибирского православия // Преподавание истории в школе. 2013. № 2.

Черкасова М.С. К изучению церковно-административных и территориальных структур на Русском Севере в XVI – начале XVIII в. // Общество и государство в России XV – начала XX века: Сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007.

Черкасова М.С. Мордовские поземельные акты первой половины XVII в. из архива Троице-Сергиева монастыря // Мининские чтения: Труды участников междунар. науч. конф. (24–25 октября 2008 г., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского). Нижний Новгород, 2010.

Чиндина Л.А. Пегая Орда – Большого Лося сильный народ // Вестник Томск. гос. ун-та. 2013. № 3(23).

Шатилов М.Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки) / Под ред. С. Пархимовича. Тюмень, 2000.

Шаходанова О.Ю. Политика правительства по отношению к коренным народам Сибири в конце XVI – начале XVIII в. // Проблемы экономической и общественно-политической истории дореволюционной России. Тюмень, 2004. Вып. 2.

Шаходанова О.Ю. Политика правительства по отношению к коренным народам Сибири в конце XVI – начале XVIII веков // Сибирский исторический журнал. 2006/07. Тюмень, 2006.

Шаходанова О.Ю. Прибыльные дела сибирских воевод // Сибирский исторический журнал. 2004/1. Тюмень, 2004.

Шашков А.Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей города Березова // Тобольск и вся Сибирь: Альманах. Тобольск, 2013. Т. XXII: Березов.

Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье.

Шашков А.Т. Строительство русских острогов в Сургутском уезде в конце XVI – начале XVII в. // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окруж. научно-практ. конф., посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея (24–27 ноября 2003 г., г. Сургут). Сургут, 2003.

/Шашков А.Т./ Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / Сост. С.А. Белобородов, Н.А. Мудрова, А.В. Полетаев, Е.А. Полетаева, И.В. Починская, А.Т. Шашков. Екатеринбург, 2003.

Шашков А.Т. Югорские князья XV–XVIII в. // Северный регион: Наука: Образование: Культура. 2001. № 1(3).

Шорохов Л.П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках (развитие феодальных отношений и их особенности). Красноярск, 1973.

Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999.

Ярков А.П. Духовенство Западной Сибири в панораме веков // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Мат-

лы I Междунар. науч. конф. (17–18 декабря 2003 г., г. Нижневартовск). Нижневартовск, 2003.

Ярков А.П. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Нижневартовск; Омск, 2011. Вып. X.

РАЗДЕЛ II

Список сокращений

ГБУТО ГА – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
ТДК – Тобольская духовная консистория
ТЕВ – Тобольские епархиальные ведомости

Список использованных источников и литературы

Архивные источники

ГБУТО ГА. Ф. И-152 (Тобольское губернское управление (1822–1919 гг.)).

ГБУТО ГА. Ф. И-154 (Тобольская казенная палата, г. Тобольск Тобольской губернии (1782–1919 гг.)).

ГБУТО ГА. Ф. И-156 (Тобольская духовная консистория (1721–1922 гг.)).

ГБУТО ГА. Ф. И-171 (Березовское уездное полицейское управление, г. Березов Березовского уезда Тобольской губернии (1899–1917 гг.)).

ГБУТО ГА. Ф. И-189 (Градо-Сургутская Свято-Троицкая церковь, г. Сургут Тобольского уезда Тобольской губернии (1781–1928 гг.)).

ГБУТО ГА. Ф. И-191 (Благочиние церквей Сургутского уезда Тобольской епархии, г. Сургут Тобольской губернии (1856–1911 гг.)).

ГБУТО ГА. Ф. И-329 (Тобольское губернское правление (1788–1895 гг.)).

ГБУТО ГА. Ф. И-353 (Строительное отделение Тобольского губернского управления (1885–1917 гг.)).

ГБУТО ГА. Ф. И-378 (Сургутское отделение Тобольского окружного суда, г. Сургут Тобольской губернии (1865–1897 гг.)).

ГБУТО ГА. Ф. И-704 (Обдорская Петро-Павловская церковь, с. Обдорское Обдорской волости Березовского уезда Тобольской губернии (1823–1928 гг.)).

ГБУТО ГА. Ф. И-706 (Ларьякская Знаменская церковь, с. Ларьяк Березовского уезда Тобольской губернии (1781–1923 гг.)).

ГБУТО ГА. Ф. И-707 (Сосвинская Христорождественская церковь, с. Сосвинское Сосвинской волости Березовского уезда Тобольской губернии (1798–1887 гг.)).

РГИА. Ф. 383 (Первый департамент Министерства государственных имуществ).

РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода).

Опубликованные источники

Акт государственной историко-культурной экспертизы проекта зон охраны объекта культурного наследия местного (муниципального) значения «Здание церкви Успения Пресвятой Богородицы», расположенного по адресу: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Белоярский район, с. Полноват, ул. Советская, д. 19 // Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/8b6/akt-pzo-khmao-polnovat-tserkov-ok.pdf

Анисимкова М.К., Кузьмина А.С. «На священных берегах Ваха» (историко-этнографический трактат). Нижневартовск, 1999. 160 с.

В чем состоят холерные заболевания // ТЕВ. 1893. № 7–8. Отдел неофиц. С. 129–139.

Внутренние известия // Сибирский листок: 1890–1894. Тюмень, 2003. С. 111–113.

Для народной беседы о холере // ТЕВ. 1893. № 7–8. Отдел неофиц. С. 123–129.

Записки находившихся в Березовском округе Тобольской епархии для обращения иноверцев к христианству иеромонаха Макария и помощников его 1832 года / Сост. Н.А. Абрамов // Странник. 1866. № 8. С. 11–24.

Из журнала совета общего Тобольского губернского управления о разделении инородцев Тобольской губернии на разряды и введении у них порядков управления в соответствии с «Уставом об управлении инородцев» 1822 года // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сборник правовых актов и документов / Ред.-сост. А.Ю. Конев. 1999. Тюмень, С. 111–117.

Из записок тобольского губернатора В.А. Тройницкого «Неурожай в Тобольской губернии 1891 года» // Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 361–368.

Из истории Обдорской миссии: Источники / Сост., вступ. ст. и коммент. В.Я. Темплинга. Тюмень, 2004. 288 с.

Извлечение из отчета обер-прокурора святейшего синода за 1840 год. СПб., 1841.

Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1850 год. СПб., 1851. 110+108+3 с.

Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1860 год. СПб., 1862. 84+142 с.

Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора святейшего синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1871 год. СПб., 1872. 240+126 с.

Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора святейшего синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1873 год. СПб., 1874.

Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1880 г. СПб., 1882. 206+126 с.

История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). Томск, 2006.

Карпова Л.В., Потапова Н.А., Сухман Т.П. Охрана культурного наследия России XVII–XX вв: хрестоматия. М., 2000. Т. 1. 147 с.

Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / Сост. С.А. Белобородов, Н.А. Мудрова, А.В. Полетаев, Е.А. Полетаева и др. Екатеринбург, 2003. 496 с.

Ландышев Е., свящ. О сборе и хранении врачебных трав // ТЕВ. 1890. № 11–12. Отдел неофиц. С. 285–288;

Ландышев Е., свящ. О сборе и хранении врачебных трав // ТЕВ. 1890. № 19–20. Отдел неофиц. С. 453–456.

Лебедев М. По поводу прошлогодней холерной эпидемии // ТЕВ. 1893. № 7–8. Отдел неофиц. С. 118–119.

Материалы по истории православных церквей Среднего Приобья // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Нижневартовск, 1998. Вып. I. С. 157–184.

Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 26. Отдел II. Часть неофиц. С. 236.

М.К. Переселенцы в тобольской губернии // Сибирский листок. 1890–1894. Тюмень, 2003. С. 352–359.

Наставление о том, что такое Сибирская язва, от чего она бывает и как предохранять и лечить лошадей и других животных (а также человека) от этой болезни // ТЕВ. 1890. № 15–16. Отдел неофиц. С. 360–371.

Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. 1715. Новосибирск, 1941. 108 с.

О духовенстве и о приходах (извлечение из Устава духовной консистории) // Права и обязанности благочинного приходских церквей. М., 1900. С. 43–85.

О мерах к прекращению дифтерита // ТЕВ. 1885. № 20. Отдел неофиц. С. 461–467.

О ревизии церквей Березовского и Сургутского ведомства. Путевой журнал протоиерея Петра Попова. 1882 г. // Подорожник: краеведческий альманах / Сост. В. Белобородов. Тюмень, 2009. Вып. 10. С. 197–227.

Общее собрание Тобольского епархиального комитета православного миссионерского общества // ТЕВ. 1907. № 10. Отдел неофиц. С. 285–288.

Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Кн. вторая. 1713–1724. XXIV, 541 с.

Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшего Евсевия, Епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церквей Сургутского и Тобольского уездов // Тобольские епархиальные ведомости. 1911. № 21. Отдел неофиц. С. 487–495.

ПСЗРИ. 1-е. Т. VI. № 3534.

ПСЗРИ. 1-е. Т. IX. № 6693.

ПСЗРИ 1-е. Т. X. № 7959.
ПСЗРИ. 1-е. Т. XIII. № 9722.
ПСЗРИ. 1-е. Т. XVII. № 12378.
ПСЗРИ. 1-е. Т. XVII. № 13127.
ПСЗРИ. 1-е. Т. XVIII. № 12949.
ПСЗРИ. 1-е. Т. XXIII. № 17309.
ПСЗРИ. 1-е. Т. XXV. № 18316.
ПСЗРИ. 1-е. Т. XXX. № 22971.
ПСЗРИ. 1-е. Т. XXX. № 23080,
ПСЗРИ. 1-е. Т. XXX. № 23694.
ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. № 29125,
ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. № 29126.
ПСЗРИ. 1-е. Т. XXXVIII. № 29133.
ПСЗРИ. 1-е. Т. XL. № 30464.
ПСЗРИ. 2-е. Т. XXXVIII. Ч. 1. № 38414.
ПСЗРИ. 2-е. Т. III. № 2502.
ПСЗРИ. 2-е. Т. IV. № 3323.
ПСЗРИ. 2-е. Т. VI. № 4199.
ПСЗРИ. 2-е. Т. XI. № 9269.
ПСЗРИ. 2-е. Т. XVI. Отд. 1. № 14409.
ПСЗРИ. 2-е. Т. XVII. № 15794.
ПСЗРИ. 2-е. Т. XXII. Отд. 1. № 20786.
ПСЗРИ. 2-е. Т. XIX. № 17828.
ПСЗРИ. 3-е. Т. I. № 184.
ПСЗРИ. 3-е. Отд. 2. Т. X.

Поучение по случаю появления в нашей местности холеры // ТЕВ. 1893. № 7–8. Отдел неофиц. С. 119–122.

Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века (материалы по истории местных сообществ Азиатской России) / Сост., вступ. ст. и коммент. С.В. Турова. Тюмень, 2004. 461 с.

Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены / Под ред. А.А. Востокова. СПб., 1882. 208 с.

Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.): источники / Сост., предисл. и коммент. В. Темплинг, вст. ст. и коммент. С. Турова. Тюмень, 2007. 208 с.

Свод учреждений и уставов врачебных по гражданской части // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 13. С. 170.

Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сб. правовых актов и документов / Ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень, 1999. 237 с.

Сибирская торговая газета. 1907. 27 нояб.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / Отв. ред. Н.Н. Покровский; изд. подгот. А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996. 310 с.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внут-

ренних дел. [Вып.] 60: Тобольская губерния: Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов / Обраб. ред. В. Зверинским; сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел. СПб., 1871. CCLXXII. 196 с.

Список населенных мест Тобольской губернии: [составлен по сведениям на 15 июля 1909 года, полученным от уездных исправников и волостных правлений]. Тобольск, 1912. 634, IX с.

Справочная книга Тобольской епархии на 1913. Тобольск, 1913. 46, 227, 89, 8, 66 с.

Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства 1822–1941 гг.): Сб. документов / Управление по делам архивов администрации Тюменской области, Государственный архив Тюменской области, Тюменский областной центр документации новейшей истории. Тюмень, 1994.

Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX в.: источники / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2006. Вып. 7. 376 с.

Тобольский епархиальный адрес-календарь на 1897 г. / Сост. Н. Богословский. Тобольск, 1897. 260 с.

Устав духовных консисторий. СПб., 1841.

Устав об управлении инородцев 1822 г. // Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сборник правовых актов и документов / Ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень, 1999. С. 85–111.

Устав учебных заведений, подведомственных университетам // Школа Тобольской губернии в XVIII – начале XX вв.: хрестоматия. Тюмень, 2001. Т. 1. С. 69–72.

Холера и меры предупреждения ее развития // ТЕВ. 1892. № 13–14. Отдел офиц. С. 138–139.

Церкви Обдорска: летопись в документах / Ред.-сост. В.Я. Темплинг. Тюмень, 2007. Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. I. 304 с.

Литература

Абрамов Н.А. Георгий Ящуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский (1845–1852 гг.) // Странник. 1868. Т. III. № 8. Отд. I. С. 63–93.

Абрамов Н.А. О введении христианства у березовских остяков // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. № 12. С. 1–22.

Абрамов Н.А. Описание Березовского края. М., 1993. 83 с.

Айвазов И.Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III-го. М., 1913. 222 с.

Арчебасова Н.А. Попечители учебных заведений – должность или призвание? (на примере Саратовской губернии второй половины XIX – начала XX вв.) // Власть. 2009. № 9. С. 130–133.

Бабушкина О.Ю. Взаимоотношения причта и мира в сибирской деревне // Религия, человек, общество: Тезисы международного научного религиоведческого конгресса. Курган, 1998. Ч. 2. С. 6–7.

Базанов А.Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере. Л., 1936. 134 с.

Батоев С.Д. Начало институализации здравоохранения Забайкалья в дореволюционный период // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 54. С. 5–9.

Безгин В.Б. Убийство супруга(и) в крестьянской семье (конец XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1(63). С. 27–30.

Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2(57). С. 56–81.

Белобородов В.К. 2017. Русские старожилы Сургутского края: последняя книга очерков. Ханты-Мансийск, 2017.

Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010. 176 с.

Белич И.В. История становления учебно-воспитательных учреждений для детей народов Севера (на примере северных самодийцев): Дис. ... канд. пед наук. Тобольск, 1999.

Березово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А. Редин. Екатеринбург, 2008.

Бирюков Н. Протоиерей П.Д. Головин, ректор Тобольской духовной семинарии (1877–1904 гг.). (Некролог и погребение). Тобольск, 1911. 171 с.

Борщукова Е.Д. Деятельность Православной церкви в организации медицинской помощи раненым в начальный период Первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 3. С. 220–223.

Бурнашев Э.Г. Образовательная политика Русской Православной Церкви в Западной Сибири XVIII – начала XX вв.: на материалах Тобольской епархии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 24 с.

Буцинский П.Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893. 93 с.

Бушуева Е.С. Священно-церковнослужители Нерчинской Успенской церкви первой половины XIX века: жизнь и деяния // Вестник Иркутского гос. ун-та. 2015. № 10(105). С. 284–289.

Васильева А. В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015.

Выхрыстюк М.С. Тобольская старина: Материалы к истории делопроизводства г. Тобольска второй половины XVIII века. Тобольск: ТГПИ, 2005. Ч. 2. 130 с.

Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX в. Екатеринбург; Салехард, 2005. 360 с.

Герасимов В.Н., свящ. Обдорск (исторический очерк). Тюмень, 1909. 83 с.

Гизей Ю.Ю. Церковно-приходская школа Томской епархии (1884–1917). Кемерово, 2004. 141 с.

Глыбочко П.В., Николенко В.И., Кочеткова Т.В. Судьбоносный выбор российской университетской науки (150-летию со дня рождения В.И. Ра-

зумовского посвящается) // Саратовский научно-медицинский журнал. 2007. Т. 3. № 1. С. 109–111.

Головин Н. Десятилетие церковноприходских школ (13 июня 1884 г. – 13 июня 1894 г.) // ТЕВ. 1894. № 13. С. 217–220;

Головин Н. Десятилетие церковноприходских школ (13 июня 1884 г. – 13 июня 1894 г.) // ТЕВ. 1894. № 15. С. 248–255;

Головин Н. Десятилетие церковноприходских школ (13 июня 1884 г. – 13 июня 1894 г.) // ТЕВ. 1894. № 18. С. 309–319;

Головин Н. Десятилетие церковноприходских школ (13 июня 1884 г. – 13 июня 1894 г.) // ТЕВ. 1894. № 19. С. 337–346;

Головин Н. Десятилетие церковноприходских школ (13 июня 1884 г. – 13 июня 1894 г.) // ТЕВ. 1894. № 20. С. 367–377.

Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск, 2006. Ч. I. 323 с.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: В 3 т. М., 1996. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. 432 с.

Емышева Е.М. Табель о рангах и развитие системы государственного делопроизводства // Делопроизводство. 2004. № 4. С. 82–88.

Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. 291 с.

Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). М.; Л., 1947. 96 с.

Игнатович В.Э. Борьба с насилием в быту: историко-правовой анализ российского законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. 18 с.

Иринарх, иер. История Обдорской Духовной миссии (1854–1904). М., 1906.

Иринарх, игум. Обдорское миссионерское Братство св. Гурия // Избранные труды: В 2 т. / Сост. и авт. вступ. ст. Л.Ф. Липатова; ГБУ «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского». М., 2011. Т. 2. С. 313–323.

Иринарх, игум. Празднование первой годовщины Обдорского миссионерского Братства во имя свят. Гурия, архиеп. Казанского // Православный благовестник. 1905. № 23. С. 322–329.

Каменецкий О.К. Наставление, каким образом поступать должно с больными, где нет лекарей, как их содержать и какую им пищу производить должно во время продолжения болезней, и во время выздоровления от оных. СПб., 1813. 16, 8 с.

Караваева Е.В. Деятельность епископов Западной Сибири по формированию санитарно-гигиенической культуры крестьянства в конце XIX – начале XX в. (на примере Томской епархии) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. Вып. 3–4. С. 115–118.

Караваева Е.В. Нормативные акты – основа для участия православного клира Томской губернии в благоустройстве сельских кладбищ (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2012. № 1. С. 63–67.

Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии, по данным произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора подворного исследования. СПб., 1896. Т. 2. Ч. 1. 25 с.

Козлов З. Исторический очерк одноклассной церковно-миссионерской Кондинской школы, за 65 лет (с 1844–1909 г.) ее существования // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. 1910. № 16. С. 121–126.

Козлов З. Описание прихода села Мужей, Березовского уезда, Тобольской епархии // Тобольское церковное древлехранилище. Тобольск, 1903. Вып. 2. С. 50–58.

Козлов В. Описание прихода села Мужи Березовского уезда Тобольской епархии (до 1902 года) // ТЕВ. 1903. № 14. С. 342–347;

Козлов В. Описание прихода села Мужи Березовского уезда Тобольской епархии (до 1902 года) // ТЕВ. 1903. № 16. С. 394–404.

Козлова Д.А. Купеческая династия Ижболдиных: предпринимательство и семейные традиции // Вестник Чувашского ун-та. 2008. № 3. С. 27–33.

Конев А.Ю., Поплавский Р.О. Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI–XVIII в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4(43). С. 165–174.

Конюченко А.И. Тона и полутона православного белого духовенства России (вторая половина XIX – начало XX века). Челябинск, 2006. 210 с.

Корнилов А.М. Замечания о Сибири. СПб., 1828. 105 с.

Костанов А.И. Архивы Русской Православной церкви на Дальнем Востоке (XVII – начало XX веков) // История государственности и церкви на Сахалине: Сб. статей. Южно-Сахалинск, 2001. С. 48–68.

Костанов А.И. К вопросу о периодизации истории архивного дела на Дальнем Востоке России в дореволюционную эпоху (XVII – начало XX вв.) // Дальневосточные архивы: прошлое – будущему. Владивосток, 2003. С. 23–31.

Кузнецов А.А., Кузнецова Ж.Г. Об участии сибирского православного духовенства в решении социальных проблем в пореформенный период // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2016. Т. 17. С. 122–127.

Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – в начале XX в. М., 2002. 253 с.

Литвак Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX в. (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. Статьи и материалы. М., 1984. С. 48–55.

Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о прошлом. Тюмень, 1997. 262 с.

Лукашевич А.А. К истории делопроизводственной документации России XVIII в. // Отечественные архивы. 2004. № 4. С. 7–13.

Лысенко Н.А. Идеал сибирского священника-миссионера в официальных периодических изданиях Русской православной церкви второй половины XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2014.

Мавлютова Г.М. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень, 2001.

Мангилева А.В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2015. 477 с.

Мендюков А.В. Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX–XX веков. М., 2016. 168 с.

Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. 308 с.

Миненко Н.А. Судьба православия на Обском Севере (XVIII – начало XX века) // Очерки истории Югры / Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. Екатеринбург, 2000. С. 209–259.

Митрофанов В.В. Очерки по истории Тобольска, Березова и Сургута в XIX веке. Екатеринбург, 2016.

Мухортова Н.Н. Городская приходская община в Западной Сибири во второй половине XVIII в. – 60-х гг. XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.

Некрылов С.А., Коломийцев А.Ю. Малоизвестное о великом: к 175-летию со дня рождения С.П. Боткина // Сибирский медицинский журнал. 2007. Т. 22. № 3. С. 120–124.

Николаев А.П. Приходская община новокрещеных Северо-Западной Сибири во второй половине XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1996. 19 с.

Николаева О.Ю. Деятельность благотворительных организаций по борьбе с голодом 1891–1892 гг. на территории Оренбургской губернии // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 2. С. 123–132.

Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983. 448 с.

Ноздрин Г.А. Общественная жизнь Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Кузбасского гос. техн. ун-та. 2005. № 1(45). С. 120–125.

Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком 1715 / Предисл. П.Н. Скороспеловой. Новосибирск, 1941. 106 с.

Носилов К. Кондинский монастырь и его миссионерская деятельность // Православный благовестник. М., 1898. Т. II. № 12. (июнь). Кн. 2. С. 164–171.

Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. Москва, 2002. 310 с.

Огрызко И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Ленинград, 1941. 148 с.

Огрызко И. Грабитель в рясе: по материалам Тобольского архива // Тобольская правда. 1938. № 13 (16 января). С. 4.

Первое столетие сибирских городов: XVII век / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1996. 190 с.

Сулоцкий А.И. Миссионерства Березовского края – Обдорская, Кондинская и в особенности Сургутская // Сочинения: В 3 т. Тюмень, 2000. Т. 2. С. 789–801.

Сулоцкий А.И. Протоиерей Петр Андреевич Фелицын // Тобольские епархиальные ведомости. 1883. № 17. Отдел неофиц. С. 352–362.

Сулоцкий А.И. Тобольская архиерейская школа – предшественница Тобольской семинарии // Сочинения: В 3 т. / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень, 2000. Т. 1: О церковных древностях Сибири. Т. 1. С. 412–459.

Тверитин И. Я. Священник-хлебороб / Сост. Ю.А. Белоножко, ред. В.К. Белобородов. Шадринск, 1993. 36 с.

Темплинг В.Я. Народная медицина русского населения Западной Сибири XIX в. (социокультурный аспект). Тюмень, 2017. 224 с.

Темплинг В.Я. «Я не находил лучшего для себя мира, какой я чувствовал в кочевьях суровых детей суровой тайги» // Из истории Обдорской миссии: Источники. Тюмень, 2004. С. 10–30.

Туров С.В. Храмы на речных островах // Православие на Обь-Иртышском Севере: материалы к историко-культурному атласу / Под ред. Л.В. Степановой, С.В. Лазаревой, С.В. Турова. Екатеринбург, 2007. С. 3–55.

Цысь В.В., Цысь О.П., Спичак А.В., Борисова В.В. Православие в Нижневартовском районе: три века истории / Под общ. ред. В.В. Цыся. Нижневартовск, 2018. 112 с.

Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Нижневартовск, 2011. 305 с.

Цысь В.В. Нижневартовский приход в начале XX в. Ч. 2: Демографическое развитие, экономика // Западная Сибирь: История и современность: Краеведческие записки. Вып. XI. Нижневартовск; Омск, 2011. С. 106–124.

Цысь О.П. К истории создания и упразднения Обдорской миссии в 20-х – 30-х гг. XIX в. // Вестник угроведения. 2017. № 4. С. 158–167.

Цысь О.П. Научная деятельность православного духовенства Тобольского Севера в XIX – начале XX вв. // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе: XVII Всероссийские историко-педагогические чтения: Сб. науч. статей. Ежегодник. Екатеринбург, 2013. Ч. II. С. 314–324.

Цысь О.П. О некоторых особенностях документооборота благочиния Русской Православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Сургутского церковного округа Тобольской епархии // Источниковедческие и историографические аспекты Сибирской истории / Под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2015. Ч. 10. С. 80–88.

Цысь О.П. Организация управления институтами Русской Православной церкви на Тобольском Севере в XIX – начале XX вв.: очерки истории. Нижневартовск, 2017. 272 с.

Цысь О.П. Православные приходы Тобольского Севера в XIX – начале XX вв.: основные этапы, особенности развития // Вестник Нижневарт. гос. ун-та. 2017. № 2. С. 57–66.

Цысь О.П. Участие духовенства Тобольского Севера в переводе «Устава об управлении инородцев» 1822 г. // Вестник Нижневарт. гос. ун-та. 2018. Серия «Г
(на примере Сургутского церковного округа Тобольской епархии // Источниковедческие и историографические аспекты Сибирской истории / Под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2015. Ч. 10. С. 80–88.

Цысь О.П. Организация управления институтами Право-

Черкасова М.С. Община и церковь на севере России накануне петровских реформ // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2017. № 48. С. 109–113.

Черкасова М.С. Переписная книга Устюжской епархии 1696/97 г.: из истории практического архивоведения на севере России в конце XVII в. // Вестник Российского гос. гуманит. ун-та. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2011. № 12(74). С. 117–130.

Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки / Под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень, 2000. 288 с.

Шашков А.Т. Из истории церквей Сургута и Сургутского уезда // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 1(9). С. 39–46.

Шашков А.Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 5–62.

Шемановский И.С. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.) // Избранные труды. М., 2005. С. 107–289.

Шушвал Н.А. Традиции храмопопечения в среде северного крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 6. С. 46–49.

Щербич С.Н., Темплинг В.Я. П.А. Попов – основатель Обдорской миссии // Православие и русская культура: прошлое и современность: Материалы международной науч. конф. (19–21 мая 2011 г., г. Тобольск) / Отв. ред. Т.А. Кибардина, Т.Ю. Никитина. Тобольск, 2011. С. 140–145.

Якобий А.И. Остяки северной части Тобольской губернии: (формы угасания, причины и меры помощи): доклад сделан в соединенном заседании комитета Тобольского губернского музея и Тобольского физико-медицинского общества 28 марта 1895 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1895. Вып. 4. С. 1–25.

Ядринцев Н. Публицистика и переселенческий вопрос // Сибирский листок: 1890–1894. Тюмень, 2003. С. 282–291.

Tsys Valery V. Barter Trade in North Western Siberia in the Late of 19th – Early 20th Centuries // Bylye Gody. 2015. Vol. 37. Is. 3. P. 595–601.

Tsys' Olga P. Visits of Tobolsk Diocesan Bishops to the North of Western Siberia in XVIII – early XX centuries // Bylye Gody. 2017. Vol. 44. Is. 2. P. 478–486.

Научное издание

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XX В.: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ФОРМЫ, ФАКТОРЫ, СПЕЦИФИКА, ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Монография

Рекомендовано к печати
Редакционно-издательским советом
Нижневартовского государственного университета

Редактор *Н.В. Титова*
Обложка *В.Ю. Антонов*
Корректор *В.В. Борисова*
Оригинал-макет *И.В. Мелехов*

Подписано в печать 27.04.2020. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 300 экз. Заказ № 228.

Нижневартовский государственный университет
Издательство НВГУ
628602, Тюменская область, ХМАО–Югра,
Нижневартовск, ул. Ленина, 56

Издательство СО РАН
630090, Новосибирск, Морской просп., 2
Отпечатано в Издательстве СО РАН
E-mail: psb@sibran.ru
тел. (383) 330-80-50
Интернет-магазин Издательства СО РАН
http://www.sibran.ru